

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее пособие предназначено для студентов германских отделений филологических специальностей вуза и соответствует стандартному курсу лекций для начального знакомства с германистикой, германской филологией, германскими языками.

Краткость курса «Введение в германскую филологию» обусловлена тем, что многие вопросы германистики изучаются подробно в других университетских дисциплинах (современные германские языки, история германских языков, введение в языкознание, общее языкознание и др.); кроме того, все большее акцент делается на самостоятельную работу студентов (библиография, представленная в пособии, освещает большинство основных вопросов германской филологии).

Основная цель курса — дать студентам общеобразовательные и некоторые специальные знания по германской филологии: распространение германских языков в мире, их функциональный статус, основные черты языковых ситуаций в германоязычных странах, образование и основные этапы развития современных германских языков, их структурно-типологические и генеалогические черты, история германского языкознания.

Традиционно курс лекций по германской филологии состоит из разделов, посвященных индоевропейскому языку и методам исследования в индоевропеистике; становлению германских языков; общим чертам в их фонетике, грамматике, лексике; внутренней группировке германских языков и отличительным чертам подгрупп: восточногерманских, западногерманских, северогерманских (скандинавских) языков.

В целом учебный курс по введению в германскую филологию очень сжатый, построен таким образом, чтобы на семинарских занятиях рассматривались иные темы, чем на лекциях. Именно в связи с краткостью курса темы, связанные с характеристикой отдельных германских языков: социолингвистическая характеристика, периодизация, первые письменные свидетельства, памятники, литературные произведения и под., — вынесены на обсуждение во время семинарских занятий на основании докладов, сделанных студентами (предполагаемые темы докладов и рекомендуемая литература названы в конце книги). Такое разбиение учебного курса, равно как и создание настоящего учебного пособия, обусловлено тем, что студенты вполне обеспечены недавно переизданной книгой

В. П. Беркова «Современные германские языки» (СПб., 2001), в то время как литературы по общегерманистическим темам катастрофически не хватает.

Очевидно, что сам жанр настоящего пособия — курс лекций — предполагает активное использование уже существующей литературы по рассматриваемой проблематике¹. Широко привлекались также данные Интернета, особенно при формировании блока вспомогательных материалов: текстов на германских языках², карт, схем, таблиц, дополнительных сведений по отдельным темам и под. Наличие такого наглядного инструментария, расположенного в конце книги, будет способствовать усвоению материала и стимулировать интерес к изучаемому предмету.

¹ Прежде всего это касается пособий: Берков В. П. Современные германские языки. СПб., 1996. 2-е изд.; СПб., 2001; Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1953. 2-е изд.; М., 2003; Введение в германскую филологию / Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. М., 1980; Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952 и др.

² <http://bible.gospelcom.net/versions>, <http://www.unhchr.ch/html/menu6/1/univdec1.htm>;
<http://www.wikipedia.org>;
<http://www.krugosvet.ru> и др.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1.1. Германская филология, ее предмет и задачи

Введение в германскую филологию — первая в ряду дисциплин, посвященных изучению германских языков и объединенных под названием «германистика». Германистика «изучает процессы и закономерности образования германских языков в кругу индоевропейских языков и в период их самостоятельного исторического развития, формы их существования на разных этапах общественной жизни германских народов, структуру и функционирование современных германских языков».

Германские языки — группа родственных языков западного ареала индоевропейской семьи. Ареал современного распространения германских языков включает территорию ряда стран Западной Европы (Великобритания, ГДР, ФРГ, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Швейцария, Люксембург, Швеция, Дания, Норвегия, Исландия), Северной Америки (США, Канада), юга Африки (ЮАР), Азии (Индия). Австралии, Новой Зеландии. Общее число говорящих около 550 миллионов человек. Германские языки традиционно делятся на 3 подгруппы: северную (шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский), западную (английский, немецкий, нидерландский, люксембургский, африкаанс, фризский, идиш) и восточную (вымершие готский, бургундский, вандальский, гепидский, герульский).

1.2. Принципы классификации языков.

Генеалогический принцип классификации языков

Уже само определение изучаемого предмета вызывает у начинающего германиста ряд вопросов: почему германские языки объединены в одну группу? Что такое индоевропейские языки и как они соотносятся с германскими? На каких основаниях сопоставляются и классифицируются языки мира?

Наблюдение над языком, сравнение явлений разных языков, конечно, проводилось с незапамятных времен, с того самого момента, как человек осознал, что владеет таким инструментом общения, как язык, и что кон-

кретные проявления этого инструмента — отдельные языки — имеют и различные, и сходные черты. К XVIII в. в Европе уже был накоплен немалый фактический материал, иллюстрирующий многочисленные сходства между разными европейскими языками, в частности словари сопоставительного типа и грамматики отдельных языков. В XVIII в. европейские ученые ближе познакомились с памятниками древнеиндийской письменности, самые архаичные из которых были созданы за три тысячелетия до этого. Сходство санскрита — древнеиндийского языка — и европейских языков было просто удивительным, например, фраза «Кто твой сын?» звучит на санскрите как *Kas tava sūnus?*, а на литовском языке — *Kas tavo sūnus?*

При обнаружении формально-смыслового сходства между явлениями двух или нескольких языков встает вопрос о причине такого сходства. Его прежде всего можно истолковать как случайное совпадение, как, например, древнегреческое слово *theós* и ацтекское *teotl* 'бог' или японское *soku* и нем. *die Socke* 'носок'.

Однако вероятность случайного совпадения будет уменьшаться с количеством языков, в которых обнаружатся такие сходные знаки, и еще в большей степени — с увеличением количества знаков в этих языках, обнаруживающих такие совпадения.

Другой более вероятной гипотезой для объяснения подобных совпадений должно считаться объяснение этого сходства историческими контактами и заимствованием слов (а иногда и грамматических форм, и фонем) из одного языка в другой (или в несколько языков). Нередко в силу тех или иных причин происходит массовое усвоение данного языка населением, говорящим на другом языке. Это усвоение сопровождается массовыми нарушениями норм усваиваемого языка, причем эти нарушения в каждом случае закономерно обусловлены влиянием родного языка соответствующего этнического коллектива. Усваивая, скажем, язык пришельцев, аборигены бессознательно, но регулярно вносят в него свои произносительные привычки, свои словообразовательные модели и синтаксические конструкции, бессознательно, но систематически элиминируют в своей речевой деятельности все наиболее трудное и специфическое в усваиваемом языке. Если таких аборигенов много, может быть, больше, чем пришельцев, если они пользуются вновь усвоенным языком постоянно, как основным, тысячекратно повторенное искажение становится нормой и язык получает новое, другое звучание и другой облик. В этих случаях имеет место развитие языка на базе субстрата. Термином **субстрат** (лат. *substrātum* 'подстилка, нижний слой') обозначают тот язык (чаще всего язык коренного населения), который оказался вытесненным из употребления другим языком (чаще всего языком пришельцев), но оставил более или менее отчетливые следы в вытеснившем его языке как в виде матери-

альных заимствований, так и главным образом в виде калек (семантических, словообразовательных, синтаксических) и тех или иных особенностей фонетики.

Примером развития на базе субстрата могут служить романские языки. Их отличия друг от друга не в последнюю очередь объясняются тем, что народная латынь, из которой они происходят, в разных покоренных Римом районах Европы усваивалась разными народами, т. е. накладывалась на разные субстраты.

Нередко, однако, бывает и так, что в борьбе между языком аборигенов и языком пришельцев победителем выходит местный язык. Но за время конкуренции двух языков и связанного с нею более или менее широкого двуязычия населения этот местный язык успевает все же перенять какие-то черты из языка пришельцев. В этих случаях говорят о влиянии **суперстрата**, т. е. о наслоении чуждых черт на исконную основу местного языка. Яркий пример суперстратного влияния — французские наслоения в английском языке, проникшие в него после нормандского завоевания в связи с длительным господством в Англии французского языка. Таким образом, в результате длительных ареальных контактов неродственные (или неблизкородственные) языки приобретают сходные черты, образуя **языковые союзы** (балканский языковой союз, кавказский языковой союз). Классификация языков по географическому принципу, т. е. на основании сходств, развившихся в результате контактов, выделение языковых союзов — это **ареальная классификация языков**.

Но не все виды формально-семантического сходства знаков двух или более языков могут быть истолкованы как результат заимствования. Существует тип сходства между знаками различных языков, который выражается в наличии регулярных фонемных соотношений между сходными знаками; этот тип сходства в целом не может быть объяснен заимствованием слов одних языков в другие. Например, гр. π регулярно соответствует нем. *f*: гр. $\pi\alpha\tau\eta\rho$, $\pi\omicron\upsilon\varsigma$ — нем. *der Vater* 'отец', *der Fuß* 'нога'; лат. *f* регулярно соответствует славянскому, в частности русскому б : рус. *беру* — лат. *fero*, рус. *бобр* — лат. *fiber*. Сходство этого типа предполагает наличие таких звуковых соотношений, при котором фонема x языка A находится в соответствии с фонемой y языка B во всех позициях. Такие звуковые соотношения между языками обнаруживаются обычно в группах слов и морфем, отражающих базисные понятия человеческой деятельности и среды. Единственным вероятным объяснением этого сходства в соотносимых знаках различных языков является допущение общего происхождения рассматриваемых языковых систем, т. е. происхождение этих систем из какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях. Такое развитие называют дивергентным, в от-

личие от конвергентного, описанного выше. **Дивергенция** — распад единого языка на два или несколько различающихся между собой родственных языков, **конвергенция** — сближение разных языков вплоть до замены двух или нескольких языков одним.

В истории языков дивергенция постоянно переплетается с конвергенцией, но следует разграничивать рассмотренные два вида исторической связи языков: с одной стороны — контакт, вызванный географическим, территориальным соседством, контактом цивилизаций, двусторонними или односторонними культурными воздействиями и т. д.; с другой стороны — исконное родство языков, развившихся в процессе дивергенции из одного более или менее единого языка, существовавшего ранее. Контакты языков ведут к заимствованию слов, отдельных выражений, а также корневых и некоторых аффиксальных (обычно словообразовательных) морфем, однако некоторые разряды языковых элементов, как правило, не заимствуются. Это прежде всего аффиксы формообразования — показатели соответствующих грамматических категорий, обычно также служебные слова. Есть и разряды знаменательных слов, для которых заимствование является менее типичным, например термины ближайшего родства, названия частей тела, числительные — обозначения сравнительно небольших количеств (особенно в рамках от 1 до 10), глаголы — названия наиболее элементарных действий, слова-заместители разного рода и некоторые другие. Если в каких-либо языках наблюдается более или менее систематическое материальное сходство в области формообразовательных аффиксов и в перечисленных сейчас разрядах слов, такое сходство свидетельствует не о влияниях и заимствованиях, а об исконном родстве этих языков, о том, что эти языки являются разными историческими «продолжениями» одного и того же языка, существовавшего прежде.

Понятие **языкового родства** и **родственных языков** было сформулировано французским лингвистом Антуаном Мейе (1866—1936): «...два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюции одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше» [Мейе, 1938, 50]. Этот язык — общий «предок» родственных языков, т. е. язык, постепенно превратившийся в ходе «двух различных эволюций» в каждый из родственных языков или распавшийся на родственные языки, называется их **праязыком**, или **языком-основой** (нем. *Ursprache*, англ. *parent language*), а всю совокупность родственных между собой языков называют **языковой семьей**.

В отдельных случаях язык-основа известен (например, так называемая «народная латынь» для романской группы языков), но чаще язык-основа представляет собою гипотетически восстанавливаемую языковую модель, систему научных фактов, полученных с помощью сравнительно-истори-

ческого метода. Восстановление праязыковых форм не является самоцелью, а служит для выяснения того, что в каждом исторически засвидетельствованном языке сохраняется от древнейшего языкового состояния или возникает как результат действия общих тенденций, свойственных родственным языкам, а что является результатом самостоятельного развития каждого отдельного языка.

Процесс распада языка-основы нельзя представить как прямолинейное расчленение существовавшего некогда единого целого. Предполагают, что уже и общеиндоевропейский, и общегерманский делились на диалекты. Дифференциация племенных диалектов при их территориальном расхождении могла сменяться сближением в определенных исторических условиях, смешением с неродственными языками.

Русский, литовский, латынь, французский, испанский, греческий, древнеиндийский, английский, немецкий, вымерший хеттский и ряд других живых и мертвых языков вместе составляют **индоевропейскую семью языков**. Она возникла в результате распада общеиндоевропейского языка-основы (праиндоевропейского) и длительного самостоятельного развития его обособившихся территориальных ответвлений — диалектов, постепенно превращавшихся в отдельные, хотя и родственные между собой языки. **Индоевропейский язык-основа** не зафиксирован памятниками письменности: он прекратил свое существование в качестве относительно единого (хотя, по-видимому, имевшего диалекты) языка задолго до первых письменных памятников, во всяком случае не позже конца III тысячелетия до н. э.; слова и формы этого языка — **архетипы**, или **праформы** — лишь предположительно реконструируются учеными на основании сравнения фактов возникших из него родственных языков.

Обычно языковая семья представляет собой некое множество языков, внутри которого выделяются **группы**, объединенные более тесным родством. Так, в индоевропейской семье выделяются следующие группы: анатолийская, тохарская, италийская (мертвые языки; основной представитель италийских языков — классическая латынь), индийская, иранская, греческая, кельтская, романская, германская, балтийская, славянская, а также отдельные языки, не входящие в состав групп: албанский, армянский. Языки каждой группы восходят к своему языку-основе — праславянскому, прагерманскому (иначе — общеславянскому, общегерманскому) и т. д., в свою очередь являющемуся ответвлением от праязыка всей семьи, в данном случае общеиндоевропейского. Праславянский, прагерманский и т. д. существовали в качестве относительно единых языков в эпоху более позднюю, чем общеиндоевропейский, но также предшествующую письменным памятникам (праславянский, например, вероятно, до VI—VII вв. н. э.).

Внутри групп выделяются подмножества, объединенные еще более близким родством. Пример такого подмножества — восточнославянская группа, охватывающая русский, украинский и белорусский языки. Языком-основой этих трех языков был древнерусский (древневосточнославянский) язык, существовавший как более или менее единый (хотя и подразделявшийся на племенные диалекты) язык в эпоху Киевской Руси.

Классификация языков по генетическому принципу, т. е. по принципу родства, называется **генеалогической классификацией**.

Таким образом, родственные языки складываются в результате распада исходной языковой системы вследствие разрыва контактов между носителями отдельных диалектов и распространяются на определенной исторической территории благодаря миграциям носителей этих диалектов. Распадение языка-основы происходит не в один прием (какие-то ответвления обособляются раньше, другие позже), отдельные инновации, возникая в разных местах и в разное время, неравномерно охватывают ветви и группы. В итоге, например, славянская ветвь одними чертами теснее связана с балтийской (т. е. литовским, латышским и древнепрусским языками), другими чертами — с иранской ветвью, некоторыми чертами — с германской ветвью и т. д.

Можно предположить, что древняя общеиндоевропейская языковая система существовала до V—IV тыс. до н. э. Именно к этому времени следует отнести начало диалектного членения общеиндоевропейского языка. Первоначально же этот язык должен был быть распространен в определенной географической области, которую принято именовать прародиной индоевропейцев. Такая прародина соответствует картине среды обитания, получаемой на основе лингвистической реконструкции лексики праязыка (по данным [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 2, 863—881, 957]).

Первое, что можно утверждать с достаточной уверенностью относительно индоевропейской прародины, это то, что она представляла собой область с горным ландшафтом. Об этом свидетельствует прежде всего многочисленность индоевропейских слов, обозначающих 'высокие горы', 'возвышенности'. Это ландшафт с широким распространением горного 'дуба' и ряда других деревьев и растений, растущих в высокогорных местностях. С такой картиной высокогорного ландшафта согласуются и данные о 'горных озерах' и 'быстрых, стремительных реках', а также данные о высокогорном характере климата с пасмурным небом и частыми грозами: общие для многих индоевропейских языков лексемы с семантикой 'облако', 'туча', 'небо', 'ветер', 'горный, северный ветер', 'дождь', 'снег', 'зима', 'холод', 'лед'. Другой ряд слов, связанных с климатическими понятиями, исключает приурочение индоевропейской прародины к северным областям Евразии, ср. 'жара', 'тепло'.

Такая картина праиндоевропейского ландшафта, естественно, исключает те равнинные районы Европы, где отсутствуют значительные горные массивы, т. е. северную часть Центральной Евразии и всю Восточную Европу, включая и Северное Причерноморье.

Данные об индоевропейских названиях деревьев и растений: 'дерево', 'дуб', 'желудь', 'береза', 'бук', 'ясень', 'осина', 'ива', 'ветла', 'тис', 'сосна', 'пихта', 'гречский орех', 'ореховое дерево', 'вереск', 'роза', 'мох', согласующиеся с характеристиками горного ландшафта индоевропейской прародины, локализуют ее в сравнительно более южных областях Средиземноморья в широком смысле, включая Балканы и северную часть Ближнего Востока (Малую Азию, горные области Верхней Месопотамии и смежные ареалы). Исследования последнего времени, касающиеся «мирового дерева» как основного символа, вокруг которого строится индоевропейская модель мира, образуемая всеми живыми существами, располагающимися по нескольким ярусам — верхнему, среднему, нижнему, подводят также к выводу, что такие представления могли возникнуть лишь в зоне, богатой лесами.

Такой сравнительно южный характер экологической среды индоевропейской прародины, предполагаемый на основании данных о географическом ландшафте и растительности, подкрепляется анализом общеиндоевропейских названий животных: 'волк', 'медведь', 'барс', 'леопард', 'лев', 'рысь', 'лиса', 'шакал', 'дикий вепрь', 'кабан', 'олень', 'лось', 'антилопа', 'дикий бык', 'тур', 'зубр', 'заяц', 'обезьяна', 'слон', 'слоновая кость', 'змея', 'мышь', 'краб', 'муха', 'вошь', 'гнида', 'рыба', 'птица', 'орел', 'журавль', 'ворон', 'тетерев', 'дятел', 'маленькая птичка', 'зяблик', 'водяная птица', 'гусь', 'лебедь'. Некоторые из этих животных ('барс', 'леопард', 'лев', 'обезьяна', 'слон', 'краб') специфичны именно для южной географической области, что исключает Центральную Европу в качестве возможной первоначальной территории обитания индоевропейских племен.

Вывод о невозможности приурочить индоевропейскую прародину к Центральной и Восточной (но не Юго-Восточной) Европе, полученный на основании свидетельств о ландшафте и экологической среде обитания, согласуется и с данными культурно-исторического характера о домашних животных и культурных растениях, с которыми должны были быть знакомы древние индоевропейцы. Для IV тысячелетия до н. э., т. е. в период существования общеиндоевропейского языка и его носителей — древних индоевропейцев, скотоводство (как и земледелие) в Центральной Европе было в зачаточном состоянии, тогда как в общеиндоевропейском восстает развитая система скотоводства с наличием основных домашних животных: 'конь', 'лошадь', 'осел', 'бык', 'корова', 'овца, баран', 'козел, коза', 'собака', 'свинья', 'поросенок', ср. также обозначения продуктов ско-

товодства и термины, связанные с «пастьбой»: 'невозделанное поле для пастьбы домашнего скота', 'охранять скот', 'пасты', 'пастух'. Для Восточной Европы, в частности для Северного Причерноморья и приволжских степей, такое развитое скотоводство известно лишь в III тысячелетии до н. э.

Характерное для древнего индоевропейского общества развитое земледелие, устанавливаемое на основе реконструируемых индоевропейских названий сельскохозяйственных растений ('ячмень', 'пшеница', 'лен'), плодовых деревьев ('яблоко', 'яблоня', 'плодовое дерево', 'кизил', 'вишня', 'виноград'), специальных орудий для обработки земли ('пахать', 'плуг', 'сеять', 'борозда', 'серп'), названий сельскохозяйственных сезонов ('время жатвы', 'время созревания', 'созревать', 'собирать урожай'), названий сельскохозяйственных продуктов ('масло'), названий орудий и действий обработки продуктов земледелия ('обрабатывать зерна ячменя на огне', 'толочь', 'измельчать зерно', 'молоть', 'дробить', 'толочь', 'жернов' (такие орудия проникают в Европу из переднеазиатского ареала лишь к железному веку, т. е. к I тыс. до н. э.)) также может служить убедительным свидетельством в пользу возможности локализации индоевропейской общности в областях с наиболее развитым (в IV тыс. до н. э. и ранее) земледелием, т. е. на той же южной территории, простирающейся от Балкан до Ирана. Наличие развитой терминологии земледелия и виноградарства, в свою очередь, исключает более северные области Европы. Такие злаки, как 'ячмень', становятся в Европе преобладающей культурой лишь к концу II — началу I тыс. до н. э.

Примерно этот же переднеазиатский ареал первоначального расселения индоевропейских племен следует предположить и на основании развитости молочного хозяйства у древних индоевропейцев, устанавливаемой на основе многочисленных индоевропейских названий 'молока', 'молочных продуктов', 'доения', а также реконструируемой общеиндоевропейской символики 'дойной коровы' как поэтического образа всеобщего изобилия. Этот признак объединяет древние индоевропейские народы с некоторыми народами севера Передней Азии, для которых молочное хозяйство также имело особое значение.

Особую ценность для установления первоначальной среды обитания древних индоевропейцев и локализации индоевропейской прародины представляет индоевропейская терминология транспорта — названия 'колесных повозок' ('колесо', 'колесная повозка', 'колесница'), названия металлов — 'бронзы', необходимой для изготовления колесных повозок из твердых пород горного леса, и тягловой силы, которую следует предположить уже в период существования общеиндоевропейского языка, т. е. в IV тысячелетии до н. э. Весь этот комплекс данных опять-таки ограничивает территорию первоначального распространения индоевропейского

языка областью от Балкан до Ближнего Востока и Закавказья, вплоть до Иранского плоскогорья и Южной Туркмении.

Есть основания для реконструкции у индоевропейцев и водного транспорта: 'плавать в лодке или на корабле с помощью весел', 'плыть (на судне)'. В IV—III тысячелетиях до н. э. развитый водный транспорт известен в ареале Ближнего Востока, в частности в древней Месопотамии.

Реконструируемая праиндоевропейская лексика различных семантических групп, отражающих фауну, флору, хозяйство и материальную культуру, позволяет примерно наметить географическую область, в пределах которой могла находиться индоевропейская прародина и откуда должны были начаться миграции индоевропейских племен, приведшие к распространению их на обширной территории Евразии в историческое время.

Свидетельства другого порядка, такие как элементы духовной культуры, реконструируемые по лингвистическим данным, а также лексические заимствования и факты взаимодействия индоевропейского с другими языками, позволяют еще более сузить эту намечаемую обширную территорию возможной прародины индоевропейцев и ограничить ее более компактным ареалом.

Такой праиндоевропейский языковой ареал следует локализовать в той части намечаемой области, где могли осуществляться взаимодействие и контакты праиндоевропейского языка с семитскими и картвельскими языками, которые обнаруживают целый пласт заимствованной из одного языка в другой лексики, а также целый ряд схожих структурных черт, предполагающих взаимодействие этих языков в течение длительного периода.

Данный фактор взаимодействия предполагает в качестве индоевропейской прародины определенный ареал в пределах Ближнего Востока и Передней Азии — в районе озера Ван, на границе современной Турции и Армении. Миграции индоевропейских племен с первоначальных мест их обитания привели к распространению древних индоевропейских диалектов на обширных пространствах Евразийского континента. Расселяясь, индоевропейские племена удалялись друг от друга, уменьшались и сходства в их диалектах — постепенно диалекты перерастали в отдельные языки. Таким знаковым расподоблением стало, например, выделение в индоевропейских языках группы *kentum* и группы *satəm* — деление по наличию или отсутствию перехода индоевропейских смягченных заднеязычных в свистящие или шипящие. К группе *satəm* относятся славянские, балтские, индийские, иранские, армянский и албанский языки. Остальные индоевропейские языки — *kentum*, ср., например, лат. *cordis* 'сердце', рус. *сердце*, бел. *сэрца* — нем. *das Herz*, англ. *heart* и др.

1.3. Сравнительно-историческое языкознание. Сравнительно-исторический метод

Изучение языкового родства относится к области сравнительно-исторического языкознания. Сравнительно-историческое языкознание — область языкознания, объектом которой являются родственные, т. е. генетически связанные языки. В сравнительно-историческом языкознании речь идет об установлении соотношения между родственными языками и описании их эволюции во времени и пространстве. Основным инструментом сравнительно-исторического языкознания — сравнительно-исторический метод.

Сравнительно-исторический метод — совокупность приемов и процедур историко-генетического исследования семей и групп, а также отдельных языков, используемая в сравнительно-историческом языкознании для установления исторических закономерностей развития языков [Языкознание 1998, 486—490].

Какие же процедуры включает сравнительно-исторический метод? На какие принципы он опирается? Назовем хотя бы основные из них:

- 1) учет фонетических соответствий в родственных языках;
- 2) учет грамматических соответствий и словообразовательных закономерностей в родственных языках;
- 3) учет семантических закономерностей;
- 4) учет диалектных данных;
- 5) учет историко-культурных данных.

1. Далеко не все слова, которые одинаково или почти одинаково звучат в двух родственных языках, отражают древние фонетические соответствия: можно столкнуться и с простым совпадением в звучании слов. Например, не являются родственными нем. *habe* 'имею' и лат. *habeo*, которые даже совпадают в форме повелительного наклонения — *habe!*, потому что в результате фонетических изменений в германских языках, лат. [к] соответствует [х] (лат. *cornu* 'рог' — нем. *das Horn* 'рог'). Таким образом, в процессе сопоставления родственных слов следует опираться не на их внешнее звуковое сходство, а на строгую систему звуковых соответствий, установившуюся в результате изменений звукового строя в отдельных генетически связанных языках. Такие звуковые соответствия для индоевропейских языков подробно описаны и представлены (в том числе и в виде развернутых таблиц) в классических трудах по компаративистике, например [Семереньи, 1980].

2. Родство индоевропейских языков было полностью обосновано, а их круг уточнен и четко очерчен только после того, как были выявлены их многочисленные общие грамматические черты. Такие общие черты были найдены в системе склонения существительных и прилагательных, спря-

жения глагола, степеней сравнения прилагательных. Общее происхождение имеют многие индоевропейские личные местоимения, например о.-слав. *я* < праслав. **azъ*, лит. *àš*, лат. *ego*, гр. *ἐγώ*, гот. *ik*, хет. *uk*, восходящие к и.-е. **eǵ-*.

Следует учитывать и регулярность словоизменительных процессов, например внутреннюю флексию в западногерманских языках: англ. *tooth* 'зуб' — *teeth* 'зубы', *begin* 'начинать' — *began* (Part. 1) — *begun* (Part. 2) и др.

Знание типичных для того или иного языка словообразовательных средств также необходимо для квалифицированной компаративной работы. Например, во франц. *indépendant* 'независимый' выделяется отрицательный префикс *in-*, как в *indéterminé* 'неопределенный', и суффикс прилагательного *-ant-*, как в прилагательном *charmant* 'привлекательный, чудесный'. А следовательно, *indépendant* < *dépendre* 'зависеть'. Выделив префикс *de-*, как в глаголе *de-noter* 'отмечать', находим исходную мотивацию — *pendre* 'вешать', 'висеть' (ср. англ. *pound* 'фунт').

3. Наиболее сложный и наименее разработанный аспект сравнительно-исторического исследования — семантический анализ. Здесь системность и закономерность изменений далеко не так очевидны, как в фонетике или морфологии. Тем не менее определенные закономерности прослеживаются и в развитии значений слов. Существуют стандартные пути семантического развития, обусловленные общими законами человеческого мышления (антропоморфность картины мира, развитие мышления от конкретного к абстрактному, метафоричность мышления и под.) и строения языка, типичные для многих языков мира. Примером такого регулярного, типичного семантического развития является присущий многим индоевропейским языкам семантический переход 'брать, хватать' → 'понимать': лат. *comprehendo* 'хватаю, ловлю' → 'понимаю', которое сохранилось во всех романских (и в английском — из французского) языках; нем. *greifen* 'хватать' > *begreifen* 'понимать', англ. *to catch an idea*, рус. *схватывать, улавливать, усваивать* 'понимать' и др. Кстати, и др.-рус. *понимати* < *имети, имати* 'иметь', 'брать', см. такие контексты, как: *понял жену из варягов, понял дани немало*.

Наиболее надежными и достоверными являются такие реконструкции более ранних значений, которые вписываются в общие закономерности развития семантики. Очевидно, что ни по каким семантическим законам не могут быть родственными нем. *der Brack* (< *brechen* 'ломать, рушить'), заимствованное русским языком, и собственно рус. *брак* < *братъ*. С другой стороны, зная, что англ. *to make* 'делать', нем. *machen* 'делать' и рус. *мазать* родственны, в качестве наиболее ранней следует принять семантику 'мазать', поскольку существует общий закон развития значения от конкретного к абстрактному.

Тем не менее, конечно, следует учитывать и возможность уникального развития значения. Примером уникального семантического развития является происхождение праслав. **zna-* (рус. *знать*) < и.-е. **ġen-*. Этимология этого корня проанализирована О. Н. Трубачевым: «Индоевропейскому словарю известны, на первый взгляд, две разные основы: **ġen-* 'род, рождаться, быть в родстве' и **ġen-* 'знать' (> нем. *kennen*, англ. *know*). Но о том, что значения 'род, рождаться, быть в родстве' и 'знать' непосредственно связаны, говорит интересная особенность словоупотреблений, которая не случайно хорошо сохранилась в ряде индоевропейских языков. Кроме **ġen-* 'знать', индоевропейские языки знают другой важный корень **uoid-*. Сравнение показывает, что они разграничивались в употреблении: и.-е. **ġen-* 'знать' первоначально употреблялся в словосочетаниях типа 'знаю человека', а **uoid-* 'знаю (вещь)' (> праслав. **vid-/ *vĕd-*, родств. нем. *wissen* 'знать' [Фасмер 1, 283]. — *Е. Р.*). Индоевропейский язык, по-видимому, не знал единого абстрактного корня 'знать'. Об этом говорит очевидная вторичность обоих терминов, восходящих к специальным конкретным обозначениям» [Трубачев, 1959, 154—157]. В этот ряд семантически закономерно вписываются такие общеславянские лексемы, как **žĕna* 'человек, которого (которую) знаю, родственница' и **ne-vĕst-a* 'нечто (некто) неизвестное; та, которую еще не знаю'.

4. Сравнительно-историческое исследование не может обойтись без данных диалектов. Диалекты — неисчерпаемая сокровищница, в которой сохраняются архаичные слова и формы, давно уже утраченные литературным языком. Замечательным примером того, какую помощь может оказать компаративисту диалектный материал, является этимология слова *Купала*. Ранее происхождение лексемы связывалось с глаголом *купать(ся)*, что имело как христианское объяснение (при канонизации языческих богов Ивану Купале был придан статус Иоанна Крестителя), так и языческое: по поверьям начиная с этого дня разрешалось купаться, кроме того, как известно, купальский обряд связан с водой. Сегодня бесспорной считается иная, с точки зрения семантики — обратная, этимология слова. Углубленное изучение культурно-этнографических характеристик купальского обряда показало, что в его основе лежит мотив сжигания ведьмы, а в полесских диалектах, самых архаичных в славянском регионе, существуют лексемы *купець, купаць* 'гореть без пламени, дымить' < праслав. **kupĕti, kopti* с сакральным значением 'очищать огнем' [Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, 5, 161].

5. Не менее важную роль, чем диалекты, играет знание реалий жизни и культуры, исторические сведения. Например, нем. *die Wand* 'стена' было обоснованно соотнесено с нем. *winden* 'витья', англ. *wind* 'витья', *wond* 'прут' только после того, как было обнаружено письменное свидетельство

Геродота о том, что древние германцы плели стены своего жилья из ветвей деревьев.

Незнание истории и реалий порождает этимологические мифы. Одним из таких мифов является происхождение американского выражения *O. K.* (*o'key*). Авторство его приписывали президенту Джексону, который будто бы был не в ладах с традиционной английской орфографией и предпочитал фонетический принцип написания. Однажды, когда ему принесли на подпись какую-то бумагу, он согласился с ее содержанием и решил поставить сокращенную резолюцию *all correct* 'все правильно'. Отсюда будто бы и пошло выражение *O. K.* 'все в порядке'. Однако эта увлекательная история всего лишь этимологический миф. На самом деле происхождение американизма иное: оно связано с избирательной кампанией другого кандидата в президенты США — Бёрена. В 1840 г. нью-йоркский клуб демократов принял имя «*O. K. Club*» в честь места рождения их кандидата — Old Kinderhook. Потом выражение *O. K.* стало лозунгом и распространилось [Варбот, 1983].

Назовем некоторые приемы сравнительно-исторического метода: определение хронологии (чаще относительно хронологии разных событий в развитии языка/языков); определение ареала языковых явлений, в частности методика изоглосс (установление границ общих фонетических, грамматических и лексических признаков); внешняя реконструкция; внутренняя реконструкция.

Восстановление первоисточника, архетипа производится на основании сравнения языковых единиц родственных языков (внешняя реконструкция) или разноэтапных фактов одного языка (внутренняя реконструкция).

Приведем примеры внешней реконструкции. Происхождение и исходная семантика рус. *врач* может быть восстановлена только в сравнении с данными других славянских языков: например, болг. *врач* 'волшебник, ведьмак', сербск. *вра́чати* 'гадать, ворожить, лечить' позволяют восстановить древнее значение русского слова 'ворожбит, который заговаривает болезни, лечит заговорами'. Значение 'говорить', содержащееся в слове, сохранилось в рус. *врать* 'говорить неправду' ← 'говорить', родственное *ворковать* [Откупщиков, 1986, 18].

Предпосылкой применения метода внутренней реконструкции является неравномерность развития системы языка, в результате чего могут сохраняться архаизмы, которые отражают более ранние периоды развития языка. В качестве примера можно привести формы им. п. ед. ч. и мн. ч. корневого склонения в древнеанглийском — *tan(n)* 'человек' и *men(n)* 'люди'. Зная условия перехода $a > e$ под влиянием i (перегласовка на i^2) в германских языках, можно сделать предположение, что и в форме множе-

ственного числа в корне когда-то был гласный *a*, а в окончании *i*. Поэтому для этой формы восстанавливается архетип **manni* [Введение, 1980, 37].

Реконструкция совершается как на основании сравнения данных живых языков и сохранившихся литературных памятников мертвых языков, так и на основании изучения истории определенного языка и восстановления его древнего, еще дописьменного состояния. Поэтому, собственно, метод, которым проводятся подобные исследования, и называется сравнительно-историческим.

1.4. Краткие сведения из истории изучения германских языков

Обычно возникновение сравнительно-исторического языкознания (компаративистики), прежде всего его ядра — сравнительно-исторической грамматики, связывают со знакомством европейских лингвистов с санскритом в конце XVIII в. Однако к такому развитию лингвистику подталкивала вся научная методология того времени (Ч. Дарвин «Происхождение видов» (1859), идея прогресса Лессинга, идея регресса Руссо и под.).

Наука о языке не только испытывала плодотворное влияние со стороны общей методологии наук, но и сама принимала активное участие в выработке общих идей. В частности, важную роль сыграла работа Гердера «Исследование о происхождении языка» (1770—1772), которая наряду с его же статьей «О возрастах языка» явилась одним из самых серьезных подступов к будущему сравнительно-историческому языкознанию. Выступая против распространенных тезисов об исконности языка, его божественном происхождении и неизменяемости, Гердер был одним из первых провозвестников историзма в языкознании. Согласно его учению, естественные законы определили необходимость возникновения языка и его дальнейшего развития. И. К. Аделунг в начале XIX в. формулирует критерии различия в степенях языкового родства, предполагающие не просто сравнение языков, считающихся родственными, но, по сути дела, сравнение их грамматических структур (не только лексем, как это было принято). Характерно, что У. Джоунз, которого считают родоначальником сравнительно-исторического метода, ознакомившись с санскритом и обнаружив его сходство в глагольных корнях и в грамматических формах с греческим, латинским, готским и другими языками, в 1786 г. уже смог предложить совершенно новую концепцию лингвистического родства: наличие достаточного количества совпадений определенного рода в сравниваемых языках позволяет сделать заключение об их генетическом родстве и, следовательно, об их происхождении из общего праязыка. Ф. фон Шлегель в труде «О языке и мудрости индийцев» (1808) не только под-

черкивает роль грамматических элементов при установлении языкового родства (именно он ввел в употребление термин «историческая грамматика»), но и применительно к санскриту, греческому, персидскому, немецкому и другим языкам формулирует первые постулаты сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, подчеркивая особую важность форм спряжения.

Идеи языкового родства выдвигались и раньше (ср. отчасти уже у Данте, а также «О родстве языков» Гвильельма Постеллуса, XVI в.). Так, уже в XVII в. сложилось представление о родстве языков семитской семьи, германской и романской групп, славянских языков.

Эти теоретические предпосылки сравнительно-исторического языкознания подкреплялись обширным собранием лексики разных языков, упорядоченной в словарях сопоставительного типа («Сравнительные словари всех языков и наречий Палласа» (1787); Словарь испанского миссионера Эрвас-и-Пандуро, словарь Аделунга и Фатера и др.).

В XVI—XVII вв., в эпоху формирования наций и национальных языков, в европейских странах возник большой интерес к родным языкам. Создаются первые описательные грамматики родных языков, в том числе германских — английского, нидерландского, немецкого, датского и шведского. Среди грамматистов-нормализаторов и в общественных кругах усиленно обсуждаются вопросы орфографии, кодификации норм произношения, грамматики и лексики, выдвигаются требования очищения родного языка от иноязычных заимствований. Выходят в свет первые словари германских языков.

В XVI в. в Англии появляются словари «трудных» слов, а в 1755 г. — толковый словарь С. Джонсона. В 1599 г. был опубликован этимологический словарь нидерландского языка Килиана. В 1691 г. в Германии выходит в свет толковый словарь немецкого языка, составленный К. Штилером, а в 1774—1786 гг. — многотомный словарь И. Аделунга. Шведская лексикография в этот начальный период представлена словарем шведского языка Э. Шродеруса и вышедшим в 1712 г. «Свео-гётским словарем» Х. Спегеля. В Дании был составлен, но остался в рукописи толковый словарь датского языка М. Мота (1647—1719). С 1852 г. Я. Гримм совместно с братом Вильгельмом издавал многотомный исторический «Немецкий словарь». Эти работы установили основные черты германских языков и послужили фундаментом для широкого сравнительного изучения не только немецкого, но и других германских языков, развернувшегося в XIX в.

В этот период собираются и издаются ценнейшие рукописи на древне- и среднегерманских языках. В Англии создаются Бодлеанское и Коттонское собрания рукописей, в Германии появляется базельское издание

древневерхненемецкого Евангелия монаха Отфрида, в Швеции пробуждается интерес к руническим надписям. Голландец Ф. Юний в 1665 г. издает с комментарием текст древнейшего памятника на германских языках — «Серебряного кодекса», содержащего значительную часть текста готской Библии. В скандинавских странах созданы важнейшие собрания исландских рукописей, в том числе арнамагнеанское собрание, хранящееся в университетской библиотеке в Копенгагене, и королевское собрание, в которое входит рукопись старшей, или поэтической, Эдды. Во многих странах издаются народные песни, в частности в Дании — языковедом Педером Сювом во второй половине XVII в., в Германии в 1778—1779 гг. — выдающимся немецким просветителем И. Гердером.

Изучение отдельных германских языков навело ученых на мысль о наличии значительного сходства между ними. Так, в конце XVII в. англичанин Дж. Хикс первым издает сопоставительную грамматику некоторых древних германских языков — готского, англосаксонского, франкско-немецкого. В 1710 г. голландец тен Кате создал первую грамматику готского языка, а в 1723 г. описал общие закономерности сильных глаголов в германских языках и указал на соответствия в вокализме этих языков.

В 10-х гг. XIX в. идеи сравнительно-исторического языкознания воплотились в исследованиях сравнительно-исторического характера, в которых была применена и соответствующая техника исследования, опирающаяся преимущественно на данные индоевропейских языков. Создатели сравнительно-исторического метода не только обосновали положение о родстве языков, но и заложили основы научных приемов сравнительно-исторического анализа фактов родственных языков.

Главными фигурами той революции в сравнительно-историческом языкознании, которая привела к созданию сравнительно-исторической грамматики, были Ф. Бопп («О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковою в греческом, латинском, персидском и германских языках», 1816), Р. К. Раск («Разыскания о древнесеверном языке», 1818), Я. Гримм («Грамматика немецкого языка», т. 1—4, 1819—1837 — речь в ней идет о германских языках), В. фон Гумбольдт («О сравнительном изучении языков применительно к разным эпохам их развития», 1820, и др.). Гумбольдт теоретически обосновал статус сравнительно-исторического языкознания не только как особой, но и автономной лингвистической дисциплины.

Во второй половине XIX в. филологи-компаративисты сосредоточили внимание на исследовании конкретных фонетических, грамматических и лексических явлений и существенно усовершенствовали методику сравнительно-исторического анализа.

Младограмматики выдвинули положение о том, что всякое фонетическое изменение совершается по законам, не знающим исключений, а

если отклонения все же наблюдаются, то они вызваны действием какого-то другого закона. В поисках объяснения исключений из фонетических законов младограмматики обратились к влиянию аналогии в развитии языков, а также к проблеме иноязычных заимствований. Эти принципы были изложены в 1880 г. в книге Г. Пауля «Принципы истории языка».

Наиболее традиционная форма сравнительно-исторических исследований — сравнительно-исторические грамматики, включающие в себя прежде всего фонетику, и этимологические словари, включающие лексику. В последней трети XIX в. исследователи начинают уделять особое внимание вопросам синтаксиса и лексической семантики (преимущественно в историческом плане).

Начиная с 1871 г. Б. Дельбрюк выпускает сборник под названием «Синтаксические исследования», а Бреаль в 1897 г. издает «Опыт семантики». В 1879 г. вышла работа выдающегося швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», в которой характерное для младограмматической школы описание отдельных фактов языка уступает место исследованию их системных связей и взаимодействий.

Выдвинутые младограмматиками принципы были приложены к исследованию системы гласных, к действию аналогии и др., и открытия, полученные в результате применения этих принципов, заставили пересмотреть многие существенные положения сравнительной грамматики индоевропейских, в том числе и германских языков. В этот период был создан ряд фундаментальных исследований германских языков: книга В. Штрейтберга «Прагерманская грамматика», труд К. Бругмана и Б. Дельбрюка «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» в пяти томах (1892—1900), книги К. Бругмана «Краткая сравнительная грамматика индоевропейских языков» (1902), А. Норена «Очерк фонетики прагерманского языка» (1894) и др.

С новых позиций была написана вышедшая в 1916 г. работа А. Мейе «Основные особенности германской группы языков», где автор стремился восстановить реальную динамику языкового развития и показать, в чем состоит своеобразие германских языков.

С момента возникновения сравнительно-исторического метода германские языки постоянно находились в центре внимания компаративистов. В результате сравнительных изысканий были получены ценные сведения о фонемном составе, морфологическом строе, лексике германских языков, а также установлены многие общие особенности, которые могут быть отнесены к прагерманскому и к праиндоевропейскому языковому состоянию.

В XX в. в германистике сравнительно-исторический метод тесно взаимодействует с другими направлениями, прежде всего с лингвистической географией и с историко-типологическими исследованиями. Оба направления опираются на факты, открытые сравнительно-историческими изысканиями; в свою очередь компаративисты корректируют свои выводы, используя результаты ареальной лингвистики и типологических исследований.

Ареальные обследования германских языков, главным образом немецкого, имеют более чем вековую традицию. В 1876 г. Г. Венкер, учитель из Дюссельдорфа, разослал анкеты с целью изучения немецких диалектов и создания языкового атласа («Немецкий языковой атлас», 1876—1926). Эта работа была продолжена школой Ф. Вредэ (1863—1934), а также в трудах Т. Фрингса, Ф. Маурера, Э. Шварца. Были созданы и диалектологические атласы других германских языков, в частности нидерландского и скандинавских языков.

Результаты сравнительно-исторического изучения германских языков создали условия для их типологического исследования на различных этапах развития.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН

2.1. Древнейшие сведения о германцах

Заселение севера Европы индоевропейскими племенами происходило приблизительно за 3000—2500 лет до н. э., как об этом позволяют судить данные археологии. До этого побережья Северного и Балтийского морей были заселены племенами, по-видимому, иной этнической группы. От смешения с ними индоевропейских пришельцев и произошли племена, давшие начало германцам. Их язык, обособившийся от других индоевропейских языков, явился германским языком-основой, из которого в процессе последующего дробления племен возникли новые племенные языки германцев.

О доисторическом периоде существования германских племен можно судить лишь по данным археологии и этнографии, а также по некоторым заимствованиям в языках тех племен, которые в древности кочевали по соседству с ними — финнов, лапландцев.

Германцы обитали на севере Центральной Европы между Эльбой и Одером и на юге Скандинавии, включая и полуостров Ютландию. Данные археологии позволяют предполагать, что эти территории были заселены германскими племенами с начала неолита, т. е. с 3 тыс. до н. э.

В западной, средней и южной Германии жили, судя по данным географических названий, кельтские племена. Кельты занимали также территорию Галлии (нынешней Франции), большую часть Британии, значительные пространства северной Италии и Испании и доходили в своих передвижениях до Балканского полуострова и Малой Азии. Некоторые ученые полагают, что германские племена были сперва в подчинении у кельтов, опередивших в культурном отношении своих восточных соседей.

Распространение германцев в западном направлении до Рейна происходит в VI—I вв. до н. э. По-видимому, оно шло быстрее на менее заселенном севере и медленнее на юге, где кельтские племена засвидетельствованы еще в начале нашей эры. Одновременно германцы проникают и в область к востоку от Одера, где обитают по соседству с племенами славяно-балтийскими и финскими.

Первые сведения о древних германцах встречаются в трудах греческих и римских авторов. Самое раннее упоминание о них было сделано купцом Пифеем из Массилии (Марсель), жившим во второй половине VI в. до н. э. Пифей путешествовал морем вдоль западного побережья Европы, затем по южному побережью Северного моря. Он упоминает племена гуттонов и тевтонов, с которыми ему пришлось встречаться во время его плавания. Описание путешествия Пифея до нас не дошло, но им пользовались более поздние историки и географы, греческие авторы Полибий, Посидоний (II в. до н. э.), римский историк Тит Ливий (I в. до н. э. — нач. I в. н. э.). Они приводят извлечения из сочинения Пифея, а также упоминают о набегах германских племен на эллинистические государства Юго-Восточной Европы и на Южную Галлию и Северную Италию в конце II в. до н. э.

С первых веков новой эры сведения о германцах становятся несколько более подробными. Греческий историк Страбон (умер в 20 г. н. э.) пишет о том, что германцы (свевы) кочуют в лесах, строят хижины и занимаются скотоводством. Греческий писатель Плутарх (46—127 гг. н. э.) описывает германцев как диких кочевников, которым чужды всякие мирные занятия, такие как земледелие и скотоводство; их единственное призвание — войны. По свидетельству Плутарха, германские племена служили наемниками в войсках македонского царя Персея в начале II в. до н. э.

К концу II в. до н. э. германские племена кимвров появляются у северо-восточных окраин Аппенинского полуострова. По описаниям античных авторов, это были рослые, светловолосые, сильные люди, часто одетые в шкуры или кожи животных, с дощатыми щитами, вооруженные обожженными кольями и стрелами с каменными наконечниками. Первым значительным столкновением между германцами и римлянами является нашествие кимвров и тевтонов, прорвавшихся в Южную Галлию и Северную Италию и одержавших между 113 и 105 г. до н. э. ряд побед над римскими войсками. Это движение, угрожавшее безопасности Рима, имело характер настоящего переселения полукочевых племен в поисках новой оседлости: варвары передвигались на повозках, вместе с женами и детьми, со скотом и домашним скарбом. Разбитые римским полководцем Марием при Аквах Секстийских (102 г. до н. э.) и Верцеллах (101 г. до н. э.), они были частью истреблены победителями, частью захвачены в плен и обращены в рабство.

В дальнейшем германцы не прекращают набегов на Рим и все больше и больше угрожают Римской империи. В дальнейшем римляне переходят в наступление. Завоеватель Галлии, Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.), в целях укрепления римского владычества в новой провинции вынужден был вступить в борьбу с германцами, перешедшими на левый берег Рейна. В 56—55 гг. до н. э. Цезарь победил Ариовиста, вождя германского пле-

мени свефов, который, будучи призван вместе со своей дружиной на помощь кельтскому племени секванов, успел подчинить своей власти обширную территорию в пределах нынешнего Эльзаса. В 55 г. Цезарь построил мост через Рейн около нынешнего Кобленца и первый совершил военный поход в правобережную Германию. В 55—54 гг. он переправился в населенную кельтским племенем бриттов Британию, которая была окончательно завоевана римлянами при императоре Клавдии (43 г. н. э.) и оставалась римской провинцией до начала V в.

Когда в середине I в. до н. э. Юлий Цезарь столкнулся в Галлии с германскими племенами, они обитали на большом пространстве Центральной Европы; на западе территория, занимаемая германскими племенами, доходила до Рейна, на юге — до Дуная, на востоке — до Вислы, а на севере — до Северного и Балтийского морей, захватывая и южную часть Скандинавского полуострова. В своих «Записках о галльской войне» Цезарь более подробно, чем его предшественники, описывает германцев. Он пишет об общественном строе, хозяйственном укладе и быте древних германцев, а также излагает ход военных событий и столкновений с отдельными германскими племенами. Будучи наместником Галлии в 58—51 гг., Цезарь совершил оттуда две экспедиции против германцев, которые пытались захватить области на левом берегу Рейна. Рассказывая о столкновениях с германскими отрядами во время этих экспедиций, Цезарь подробно описывает их военную тактику, способы нападения и обороны. Германцы строились для наступления фалангами, по племенам. Они пользовались прикрытием леса для внезапности нападения. Основной способ защиты от врагов состоял в отгораживании лесными массивами. Этот естественный способ защиты знали не только германцы, но и другие племена, жившие в лесистых местностях (ср. название *Бранденбург* от славянского *Бранибор*; бел. *бараніць*, *абараняць* 'защищать').

При императоре Августе продолжались попытки завоевания германской территории к востоку от Рейна. В результате победоносных походов Друза (12—9 гг. до н. э.) и Тиберия (6 г. н. э.) страна между Рейном и Везером становится римской провинцией. Этому распространению римского влияния на восток положен был предел восстанием германского племени херусков под предводительством своего «герцога» (племенного вождя) Арминия (Германа): легионы римского наместника Вара были окружены восставшими германцами в Тевтобургском лесу и подверглись полному уничтожению (9 г. н. э.). Хотя римляне и предприняли удачную попытку отомстить за понесенное поражение (походы Германика, 14—17 гг. н. э.), однако, потеряв надежду на возможность длительной оккупации германских земель, они с этого времени переходят от наступательной политики к оборонительной.

Для осуществления этих новых задач по Рейну и верхнему Дунаю возводится цепь укреплений. Между Рейном и Дунаем, приблизительно в направлении от нынешнего Кобленца до Регенсбурга, в конце I и в начале II в. н. э. строится вал, укрепленный частоколом, со сторожевыми башнями и крепостями, за которым проходит военная дорога; в юго-западной части Германии, защищенной этими укреплениями, поселяются римские военные колонисты со своими семьями, число которых доходит до 100000 человек. Германские племена, оказавшиеся здесь к востоку от Рейна в соседстве с новыми поселенцами, как и на левом берегу Рейна среди кельтов, подвергаются сильнейшей романизации.

Главными центрами распространения римских культурных влияний на правобережные германские племена становятся в это время многочисленные римские военные и торговые колонии, возникающие по течению Рейна как главной артерии страны: *Colonia Agrippina (Köln)* — здесь было поселение германского племени убиев, колонизованное в 55 г. по приказу Агриппины, матери императора Нерона; *Confluentes (Koblenz)*, *Mogontiacum (Mainz)*, *Argentoratum* (впоследствии — *Strassburg*) и др.; на реке Мозель — *Augusta Treverorum (Trier)* — важный опорный пункт римлян, временная резиденция римских императоров; меньшее значение имели на верхнем Дунае *Regina castra (Regensburg)*, на среднем Дунае *Vindobona (Wien)* и др. Так, название города Аугсбург восходит к *Augusta Vindelicorum*, бывшему центру римской провинции Реции в предгорьях Альп, Бонн — к *Castra Bonnensia*, Кобленц — к *ad confluentes*, букв. 'у слияния', у впадения Мозеля в Рейн. Латинские слова *castra* и *colonia* сохранились в названиях ряда городов Европы и на Британских островах.

Надежным источником сведений о древних германцах того времени являются сочинения Плиния Старшего (23—79 гг.). Плиний провел много лет в римских провинциях Нижняя и Верхняя Германия, будучи на военной службе. В своей «Естественной истории» и в других трудах, дошедших до нас далеко не полностью, Плиний описал не только военные действия, но и физико-географические особенности большой территории, занятой германскими племенами, перечислил и первый дал классификацию германских племен, исходя, в основном, из собственного опыта.

Наиболее полные сведения о древних германцах дает Корнелий Тацит (ок. 55 — ок. 120 гг.). В своем труде «Германия» он повествует об образе жизни, быте, обычаях и верованиях германцев; в «Историях» и «Анналах» он излагает подробности римско-германских военных столкновений. Тацит был одним из крупнейших римских историков. Сам он никогда не был в Германии и пользовался сведениями, которые он мог как римский сенатор получать от полководцев, из тайных и официальных донесений, от путешественников и участников военных походов; он широко исполь-

зовал также сведения о германцах, содержащиеся в трудах его предшественников и в первую очередь в сочинениях Плиния Старшего³.

Во второй половине II в. после непродолжительного затишья германцы вновь активизируют наступательные действия. В 167 г. маркоманны в союзе с другими германскими племенами прорывают укрепления на Дунае и занимают римскую территорию на севере Италии. Лишь в 180 г. римлянам удастся оттеснить их вновь на северный берег Дуная. До начала III в. между германцами и римлянами устанавливаются относительно мирные отношения, которые способствовали значительным изменениям в экономической и общественной жизни германцев.

С середины I в. н. э. до начала III в. продолжается интенсивное хозяйственное и культурное общение территорий, расположенных по обоим берегам Рейна и по побережью Северного моря и включающих Северную Галлию, Западную Германию и римскую Британию, с крупными провинциальными центрами в Кельне и Трире. Эта длительная мирная полоса сыграла существенную роль в общественном и культурном развитии западных германцев, находившихся в непосредственном соприкосновении с римлянами.

Свидетельством хозяйственного и культурного влияния римлян на западных германцев являются многочисленные латинские лексические заимствования: это проникшие в германские языки латинские слова для обозначения предметов и понятий более высокой римской культуры. С развитием земледельческой культуры германцы перенимают у римлян названия новых для них земледельческих орудий (*sekula* > нем. *die Sichel* 'серп'), термины виноделия, занесенного в долину Рейна римскими военными колонистами (*vinum* > нем. *der Wein*, *bicarium* > нем. *der Becher* 'кубок'), названия культурных растений, распространившихся из Галлии и Италии вместе с развитием овощного хозяйства и плодоводства ((*cu*)*curbita* > нем. *der Kürbis* 'тыква', *cerasum* > нем. *die Kirsche* 'вишня', (*a*)*mandula* > нем. *die Mandeln* 'миндаль'). Вместе с каменными строениями римского типа, заменяющими (вначале, вероятно, у знатных и в постройках общественного назначения) прежние плетеные из прутьев шалаши, появляется соответствующая терминология строительного дела, например, *murus* > нем. *die Mauer* 'каменная стена' — в отличие от прежней плетеной, *tegula* > нем. *der Ziegel* 'кирпич', *fenestra* > нем. *das Fenster* 'окно' — в отличие от прежнего примитивного люка, дымохода или глазницы (ср. др.-исл. *windauga*, букв. 'глаз для ветра' — англ. *window*). Развитие римской колониальной торговли с гер-

³ Труды: Плиний Старший. Естественная история; Тацит. Германия; Цезарь. Записки о галльской войне — цитируются по: Древние германцы. Сб. документов / Под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937.

манцами отразилось в словах *caupones* 'торговцы вином' > нем. *kaufen* 'покупать', *moneta* > нем. *die Münze* 'монета'. Появились усовершенствованные предметы утвари и домашнего обихода: *saccus* > нем. *der Sack*, *corbis* > нем. *der Korb*. Военные столкновения германцев с римлянами, в особенности же знакомство с римскими оборонительными сооружениями на германской границе, также засвидетельствованы в языке такими словами, как, например, *valium* > нем. *der Wall* 'вал', англ. *wall* 'стена'.

До эпохи Великого переселения народов у германцев был родовой строй. Цезарь пишет, что германцы селились родами и родственными группами, т. е. племенными общинами. «Род» обозначается в германских языках словами (ср. гот. *kuni*, да. *synn*, двн. *kunni*) одного корня с лат. *gens*, гр. *genos* 'род'.

Некоторые современные географические названия сохранили свидетельства такого расселения. Имя главы рода, оформленное так называемым патронимическим суффиксом (суффиксом «отчества») —*ing/-ung*, как правило, закреплялось за названием всего рода или племени, например: Валисунги — люди конунга Валлиса (а также Меровинги, Кародинги, Амелунги и др.). Названия мест поселения племен образовывались от этих родовых имен в форме дательного падежа множественного числа. Так, в ФРГ есть город Эппинген (первоначальное значение «у людей Эппо»), Зигмаринген («у людей Зигмара»), Майнинген и др. Превратившись в топонимический суффикс, морфема *-ingen/-ungen* пережила распад общинно-родового строя и продолжала служить средством образования названий городов в более поздние исторические эпохи; так возникли названия Геттинген, Золинген, Штралунген на территории Германии. В Англии к суффиксу *-ing* прибавлялась основа *ham* (да. *hām* 'жилище, поместье', ср. на. *home* 'дом, жилище');

Из их слияния образовался топонимический суффикс *-ингем*: *Бирмингем*, *Ноттингем* и т. п. На территории Франции, где были поселения франков, сохранились подобные географические названия: *Карлинг*, *Эппинг*. Позднее суффикс подвергается романизации и выступает во французской форме *-анге*: *Бруланж*, *Вольмеранж* и т. п. (Топонимы с патронимическими суффиксами встречаются и в славянских языках, например, *Боровичи*, *Думиничи* в России, *Климовичи*, *Маневичи* в Беларуси и т. д.)

Во главе германских племен стояли старейшины — куинги (двн. *kuning* 'родоначальник', родственное *kunni* 'род', > нем. *König* 'король' > рус. князь)). Высшая власть принадлежала народному собранию (*ping*), на которое являлись все мужчины племени в боевом вооружении. Повседневные дела решались советом старейшин. В военное время избирался военачальник (двн. *herizogo*, да. *heretoga*, дисл. *hertogi*; ср. нем. *Herzog* 'герцог'

< двн. *heri* > нем. *das Heer* 'армия' + *ziolan* > нем. *ziehen* 'тянуть', перен. 'вести', ср. рус. *воевода*), который собирал дружину.

В эту эпоху у германцев господствуют патриархально-родовые отношения. Вместе с тем у Тацита и в некоторых других источниках имеются сведения о наличии у германцев пережитков матриархата. Так, например, у некоторых германцев более тесные узы родства признаются между дядей и племянником по сестре, чем между отцом и сыном, хотя наследником является сын. В качестве заложника племянник по сестре более желателен для врага. Наиболее же верную гарантию в заложничестве представляли девушки — дочери или племянницы из рода вождя племени. Пережитком матриархата является и то, что в женщине древние германцы видели особую пророческую силу, советовались с ней в важнейших делах. Женщины не только воодушевляли воинов перед сражениями, но и во время сражений могли повлиять на их исход, идя навстречу обратившимся в бегство мужчинам и этим останавливая их и побуждая сражаться до победы, так как для германцев-воинов была страшна мысль о том, что женщины их племени могут попасть в плен. Некоторые пережитки матриархата прослеживаются в более поздних источниках, например в скандинавской поэзии.

О кровной мести, характерной для родового строя, имеются упоминания у Тацита, в древнегерманских сагах и песнях. Тацит отмечает, что месть за убийство может заменяться выкупом (скотом). Этот выкуп — «вира» — поступает в пользование всего рода.

Рабство у древних германцев носило иной характер, чем в рабовладельческом Риме: рабами были военнопленные. Свободный член рода тоже мог стать рабом, проиграв себя в кости или в другую азартную игру. Раба можно было продать и безнаказанно убить. Но в других отношениях раб — это младший член рода. Он имеет собственное хозяйство, но обязан отдавать своему господину часть скота и урожая. Его дети растут вместе с детьми свободных германцев — и те, и другие в суровых условиях.

Наличие рабов у древних германцев указывает на начавшийся процесс социальной дифференциации. Высший слой германского общества был представлен старейшинами рода, военными вождями и их дружинами. Дружина вождя становилась привилегированной прослойкой, «знатью» древнегерманского племени. Тацит неоднократно связывает два понятия — «военную доблесть» и «знатность», которые выступают как неотъемлемые качества дружинников. Дружинники сопровождают своего вождя в набегах, получают свою долю военной добычи и нередко вместе с вождем идут на службу к иноземным правителям. Основную массу воинов составляли все взрослые мужчины германского племени.

Основой хозяйства древних германцев являлись скотоводство и примитивное переложное земледелие. Значение скота, как главного богатства германцев, подтверждается данными языка: слово 'скот' в большинстве древнегерманских языков употребляется также в значении 'имущество', 'деньги', ср. нем. *der Schatz* 'сокровище, клад' (гот. *scatts*, днн. *scaz*), которое одного корня со слав. *скоть* 'скот', сохранившим более древнее значение этого слова.

Переход к оседлости совершался у германцев в течение первых веков новой эры, хотя непрерывные военные походы эпохи Великого переселения народов вынуждали их к частой смене местожительства. В описаниях Цезаря германцы еще кочевники, занимающиеся в основном скотоводством, а также охотой и военными набегами. Земледелие играет у них незначительную роль, но все же Цезарь неоднократно упоминает в своих «Записках о галльской войне» о земледельческих работах германцев. Землей они владели сообща, применяя примитивную залежную систему земледелия, периодически, через два-три года, меняя землю для посевов. Техника обработки земли была еще низка, однако археологические находки говорят о том, что земля обрабатывалась не только примитивной мотыгой, но и сохой, и даже плугом. Основными злаками были овес, ячмень, рожь, пшеница, выращивались также лен и конопля, из которых выделывались ткани.

Цезарь пишет о том, что питание германцев состоит в основном из молока, сыра, мяса, в меньшей мере из хлеба. Плиний упоминает в качестве их пищи овсяную кашу.

Древние германцы одевались, по свидетельству Цезаря, в звериные шкуры, а Плиний пишет о том, что германцы носят льняные ткани. Тацит же, кроме одежды из звериных шкур, упоминает кожаные плащи с нашитыми украшениями из меха, а у женщин — одежду из холста, окрашенного в красный цвет.

Цезарь пишет о суровом образе жизни германцев, об их бедности, о том, что они закаляются с детства, приучая себя к лишениям. Об этом же пишет и Тацит, который приводит пример некоторых развлечений германских юношей, развивающих у них силу и ловкость. Одно из таких развлечений состоит в том, чтобы прыгать обнаженными между мечами, воткнутыми в землю остриями вверх.

По описанию Тацита, селения германцев состояли из бревенчатых хижин, которые отстояли друг от друга на значительном расстоянии и были окружены земельными участками. Возможно, в этих жилищах размещались не отдельные семьи, а целые родовые группы. О внешнем украшении своих жилищ германцы, по-видимому, не заботились, хотя части

строений обмазывали цветной глиной, что улучшало их вид. Германцы выкапывали также помещения в земле и утепляли их сверху, там они хранили припасы и спасались от зимних холодов.

Германцам были известны различные ремесла. Кроме ткачества, они знали производство мыла и красителей для тканей; некоторым племенам были известны гончарное дело, добыча и обработка металлов, а те, которые жили по побережью Балтийского и Северного морей, занимались также судостроением и рыболовством. Торговые сношения существовали между отдельными племенами, но интенсивнее торговля развивалась в местах, пограничных с римскими владениями, и римские купцы проникали в германские земли не только в мирное, но даже и в военное время. Германцы предпочитали меновую торговлю, хотя деньги были им известны уже во времена Цезаря. У римлян германцы покупали металлические изделия, оружие, домашнюю утварь, украшения и разные принадлежности туалета, а также вино и фрукты. Римлянам они продавали скот, шкуры, меха, янтарь с побережья Балтийского моря. Плиний пишет о гусяном пухе из Германии и о некоторых овощах, которые вывозились оттуда римлянами.

Об обычаях и нравах древних германцев, об их верованиях сохранились свидетельства античных авторов, многое также нашло отражение в литературных памятниках германских народов, созданных в более поздние эпохи. Тацит пишет о строгости нравов древних германцев, о крепости семейных уз. Германцы гостеприимны, во время пиров неумеренны в вине; в играх азартны, вплоть до того, что могут проиграть все, даже свою свободу. Все важнейшие события в жизни — рождение ребенка, посвящение в мужчины, бракосочетание, похороны и другие — сопровождались соответствующими обрядами и пением. Своих покойников германцы сжигали; хороня воина, сжигали также его доспехи, а иногда и коня. Богатое устное творчество германцев существовало в разных стихотворно-песенных жанрах. Широко бытовали обрядовые песни, магические формулы и заклинания, загадки, сказания, а также песни, сопровождавшие трудовые процессы. Памятники языческой культуры уничтожались в средние века во время насаждения христианства, однако дохристианские верования и мифы сохраняются в древнескандинавских сагах и в эпосе.

Религия древних германцев уходит своими корнями в общее индоевропейское прошлое, но в ней развиваются и собственно германские черты. Тацит пишет о культе Геркулеса, которого воины прославляли песнями, отправляясь в бой. Этот бог — бог грома и плодородия — назывался у германцев Донар (сканд. Тор); его изображали с мощным молотом, которым он производил гром и сокрушал врагов. Германцы верили, что в сра-

жениях с врагами боги помогают им, и они брали с собой в битвы изображения богов как боевые знамена. Вместе с боевыми песнями у них существовал особый напев без слов, так называемый «бардит» (*barditus*) — сильный прерывистый гул для устрашения врагов.

Особо почитаемыми божествами были также Водан и Тиу, которых Тацит называет Меркурием и Марсом. Водан (сканд. Один) был верховным божеством, он господствовал как над людьми, так и в Валгалле, где после смерти продолжали жить воины, павшие в боях.

Наряду с этими главными и древнейшими богами — «асами» — у германцев были также «ваны», боги более позднего происхождения, которые, как можно предполагать, были восприняты индоевропейскими племенами от побежденных ими племен другой этнической группы. Германские мифы рассказывают о долгой борьбе асов с ванами. Не исключено, что в этих мифах отразилась реальная история борьбы индоевропейских пришельцев с племенами, населявшими до них север Европы, в результате смешения с которыми и произошли германцы.

В мифах говорится о том, что германцы ведут свое начало от богов. Земля породила бога Туиско, а его сын Манн стал прародителем рода германцев. Богов германцы наделяли человеческими качествами и считали, что люди уступают им в силе, мудрости, знаниях, но боги смертны, и, как всему на земле, им суждено погибнуть в последней мировой катастрофе, в последнем столкновении всех противоборствующих сил природы. См. самоназвание германцев — **tiudiska*, связанное с именем главного бога-прародителя германцев. Прагерм. *þeuda* 'народ, люди', 'язык' (нем. *deutlich* 'ясный, понятный', *deutsch* 'немецкий') противоположно по семантическому развитию рус. *немец*, *варвар*, т.е. *þeuda* 'понятный, свой' > 'язык' > 'народ, люди'. Праслав. *tjudь* 'чужой, иноземец' (> рус. *чужой*) заимствовано из прагерманского и претерпело следующее семантическое развитие: 'германский' > 'чужой' [Мартынов 1963: 102—105]. Герм. *here* 'войско' + *mann* 'человек' = 'воин' дало название племени германцев и имя собственное *Герман*. Двн. *diutisk* 'народный' (< двн. *diot* 'народ'), родств. **tiudiska*, впервые упоминается в латинском тексте в 786 г. в латинизированной форме *theodiscus*. С конца XI в. *diutisk* значит 'немцы', 'государство немцев', употребляется и выражение *diutichiu lant* (> *deutsche Land*), *liute* (*Leute*), *man*, с XII в. — *die Diutischen*.

Вселенную древние германцы представляли себе как некое исполинское дерево-ясень, на ярусах которого расположены владения богов и людей. В самой середине обитают люди и все, что их непосредственно окружает и доступно их восприятию. Это понятие сохранилось в древнегерманских языках в названии земного мира: двн. *mittilgart*, дс. *middilgard*,

да. *middan.Zeard* (букв. 'среднее жилище'). Главные боги — асы — обитают на самом верху, в самом же низу помещается мир духов тьмы и зла — ад. Вокруг мира людей были миры разных сил: на юге — мир огня, на севере — мир холода и туманов, на востоке — мир великанов, на западе — мир ванов.

Каждое племенное объединение древних германцев являлось также и культовым союзом. Первоначально богослужения совершал старейшина рода или племени, позднее возникло сословие жрецов.

Свои культовые обряды, которые иногда сопровождалось жертвоприношениями людей или животных, германцы совершали в священных рощах. Там хранились изображения богов, а также содержались специально предназначенные для отправления культа белоснежные лошади, которых в определенные дни впрягали в освященные повозки; жрецы слушали их ржание и фырканье и толковали его как некое пророчество. Гадали также и по полету птиц. Античные авторы упоминают о распространении среди германцев различных гаданий. Цезарь пишет о жеребьевых палочках, гадание по которым спасло от смерти пленного римлянина; таким же способом женщины племени гадали о сроках наступления на врага. Страбон рассказывает о жрицах-предсказательницах, гадавших на крови и внутренностях убитых ими пленных. Руническое письмо, которое появилось у германцев в первые века нашей эры и было доступно сначала только жрецам, служило для гаданий и заклинаний.

Германцы обожествляли своих героев. Они чтили в сказаниях «великого освободителя Германии» Арминия, победившего римского главнокомандующего Вара в битве в Тевтобургском лесу. Этот эпизод относится к началу I в. н. э. Римляне вторглись на территорию германских племен между реками Эмсом и Везером. Они пытались навязать германцам свои законы, вымогали у них налоги и всячески притесняли их. Арминий, принадлежавший к родовой знати племени херусков, провел юность на римской военной службе и был в доверии у Вара. Он организовал заговор, сумев вовлечь в него вождей других германских племен, также служивших у римлян. Германцы нанесли сильный удар Римской империи, уничтожив три римских легиона.

Отголоски древнегерманского религиозного культа дошли до нас в некоторых географических названиях. Название столицы Норвегии Осло восходит к дисл. *áss* 'бог из племени асов' и *ló* 'прогалина'. Столица Фарерских островов Торсхавн — 'гавань Тора'. Название города Одense, в котором родился Г. Х. Андерсен, происходит от имени верховного бога Одина; название другого датского города — Выборг восходит к ддат. *wi* 'святилище'. Шведский город Лунд возник, по-видимому, на месте свя-

щенной рощи, насколько об этом можно судить по древнешведскому значению слова *lund* (в современном шведском *lund* 'роща'). Бальдурсхеймур — название хутора в Исландии — хранит память о юном боге Бальдре, сыне Одина. На территории Германии имеется немало небольших городов, сохраняющих имя Водана (с изменением начального *w* в *g*): Бад-Годесберг около Бонна (в 947 г. упоминается его первоначальное название Вуоденсберг), Гутенсвеген, Гуденсберг и др.

2.2. Свидетельства о германских языках в дописьменный период

Письменность — самое достоверное свидетельство о языке, самый надежный и непосредственный источник сведений о нем. Чтобы составить себе представление о лексике и грамматическом строе языка в эпоху его бесписьменного существования, ученые-филологи привлекают различные косвенные данные о характере изучаемого языка (часто, правда, отрывочные и не всегда достоверные) или же реконструируют отсутствующий языковой материал методом сравнительно-исторического анализа.

Древние германцы появились на исторической арене за многие века до проникновения к ним письменности. В разное время они вступали в соприкосновение с другими народами. За несколько веков до нашей эры древние германцы сталкивались на севере и востоке Европы с финнами, с балтийскими и славянскими племенами, на юге — с древними греками и римлянами. Эти контакты германцев с другими народами нашли отражение в языках некоторых из них в виде германских заимствований. Особенно большой интерес представляют германские заимствования в финском языке, в большинстве своем относящиеся к началу нашей эры. Это, например, *rengas* 'кольцо' (ср. гот. *hrings*, двн. *ring*, на. *ring*), *kuningas* 'король' (ср. двн. *kuning*), *kulta* 'золото' (ср. на. *gold*, двн. *gold* > нем. *das Gold* 'золото', *das Geld* 'деньги'), *rikas* 'богатый' (ср. гот. *reiks*, двн. *rīch* > нем. *reich*, на. *rich*), *kaunis* 'красивый' (ср. гот. *skauns*, двн. *skōni* > нем. *schoen*), *kansa* 'народ' (ср. гот. *hansa* 'толпа'), *juko* 'игро' (ср. гот. *juk*, двн. *joh*), *saippja* 'мыло' (ср. да. *sāpe* > англ. *soap*, нем. *das Seife*). Попав в финский язык, эти заимствования как бы окаменели, сохраняя тот древний тип морфологической структуры слова, который лишь очень редко засвидетельствован в формах слов, встречающихся даже в самых ранних памятниках древнегерманской письменности, а именно: наиболее полный вид суффиксов и окончаний, испытавших к моменту появления у германцев письменности (III—IV вв. н. э.) более или менее значительную редукцию.

В последнее время удалось обнаружить достаточное число надежных примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения, отно-

симого к середине I тыс. до н. э. Установлено, в частности, что в праславянском языке имеется много восточногерманских лексических заимствований: **krъstь*, **lukъ* (ср. нем. *Lauch*⁴), **bl'udo*, **kupiti* (ср. нем. *kaufen*), **dъlgъ*, **mečъ* и др. Из праславянского в прагерманский (западногерманский) язык попали такие слова, как **česati* — *taēsan*, **čęti* — *kennan*, **hvatati*, *ohota*, *hoť* — прагерм. *hwata* 'быстрый, храбрый, ловкий' (англ. *hunt, hunter*), **lēsъ* — *laes*, **skuka* — да. *scucca*, **trimati* — *trymman* и др.

Книги В. В. Мартынова позволяют расширить список славяно-германских и германо-славянских заимствований.

Займствованиа из прагерманского в праславянский:

праслав. *kъnęd'z'ь* — прагерм. *kinga* (англ. *king* 'король', нем. *König* 'король') [Мартынов 1963: 47—48];

праслав. *lъstь* — прагерм. *listi* 'борозда' > 'след, колея' > 'учение (= указание пути)', ср. гот. *laisjan*, да. *lāeran* 'учить', днвн. *leist* 'след, колея' (на. *learn* 'учить', ннем. *die Leiste* 'планка, рейка') [Мартынов 1963: 48—50];

праслав. *šelmъ* — прагерм. *helma* (англ. *helmet*, нем. *der Helm* 'шлем') (родств. *hehlen* 'скрывать, защищать', *Вильгельм*, *Хельмут* — Е. Р.) [Мартынов 1963: 52—53];

праслав. *stado* (родств. рус. *стая*, *стойло*) — прагерм. *stōd-* 'загон для лошадей', ср. да. *stōd* 'стадо лошадей', днвн. *stuota* 'стадо лошадей, конный завод', свн. *stout* 'кобыла' (ннем. *die Stute*) [Мартынов 1963: 53—55];

праслав. *vedro* — прагерм. *wedra* (на. *weather*, ннем. *das Wetter* 'погода');

праслав. *brъn'a* (рус. *броня*, *оборона*) 'нагрудник' — прагерм. *brunjōn* 'нагрудник' < кельт. *brondjo* 'грудь, нагрудник' [Мартынов 1963: 56—58];

праслав. *glazъ* 'гладкий, сверкающий' > 'выточенный водой либо искусственно камень, глаз' — прагерм. *glōza* 'сверкающий', ср. днвн. *glas* 'янтарь' (на. *glass* 'стекло, стакан', ннем. *das Glas* 'стекло, стакан, рюмка') [Мартынов 1963: 63—65];

праслав. *korl'ь* 'старейшина' — прагерм. *karla* (или герм. *Karl*) 'старец' > 'старейшина' > 'исконный представитель рода в отличие от инородцев' > 'свободный человек в отличие от рабов', ср. да. *ceorl*, свн. *kerle* (на. *ceorl* 'простолудин', ннем. *der Kerl* 'парень') [Мартынов 1963: 68—71];

праслав. *xlěbъ* — прагерм. *hlaiba* 'имущество рода' > 'хранение, забота' > 'пища, хлеб', ср. гот. *hleibjan* 'заботиться', дисл. *hlifa* 'беречь, щадить', *hlifendi* 'шлем' (см. выше), свн. *līben* 'беречь, щадить', да. *hlāf* 'хлеб, булка, каравай' [Мартынов 1963: 85—88];

⁴ Здесь и ниже современные соответствия подобраны мной. — Е. Р.

праслав. *dьska* 'доска' — прагерм. *disku* 'блюдо, стол', ср. да. *disc* 'блюдо', двн. *tisc* 'стол' (на. *desk* 'парта', ннем. *der Tisch* 'стол') [Мартынов 1963: 61—63];

праслав. *l'udъ* — прагерм. *leuda* (ннем. *die Leute* 'люди') [Мартынов 1963: 96—98];

праслав. *tjudъ* 'чужой, иноземец' (< 'германский' < 'чужой', родств. рус. *чужой*) — прагерм. *þeuda* 'народ, люди', 'язык' (ннем. *deutlich* 'ясный, понятный', *deutsch* 'немецкий'), ср. семантическое развитие *немец*, *варвар* [Мартынов 1963: 102—105];

праслав. *vitęd'zъ* — прагерм. *wīkinga* (одна из возможных версий этимологии слав. *витязь*) [Мартынов 1963: 105—107] и др.

Заемствования из праславянского в прагерманский:

праслав. *děliti*, *děľъ* — прагерм. *daila* 'часть' (ннем. *der Teil* 'часть', шв. *del* 'часть', на. *deal* 'распределять') [Мартынов 1963: 112—116];

праслав. *jъstba* (рус. *изба*, родств. *истый*, *истовый*, *истина*, *истец*, бел. *існаваць*, *існы*) — прагерм. *stubō* (ннем. *die Stube* 'комната') [Мартынов 1963: 120-126];

праслав. *molto* — прагерм. *malta* 'солод' (ннем. *das Malz*, на. *malt* 'солод') [Мартынов 1963: 126—128];

праслав. *netijъ* 'племянник' — прагерм. *neþija* 'родич, муж' (англ. *nephew*, нем. *der Neffe* 'племянник') [Мартынов 1963:128—132];

праслав. *sedъlo* — прагерм. *sadula* (ннем. *der Sattel*, англ. *sattle* 'седло') [Мартынов 1963: 178—181];

праслав. *sočiti* 'следить, высматривать' > 'предъявлять обвинение, вести тяжбу, ссориться' — прагерм. *sakan* 'ссориться' (ннем. *zanken* 'ссориться') [Мартынов 1963: 136—140];

праслав. *tъlo* (рус. *тло*, *тлен*, *тлеть*) — прагерм. *tila* 'обработанная земля', *tilian* 'обрабатывать землю, выращивать' > 'добиваться, достигать успеха', двн. *zil* 'цель' (ннем. *das Ziel* 'выделенное, отмеренное' > 'конечная точка' > 'цель'; на., шв. *till* 'до' (предлог)) [Мартынов 1963: 140—145];

праслав. *vorgъ* 'враг, преступник, опальный человек, дьявол' (рус. *враг*, бел. *ворог*) — прагерм. *warga* 'преступник, дьявол, волк' (шв. *varg* 'волк') [Мартынов 1963: 153—156];

праслав. *skorpъ* 'холощенный баран' (> *skotъ*) — прагерм. *skatta* 'скот, состояние', *skāpa* 'овца' (ннем. *der Schatz* 'сокровище, клад', ннем. *schaf*, на. *sheep* 'овца') [Мартынов 1983, 27—29].

Начиная с IV в. до н. э. знакомство античного мира с его северными соседями — германскими племенами все расширялось и углублялось. В сочинениях римских авторов от Юлия Цезаря и до позднеримских авторов (VI в. н. э.) встречаются наряду с многочисленными германскими соб-

ственными именами отдельные германские заимствования (как правило, в латинизированной форме), обозначающие предметы культуры, быта и вооружения германцев, а также германские названия некоторых животных. У Цезаря встречаются слова *urus* 'зубр', *alces* (мн. ч.) 'лоси', у Плиния Старшего — *sapo* 'краска-мазь для волос', у Тацита — *glesum* 'янтарь', *frathea* '(германское) копьё', *barditus* 'боевая песня', у более поздних авторов — *medus* 'мед' (напиток, ср. рус. *мед*), *flado* 'лепешка', *harpa* 'арфа', *runa* 'руна', 'рунический знак' и некоторые другие.

Многочисленные германские собственные имена и некоторые другие слова встречаются в памятниках на латинском языке, возникших у Германцев в период, непосредственно предшествовавший появлению письменности на самих германских языках. Самый ценный с лексической точки зрения материал содержат так называемые «варварские правды», т. е. своды законов, записи обычного права германских народов — вестготов, бургундов, франков, алеманнов, лангобардов, турингов, баваров (V—IX вв.). Записанные на латинском языке, эти «правды» содержат — в виде вкраплений в латинский текст — германскую терминологию, отражающую правовые отношения германцев в период разложения военной демократии и зарождения феодальных отношений. Особенный интерес представляют «правды» бургундов и лангобардов — германских народов, не оставивших никаких письменных памятников на своих родных языках.

2.3. Древнегерманские племена и их языки

Вопрос о древнегерманских языках и их классификации неразрывно связан с вопросом о племенах — носителях этих языков и с вопросом о классификации этих племен.

На основании изучения памятников древнегерманской письменности выделяются три подгруппы германских языков:

1. Восточная, представленная памятниками готского языка, относящимися к IV—VI вв. С разрушением королевства остготов письменность на готском языке исчезла.

2. Северная (скандинавская) группа, до X в. представленная памятниками рунической письменности; с X в. в ней различают древнедатский, древнешведский, древненорвежский и древнеисландский языки.

3. Западная группа, представленная (начиная с VII в.) памятниками на древнеанглийском, древнефризском, древнесаксонском, древненижнефранкском и древневерхненемецком языках.

Германские языки северной и западной групп сохранились до нашего времени. Они развились в национальные языки или стали диалектами национальных языков.

Сопоставление языковой классификации германских языков и этнической (Плиния — Энгельса) германских племен показывает, что носителями **восточногерманских** языков были следующие племена:

1) **виндилы**, включающие в себя племена готов, бургундов, каринов, варинов, гуттонов. Они обитали в восточной части территории, на которой жили германские племена;

2) **певкины, бастарны**, жившие на востоке, на территории, «граничащей с даками»;

западногерманских:

1) **ингвеоны** (или **ингевоны**), включающие в себя племена кимбров, тевтонов, хавков. К ним относились также англв, саксы, юты, фризы и многие другие. Они обитали в северо-западной части германской территории, на побережье Северного моря, и на полуострове Ютландия;

2) **иствеоны** (или **искевоны**), прирейнские германские племена — бруктеры, хамавы, салии и другие, позднее слившиеся в племенные союзы франков;

3) **герминоны** (или **эрминоны**). К ним относятся маркоманны, квады, лангобарды, алеманны и некоторые мелкие племена, обитавшие на юге германских земель;

северогерманских (скандинавских):

1) **гиллевионы** — скандинавские племена. Территориально они были изолированы от других германских племен (см. прил., карта 1).

Упоминания об ингевонах, искевонах и герминонах есть у Тацита. Он говорит о них в связи с мифом, в котором рассказывалось о происхождении германцев от трех сыновей бога Манна: Инге, Иске, Эрмине, которые и дали названия этим трем этническим группам. Тацит перечисляет и племена, входившие в эти группы, упоминая отдельно свевов, «вандилиев» и других, и высказывает предположение, что у бога Туискона, отца Манна, было больше сыновей, от которых пошли названия других племен.

2.4. Великое переселение народов

Усиление имущественного неравенства у германцев и процесс разложения родо-племенных отношений сопровождались значительными изменениями в общественно-политическом строе германских племен. В III в. формируются племенные союзы германцев, представляющие собой зачатки государств. Низкий уровень развития производительных сил, потребность в расширении земельных владений, стремление к захвату рабов и к грабежу богатств, накопленных соседними народами, многие из которых далеко опережали германские племена по уровню развития производства и материальной культуры, образование больших племенных союзов,

представлявших собою грозную военную силу, — все это в условиях начавшегося разложения родового строя способствовало массовым миграциям германских племен, которые охватили громадные территории Европы и продолжались на протяжении нескольких столетий (IV—VII вв.), получивших в истории название эпохи Великого переселения народов.

Прологом Великого переселения народов явилось передвижение восточногерманских племен — готов — из области нижнего течения Вислы и с побережья Балтийского моря в причерноморские степи в III в., откуда готы, объединившиеся в два крупных племенных союза, позднее продвигаются на запад в пределы Римской империи. Массовые вторжения как восточногерманских, так и западногерманских племен в римские провинции и на территорию самой Италии приобрели особый размах с середины IV в., толчком к этому явился натиск гуннов — тюрко-монгольских кочевников, надвигавшихся на Европу с востока, из азиатских степей.

Картину Великого переселения народов Ф. Энгельс описывает следующими словами: «Целые народности, или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые кожами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари; скот они также вели с собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолевать всякое сопротивление и защищаться от нападения; военный поход днем, ночью военный лагерь в укреплении, сооруженном из повозок. Потери людьми в непрерывных боях, от усталости, голода и болезней во время этих переходов должны были быть огромными. Это была ставка не на жизнь, а на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на новой земле; в случае же неудачи переселявшееся племя исчезало с лица земли. Кто не пал в бою, погибал в рабстве» [Энгельс, 1961, 448].

Из событий Великого переселения народов необходимо отметить лишь основные передвижения германских племен (см. карту 2), определившие их дальнейшую судьбу в период раннего средневековья. Наиболее значительными были при этом перемещения восточных германцев. Особенно важную роль сыграли готы. В эпоху Тацита готы живут на побережье Балтийского моря, в низовьях Вислы.

Данные сравнительно-исторического языкознания, как и новейшие археологические исследования, подтверждают, что готы, как и другие восточные германцы (вандалы, бургунды и некоторые другие), первоначально входили в северную (скандинавскую) группу германских племен и переселились из южной части Скандинавского полуострова на побережье Балтийского моря между Одером и Вислой в III—I вв. до н. э. Во II в. н. э. готы передвигаются с берегов Балтийского моря на юг, в начале III в. они появ-

ляются в черноморских степях у восточной границы Римской империи и распространяются от Дуная до Днепра. Здесь готы распались на несколько племен, из которых главные составляли две группы: западную — **висиготов (вестготов)** (*Wisigothi*) и восточную — **остготов** (*Ostgothi*).

Около 250 г. готы захватили Крым. **Крымские готы** сохраняли относительную самостоятельность в течение многих столетий под номинальной властью сперва Византийской империи, потом хазар, татар и турок. Их центром был укрепленный город Дорос в южном Крыму. Крымские готы в течение многих столетий сохраняли свой язык, и в XVI в. фламандцу Бусбеку при встрече с крымским готом в Константинополе удалось записать 68 слов. Лишь в XVIII в. крымские готы окончательно растворились в местном населении. Готы упоминаются в славянской легенде о святом Константине.

В 270 г. император Аврелиан должен был уступить **вестготам** пограничную задунайскую провинцию Дакию (нынешнюю Румынию и Трансильванию), чтобы с их помощью обезопасить границы империи от дальнейших нашествий варваров. В середине IV—V вв. (по свидетельству античных писателей и историка готов Иордана) в черноморских степях существовал крупный межплеменной союз, весьма пестрый по своему этническому составу, во главе которого в пору его наибольшего могущества стоял **остготский** король Эрманарих. Готский союз был уничтожен в 375 г. при нашествии гуннов, тюрко-монгольских кочевников, нахлынувших из Азии. Память об Эрманарихе, прикрашенная легендой, сохранилась в германском героическом эпосе (в скандинавской «Эдде» и в средневерхненемецких поэмах о Дитрихе Бернском).

Остготы оставались более столетия в зависимости от гуннов, вместе с ними частично перекочевали в Паннонию (нынешнюю Венгрию) и принимали участие в их походах против Римской империи до распада гуннского государства, последовавшего после смерти короля гуннов Атилы (453 г.).

В 476 г. германский военачальник Одоакр свергнул с престола последнего римского императора и объявил себя королем Италии. Но власть его была непродолжительна: в 488 г. Италия подверглась нашествию **остготов** под предводительством Теодориха, который после трехлетней борьбы с Одоакром победил своего соперника и воцарился на его месте (493—526 гг.). При преемниках Теодориха остготское королевство в Италии после продолжительных войн было уничтожено византийцами при императоре Юстиниане (535—555 гг.).

Вестготы, теснимые гуннами, переходят в 376 г. через Дунай и поселяются в качестве союзного войска на территории Восточной Римской империи, в придунайской провинции Мезги (в нынешней Болгарии).

Здесь они принимают христианство в форме так называемого арианства — вероучения, в то время господствовавшего в Византии, но позднее осужденного церковью как еретическое. В 401 г. вестготы под предводительством короля Алариха вторгаются в Италию; в 410 г. они захватили и разрушили Рим; из Италии они проникли в 412 г. в южную Галлию и оттуда в 414 г. — в Испанию. Испанское королевство **вестготов**, включавшее первоначально юго-западную часть Галлии до р. Луары (так наз. Аквитанию), просуществовало до 711—713 гг., когда арабы, переправившись через Гибралтарский пролив, завладели большей частью Пиренейского полуострова.

Одновременно с вестготами другое восточногерманское племя — **вандалы** — в 406 г. прошло через Галлию, в 409 г. захватило Испанию, в 429 г. переправилось на побережье северной Африки, где вандалское королевство существовало более столетия, до 533—534 гг., когда оно было разрушено войсками византийского императора Юстиниана.

В начале V в. **бургунды**, также принадлежавшие к восточногерманской группе, пытались основаться на среднем Рейне, между франками и алеманнами. Центром бургундского королевства на Рейне был город Вормс. Разбитые римским полководцем Аэцием, наместником Галлии, бургунды были истреблены союзными с ним гуннами (437 г.). Уцелевшая часть бургундов, согнанная со своих мест, была поселена в 443 г. на территории юго-восточной Галлии, в нынешней Савойе; отсюда бургунды распространились к югу по долине Роны. Так называемое второе бургундское королевство просуществовало до 532—534 гг., когда оно было разрушено франками и присоединено к меровингскому государству. От него получила название Бургундия, значительная часть которой образовала впоследствии французскую провинцию Бургонь (*Bourgogne*).

Под напором восточногерманских племен приходят в движение и западные. С 213 г. начинаются **алеманнские** войны, которые продолжаются с перерывами в течение III и IV вв.: к концу IV в. они уже владели всем верхним течением Рейна и Дуная. Около 242 г. на нижнем Рейне выступают **франки**, совершающие периодические набеги на северную Галлию. Римляне вынуждены уступить им пограничную территорию, чтобы пользоваться их защитой против других германских племен. К началу V в. франки завладели нижним и средним Рейном.

В результате дальнейшего развития франкской и алеманнской колонизаций оба берега Рейна оказались германизованными: побежденные, преимущественно романизованные кельты были частью вытеснены победителями, частью смешались с ними и приняли их язык.

В середине V в. группа саксонских племен, обитавших первоначально на юго-восточном побережье Северного моря в пределах нынешних

Шлезвига и Голштинии — **англы, саксы и юты**, переселяется с континента через море на территорию Британии, в начале V в. оставленную римлянами. В результате продолжительной и кровопролитной борьбы с германскими пришельцами кельты (бриты) оказались частью оттесненными в гористые окраины Британии (Валлис, Корнуэльс, северную Шотландию), частью выселились на территорию Галлии, в нынешнюю Бретань, частью, как обычно, смешались с победителями.

Последним крупным событием передвижений древних германцев является захват Северной и Средней Италии западногерманским племенем **лангобардов** под предводительством Альбуина (568 г.). Лангобардское королевство в Италии существовало до 774 г., когда оно было присоединено к франкской империи Карла Великого.

Продвижение германских племен на территории Римской империи сделалось возможным в результате внутреннего экономического и политического разложения римского рабовладельческого общества, потерявшего всякую способность к сопротивлению. Римская империя была к этому времени сильно ослаблена непрерывными войнами, а также внутренними волнениями, восстаниями рабов и колонов и не могла устоять против нарастающего натиска варваров. С начала V в. Римская империя становится жертвой нахлынувших на нее варваров, постепенно захвативших все ее западные провинции и самый Рим.

Падение Римской империи означало крушение рабовладельческого общества. Для самих германских племен Великое переселение народов стало началом конца родовой организации общества. Разложение родового строя сопровождается выделением наследственной родовой аристократии. Она складывается из племенных вождей, военачальников и их дружинников, которые сосредоточивают в своих руках значительные материальные богатства. Общинное землепользование постепенно сменяется разделом земель, при котором решающую роль играет наследственно закрепляемое социальное и имущественное неравенство. Процесс разложения родового строя завершается после падения Рима. При завоевании римских владений надо было вместо римских органов управления создать свои. До Великого переселения народов главным представителем власти в германских родах был военачальник. Постоянная военная угроза требовала значительного расширения его полномочий — так возникает королевская власть.

Эпоха Великого переселения народов, главными участниками которого на территории Европы были германские племена, завершается в VI—VII вв. формированием германских варварских королевств.

2.5. Формирование варварских королевств

Процесс образования германских королевств начинается в V в. и идет сложным путем, у разных племен по-разному, в зависимости от конкретной исторической обстановки. Восточные германцы, раньше других пришедшие в непосредственное столкновение с римлянами на территории Римской империи, организовались в государства: остготское в Италии, вестготское в Испании, бургундское на Среднем Рейне и вандалское в Северной Африке. В середине VI в. войсками византийского императора Юстиниана были уничтожены королевства вандалов и остготов. В 534 г. королевство бургундов было присоединено к государству Меровингов. Франки, вестготы, бургунды смешались с ранее романизированным населением Галлии и Испании, стоявшим на более высоком уровне общественного и культурного развития, и восприняли язык побежденных ими народов. Та же судьба постигла лангобардов (их королевство в Северной Италии было завоевано Карлом Великим во второй половине VIII в.). Названия германских племен франков, бургундов и лангобардов сохранились в географических названиях — Франция, Бургундия, Ломбардия.

Западногерманские племена англов, саксов и ютов на протяжении почти полутора веков (с середины V в. до конца VI в.) переселяются в Британию. Сломив сопротивление живших там кельтов, они основывают свои королевства на большей части территории Британии.

Название западногерманского племени, вернее целой группы племен франков, встречается впервые в середине III в. Множество мелких племен франков объединились в два больших союза — салических и рипуарских франков. В V в. салические франки занимали северо-восточную часть Галлии от Рейна до Соммы. Конунги из рода Меровингов в середине VI в. основали первую франкскую королевскую династию, объединившую впоследствии салиев и рипуариев. Королевство Меровингов при Хлодвиге (481—511) было уже достаточно обширным; в результате победоносных войн Хлодвиг присоединил к нему остатки римских владений между Соммой и Луарой, прирейнские земли алеманнов и вестготов в Южной Галлии. Позднее к Франкскому королевству была присоединена большая часть территории к востоку от Рейна, т. е. старые германские земли. Могущество франков способствовал союз с римской церковью, которая после падения Римской империи продолжала играть большую роль в Западной Европе и оказывала значительное влияние на судьбы формирующихся варварских королевств через распространение христианства.

Зарождающиеся при Меровингах феодальные отношения ведут к обособлению и возвышению отдельных княжеств; при несовершенстве государственного аппарата, при отсутствии централизованного управления

королевская власть приходит в упадок. Управление страной сосредоточивается в руках майордомов из представителей знатных родов. Наибольшим влиянием при королевском дворе пользовались майордомы — родоначальники династии Каролингов. Их возвышению способствовали победоносные войны с арабами на юге Галлии, и в VIII в. на франкском престоле появляется новая династия Каролингов. Каролинги еще больше расширяют территорию Франкского королевства, присоединяют к нему области на северо-западе Германии, населенные фризами. При Карле Великом (768—814) были покорены и подвергнуты насильственной христианизации племена саксов, жившие в лесистой местности между нижним Рейном и Эльбой. Он присоединил к своему королевству также большую часть Испании, королевство лангобардов в Италии, Баварию и почти полностью истребил жившие на среднем Дунае племена аваров. Чтобы окончательно утвердиться в своем господстве над огромным пространством романских и германских земель, Карл в 800 г. венчается императором Римской империи. Папа Лев III, который сам лишь благодаря поддержке Карла удержался на папском престоле, возложил на него в Риме императорскую корону.

Деятельность Карла была направлена на укрепление государства. При нем издавались капитулярии — акты каролингского законодательства, были проведены земельные реформы, способствовавшие феодализации франкского общества. Образовав пограничные области, так называемые марки, он усилил обороноспособность государства. Эпоха Карла вошла в историю как эпоха «каролингского Возрождения». В преданиях и летописях сохранились воспоминания о Карле как о короле-просветителе. При его дворе собирались ученые и поэты, он способствовал распространению культуры и грамотности через монастырские школы и через деятельность монахов-просветителей. Большой подъем переживает архитектурное искусство, строятся многочисленные дворцы и храмы, монументальный облик которых был характерен для раннего романского стиля. Следует отметить, однако, что термин «Возрождение» можно применять здесь только условно, поскольку деятельность Карла протекала в эпоху распространения религиозно-аскетических догм, ставших на несколько веков препятствием развитию гуманистических идей и подлинному возрождению культурных ценностей, созданных в античную эпоху.

После смерти Карла Великого империя Каролингов стала распадаться на части. Она не представляла собой этнического и языкового целого и не имела прочной экономической базы. При внуках Карла произошел раздел его империи по Верденскому договору (843 г.) на три части. Ему предшествовал договор (842 г.) между Карлом Лысым и Людовиком Немецким о

союзе против их брата Лотаря, известный как «Страсбургские клятвы». Он был составлен на двух языках — древневерхненемецком и старофранцузском, что соответствовало объединению населения по более близким языковым связям внутри государства Каролингов.

По Верденскому договору западная часть империи — будущая Франция отошла к Карлу Лысому, восточная часть — будущая Германия — к Людовику Немецкому, а Италию и узкую полосу земли между владениями Карла и Людовика получил Лотарь. С этого времени три государства начинают самостоятельное существование (см. карту 3).

2.6. Виды письменности германцев

Первым письменным памятником германского языка является надпись, выполненная североиталийским, а возможно, и этрусским алфавитом, на одном из нескольких хорошо сохранившихся шлемов, найденных в 1812 г. в Негау в австрийской земле Штирия. Надпись читается как *harixastiteiva*. Задача ее дешифровки пока не решена, но последние пять букв могут быть именем бога, возможно скандинавского Тора. Датируется она III или II в. до н. э.; сам шлем, возможно, относится к более раннему периоду. Вторыми по древности являются короткие восточногерманские рунические надписи на готском языке, найденные в Ковеле на Волыни и в Пьетроассе в румынской области Валахия. В Пьетроассе была найдена золотая гривна (нашейное кольцо) с надписью *gutaniowihailag*; последние шесть букв могут быть словом, означающим 'святой'.

Древнейшим видом письменности у германцев было **руническое письмо**. Тацит в своей «Германии» писал, что германцы придавали особое значение гаданью-жеребьевке: разбросав на куске ткани палочки с вырезанными на них знаками и прочитав молитву, жрец брал наугад три палочки и гадал, читая знаки на них. Эти считавшиеся магическими знаки были буквами рунического письма, алфавитом первого связного письма у древних германцев. Название букв — *руны* — образовано от основы, имевшей значение 'тайна' (ср. гот. *rūna* 'тайна' и немецкий глагол *raunen* 'таинственно, украдкой шептать'). Рунический алфавит германцев, так называемые «старшие руны», насчитывал 24 знака. По первым шести буквам он получил название «футарк» (*fubark*). Эти знаки представляют собою комбинации вертикальных и наклонных линий.

Руны использовались преимущественно в магических, культовых целях. Знание рун было профессиональной тайной жрецов и передавалось из поколения в поколение.

Рунический алфавит (старшие руны):

ƿ ʀ ʁ r < x p n t i s i k y s t b m ƿ r o ʒ

f u þ a r k g w h n i j è p R s t b e m l j d o

Назначение рунических надписей — оградить владельца предмета от злых сил и от врагов, охранять покойников и удерживать их в могиле и т. д. Писались (вырезались) руны на дереве, кости, камне (надгробиях), позднее на металле, в частности на изделиях из золота. Так как деревянные предметы за редкими исключениями не сохранились, то и рунических надписей дошло до нас очень немного, особенно мало их в Германии и Англии, несколько больше в Скандинавии. Всего обнаружено около 150 предметов с руническими надписями, относящимися к III—VIII вв. Это предметы или детали вооружения (копье, рукоятка меча, насадка на щит), украшения и амулеты (кольцо, браслет, медаль-брактеат — украшение в виде пластинки с чеканкой), надгробные камни и т. д.

Большинство надписей представляют собою отдельные слова (часто собственные имена). Каждая руна сама по себе тоже могла иметь магическое значение, поэтому нередко выписывался весь алфавит или его часть, что должно было приносить, по верованиям древних германцев, удачу в разных видах деятельности и ограждать от несчастий.

Краткость, фрагментарность многих рунических надписей, их плохая сохранность и магический смысл — причины того, что значительную их часть (около трети) не удастся расшифровать. К этому следует добавить, что и во многих надписях, считающихся расшифрованными, есть спорные части. В рунических текстах (так же, как и в старославянских) все слова были написаны слитно, не было деления букв на прописные и строчные, не было и знаков препинания. Тексты рунических надписей в лингвистических работах принято воспроизводить полужирным шрифтом.

Рунические памятники континентальных германцев относятся главным образом к эпохе Меровингов (VI—VIII вв.). Это в основном амулеты и фибулы (застежки для одежды) с нанесенным на них руническим алфавитом, краткими надписями магического содержания или рядами рун, не поддающимися истолкованию. Последняя по времени находка, сделанная в 1945 г., — запись футарка в рукописи из монастыря Фульда (VIII—IX вв.).

Из рунических памятников в Англии наибольший интерес представляют надпись на шкатулке из Нортумбрии и стихотворение религиозного содержания на каменном Рутвельском кресте в Шотландии. В соответствии с фонетическими особенностями ингвеонских диалектов число рун у англосаксов было увеличено сначала до 28. Такое количество

рун засвидетельствовано, в частности, в рукописи VII в. — так называемом «Зальцбургском кодексе» («Codex Salisburgiensis» № 140). А древнеанглийская «Руническая песня» IX—X вв. содержит уже 33 руны. Древнеанглийский футарк является, таким образом, расширенным вариантом континентального с его 24 рунами.

Язык древнейших рунических надписей — промежуточное звено между германским языком-основой, формы которого можно только реконструировать, и языками древнейших письменных памятников различных германских народностей. Древнерунический архаичнее готского, в нем сохранились более древние явления, чем в языке всех других древнегерманских памятников, в частности основообразующие гласные.

Специфика применения рунического письма нашла отражение в лексике германских языков. Так, нем. *der Buchstabe* (*Buch* + *Stab*) 'буква' первоначально значило 'буковая палочка' (ср. гот. *boka* 'буква', мн. ч. *bokos* 'книга', да. *bocstæf*). Немецкий глагол *lesen* 'читать', первоначально значивший 'выбирать, подбирать' (разбросанные буковые палочки), сохранил это значение как менее употребительное наряду с новым 'читать', старое же лучше всего сохранилось в глаголе *auflesen* 'подбирать' и в ряде сложных существительных, например *Weinlese* 'сбор винограда'. Английский глагол (*to*) *read* 'читать' первоначально значил 'угадывать, отгадывать' (ср. нем. *raten* 'отгадывать'), а глагол (*to*) *write* 'писать' имел раньше значение 'царапать, выцарапывать' (ср. нем. *ritzen* 'царапать' и *reißen* в значении 'чертить', а также нем. *die Reißfeder* 'рейсфедер').

В IX в. на смену «старшим» рунам пришли «младшие» руны. У младшего рунического алфавита было два варианта — «норвежско-шведский» (в Норвегии и Швеции до конца X в.) и «датский», распространившийся сначала в Дании, а с конца X в. по всей Скандинавии. В отличие от старшего футарка, содержавшего 24 руны, младший рунический алфавит насчитывает всего 16 знаков. Таким образом, младший рунический алфавит менее точно, нежели старший, передает звуковой состав языка. В частности, одной и той же руной передаются глухие и звонкие (*k* и *g*, *t* и *d* и др.), перегласованные и неперегласованные гласные (*a* и *æ*, *o* и *ø*, *u* и *y* и др.) и т. д. Причины такого упрощения алфавита остаются неясными. Вместе с тем в надписях младшими рунами различались *g* и *R* (< *z*).

Всего надписей младшими рунами найдено почти 3500. Основная масса их обнаружена в Швеции — около 2500, около 400 — в Дании (в это число входят надписи в Южной Швеции, принадлежавшей тогда Дании), около 350 — в Норвегии и около 150 — в ее островных владениях (из них 45 в Исландии). Самая длинная надпись младшими рунами — на надгробном камне из Река (Эстергётланд, Центральная Швеция) — восходит к IX в. и насчитывает 762 руны (часть из них старшие). Надписи

младшими рунами, как и надписи старшими рунами, обычно очень краткие; они выполнены большей частью на могильных камнях.

«Датские» руны, распространившиеся, как упоминалось выше, в конце X в. по всей Скандинавии, легли в основу так называемых пунктированных рун. Последние насчитывали уже большее количество знаков за счет того, что некоторые руны получили дополнительные точки. Руна с точкой (пунктированная) имеет значение, отличное от руны без точки: при помощи этих дополнительных значков различались, например, глухие и звонкие согласные. Пунктированные руны использовались даже в рукописях в XIII в., но к этому времени уже распространилось латинское письмо и пунктированные руны утратили свое значение.

Рунический алфавит (младшие руны):

Норвежско-шведские руны

ƿ ᚠ ᚡ ᚢ ᚣ ᚤ ᚥ ᚦ ᚧ ᚨ ᚩ ᚪ ᚫ ᚬ ᚭ ᚮ ᚯ ᚰ ᚱ ᚲ ᚳ ᚴ ᚵ ᚶ ᚷ ᚸ ᚹ ᚺ ᚻ ᚼ ᚽ ᚾ ᚿ

Датские руны

ƿ ᚠ ᚡ ᚢ ᚣ ᚤ ᚥ ᚦ ᚧ ᚨ ᚩ ᚪ ᚫ ᚬ ᚭ ᚮ ᚯ ᚰ ᚱ ᚲ ᚳ ᚴ ᚵ ᚶ ᚷ ᚸ ᚹ ᚺ ᚻ ᚼ ᚽ ᚾ ᚿ

В процессе христианизации (IV—XII вв.) германцы знакомятся с латинским письмом (готы — с греческим), в результате чего к IX в. руническое письмо на территории Франкского государства, а к XI в. на Британских островах полностью вытесняется латинским. В Скандинавии, где руническая письменная традиция оказалась более устойчивой, руническое письмо не исчезло полностью, а было перенесено на пергамент и использовалось не только в культовых целях, но и (как, например, в Дании в XIII в.) для записи законов вплоть до XVI в. В Швеции рунами в частных записях пользовались еще в XVI—XVII вв. Предпринимавшиеся в Швеции попытки возродить руническое письмо потерпели неудачу: руны не смогли конкурировать ни с латинским, ни с так называемым «готическим» шрифтом.

Рунология как самостоятельная научная дисциплина зародилась в 70-е гг. XIX в. Ее основоположником был датский ученый Людвиг Виммер. Очень большой вклад в развитие рунологии внесли норвежские ученые Суфюс Бугге и Магнус Ульсен, шведские ученые Отто фон Фрисен, Элиас Вессён и ряд других исследователей. И если, несмотря на усилия рунологов, ряд надписей до сих пор не расшифрован, а интерпретация многих спорна, это объясняется сложностью материала и его фрагментарностью. Для расшифровки надписей необходимо привлекать данные смежных наук. Как сформулировал это рунолог Карл Марстрандер, рунология — это палеография, лингвистика, археология и мифология. Действительно, не-

редко лексическое значение слова какой-либо рунической надписи понятно, но какую функцию выполнял этот текст, остается загадкой.

Не вполне ясно и происхождение рунического алфавита. Некоторые руны обнаруживают явное сходство с буквами латинского алфавита, другие — греческого (см. рис. на с. 48). Поэтому одни ученые пытались вывести рунический алфавит из латинского, другие — из греческого. В середине XIX в. была впервые высказана мысль о происхождении рун из одного из североиталийских алфавитов. Согласно этой гипотезе, руны, возникнув на севере Италии во II—III вв., были затем переняты самыми южными из западногерманских племен и постепенно распространились на север, переходя от одного германского племени к другому. Эта гипотеза имеет в настоящее время наибольшее число сторонников. Правда, некоторые руны не имеют прототипов ни в одном из североиталийских алфавитов; загадкой остается и алфавитный порядок рун.

Руническое письмо было одним из важнейших культурных завоеваний германских племен на заре эпохи Великого переселения народов. Однако в силу своего преимущественно культового назначения оно не могло получить и не получило значительного распространения.

Латинское письмо. Широкое развитие письменности на древнегерманских языках относится к эпохе раннего средневековья (VI—XI вв.) и связано с процессом христианизации германцев и усвоением элементов греко-римской образованности господствующим классом раннефеодального общества, формировавшегося в рамках варварских германских государств. Все важнейшие социальные и культурные функции будущих национальных языков в этих государствах выполняла латынь — единственный письменный и литературный язык того времени. Латынь была и языком церкви; монастыри и возникавшие при них монастырские школы были не только рассадниками клерикального просвещения, но и главными очагами культуры, а монахи и клирики — почти единственными образованными и просто грамотными людьми своего времени. Образование и письменность носили в эту пору почти исключительно клерикальный — религиозно-церковный и богословский — характер. Так как латынь была языком непонятным и недоступным широким массам, да и большинству представителей верхушки раннефеодального общества, первые связанные записи на своем, родном языке появлялись у германцев как подсобное средство при обучении латыни, а также в целях церковной пропаганды. Для записей на своих до того практически бесписьменных языках западные и северные германцы обратились к латинскому алфавиту (восточногерманское племя готов создало свою письменность на основе греческого алфавита). При этом они столкнулись со значительными трудностями. В латинском алфавите не было букв для целого ряда звуков в различных

германских языках, для передачи различий гласных по признаку долготы и краткости, закрытости и открытости и т. д. Монастырские школы по своему, кустарно приспособляли латинский алфавит к нуждам родного языка, а наличие в этот период различных вполне равноправных диалектов еще более увеличивало разноречивость в написании одних и тех же слов, в передаче одних и тех же звуков, и без того очень значительный из-за отсутствия общепринятых орфографических правил и норм. В латинский алфавит вносились различные изменения, главным образом дополнения в виде новых букв и сочетаний букв (например, буква *w* в алфавитах большинства германских языков, сочетание букв *ch* для обозначения глухого заднеязычного щелевого согласного [x] и др.) или диакритических знаков (например, знак *••* для обозначения умлаута). В настоящее время алфавиты германских языков, в основе которых лежит латинский алфавит, и по количеству, и по составу букв несколько отличаются друг от друга и от алфавита латинского языка. Одни и те же буквы могут в разных языках служить для обозначения разных звуков, а один звук может обозначаться разными буквами.

Традиционные орфографии германских языков складывались на протяжении многих веков, они отличаются непоследовательностью и обнаруживают немало противоречий, в частности наличие в словах непроносимых букв и не обозначаемых отдельными буквами звуков. Особенно много непроносимых букв в написании английских слов. И вообще в английской орфографии наблюдается глубокий разрыв между архаичным написанием очень многих слов и их изменившимся произношением — разрыв, доставляющий немало неприятностей самим англичанам, не говоря уже об иностранцах, и вызвавший к жизни понятие *spelling* его специфическом смысле.

На рубеже VIII—IX вв. во Франкском государстве был выработан на основе существовавших до этого вариантов латинского алфавита новый, небольшие по размеру буквы которого получили название «каролингские минускулы» (ср. лат. *minusculus* 'меньший'). Этот алфавит отличался от своих предшественников большей четкостью и упорядоченностью письма, им пользовались в Западной Европе вплоть до XII в. (когда он был вытеснен «готическим» шрифтом).

В конце XVII в., в эпоху Возрождения, в Италии был создан шрифт для печатных прессов, получивший название «антиква». Это был вариант латинского шрифта, округлые формы букв которого представляли собою сознательный возврат (в знак протеста против «варварского» готического шрифта) к каролингским минускулам, которые в то время считались образцом классических латинских букв (лат. *littera antiqua*). Начиная с XVI в. антиква получила широкое распространение в странах Западной Европы,

и со временем были созданы разные варианты антиквы. В Германии ею пользовались преимущественно при печатании иностранных текстов, а до XVIII в. — и иностранных слов, оказавшихся «вкраплениями» в немецком тексте. И в настоящее время латинский шрифт, распространившийся вместе с германскими и романскими языками далеко за пределы Западной Европы, представлен в виде различных вариантов антиквы.

Готическое письмо. Приблизительно в XI в. в Италии на базе латинского алфавита возник новый тип письма — остроконечное монашеское письмо, с конца XI в. распространившееся и в других странах Европы. В средние же века, в XII—XIV вв., в Западной Европе возник новый, пришедший на смену романскому, стиль архитектуры. Он возник как стиль культовых строений — католических соборов и церквей. Его назначением было выразить средствами архитектуры христианскую идею отрешения от всего земного, обращения всех помыслов и надежд ввысь, к небесам, обиталищу Бога. Этот стиль дал мировой культуре такие шедевры архитектуры, как собор Нотр-Дам в Париже и св. Стефана в Вене, Вестминстерское аббатство в Лондоне, соборы в Страсбурге, Кельне, Наумбурге, Милане, Руане, Праге и многие другие. Сменившая средневековье эпоха Возрождения, противопоставив свое новое, светское, гуманистическое мироощущение безраздельному владычеству церкви в области идеологии, культуры и искусства, отрицательно и даже враждебно относилась ко всему, что было связано с христианской идеологией, с находившимся под ее влиянием искусством, в том числе и архитектурой. А так как символом варварства для гуманистов Возрождения были германские племена (готы, вандалы и др.), то стиль средневековой церковной архитектуры гуманисты XV в. стали презрительно называть «готическим», т. е. «готским» (ср. нем. *gotisch*, англ. *gothic* 'готический' и 'готский'). То же название получило угловатое, остроконечное письмо. Название привилось и со временем утратило свою оценочную окраску. Ни готический стиль в архитектуре, ни готический шрифт, разумеется, никакого отношения к готам не имеют.

Дальнейшим развитием готического шрифта в XV в. явилась так называемая «фрактура» (нем. *die Fraktur* от лат. *fractus* 'ломаный'). Зачатки фрактуры обнаруживаются уже в XIV в. в рукописных документах имперской канцелярии в Праге. Как печатный шрифт фрактура была введена в начале XVI в. при непосредственном участии А. Дюрера, выдающегося художника немецкого Возрождения.

В большинстве европейских государств, где готический шрифт (фрактура) нашел более или менее широкое применение в средние века (Германия, Англия, Франция и др.), он со временем был вытеснен латинским. Только в Германии он обосновался прочно и надолго, существенно потес-

нив латинский. Ему обучали в школе, на нем печатали книги и периодические издания, им пользовались в частной переписке. С XVIII в. неоднократно возникали тенденции к отказу от готического шрифта (Ф. Шиллер, братья Гримм), но до 1945 г. он оставался в Германии основным шрифтом. В период господства фашистской диктатуры готический шрифт был объявлен «исконно немецким». После Второй мировой войны готический шрифт постепенно уступил латинскому почти все свои позиции. Основная причина — стремление сделать немецкую печатную продукцию более доступной для иностранного читателя. Готический шрифт используется и в наше время в разных странах — частично по традиции, частично ради его декоративности — при оформлении заголовков, объявлений, вывесок и т. д.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

3.1. Общегерманские черты в ударении и системе фонем

Германские языки возникли как результат самостоятельного развития одной из диалектных групп индоевропейского языка-основы. В фонологической системе, грамматическом строе и лексике германских языков много черт, унаследованных от общеиндоевропейского языкового состояния. Что в общегерманском, а затем и в отдельных германских языках сохранилось от общеиндоевропейского периода? Что развилось на собственно германской почве? Рассмотрим вкратце общеиндоевропейские черты германских языков и развитие на их основе собственно германских особенностей, характерных для всех германских языков.

3.1.1. Ударение. Гласные. Аблаут. Умлаут

Ударение в общеиндоевропейском отличалось двумя особенностями. Первая особенность заключалась в том, что оно характеризовалось повышением голоса (тона) на одном из слогов. Такое ударение называется тоническим, или музыкальным, в противоположность динамическому, или экспираторному, связанному с силой выдоха. В общегерманском языке тоническое ударение уступило место динамическому. В настоящее время тоническое ударение наблюдается в шведском и норвежском языках.

Вторая особенность индоевропейского ударения состояла в том, что оно было свободным, т. е. могло падать на любой слог. В общегерманский период свободное ударение сменилось ударением, фиксированным на начальном (корневом) слого. Например: гот. *'bindan* 'вязать' (нвн. *binden*, на. *to bind*), дисл. *'leggja* 'класть' (нвн. *legen*, на. *to lay* 'класть', да. *'gangan* 'идти' (нвн. *gehen*, на. *to go*), двн. *'haltan* 'держатъ' (нвн. *halten*, англ. *to hold* 'держатъ'), гот. *'giba* 'дар' (нвн. *geben*, англ. *to give* 'давать'), да. *'spere* 'копьё' (на. *spear*, ннем. *der Speer*), двн. *'kunni* 'род' (на. *kin* 'родня'), дс. *'riki* 'власть' (ннем. *das Reich* 'государство'). Как видно из примеров, в бесприставочных глаголах и именах корневой и первый слог совпадают.

В глаголах и именах с приставками место ударения неодинаково: в приставочных именах, существительных и прилагательных, ударение падает на первый слог, т. е. на приставку, а в приставочных глаголах — на корневой слог: ср. гот. *andahafis* 'ответ' — *and`hafjan* 'отвечать', двн. *urteil* 'приговор' — *ur`teilan* 'присуждать' (ннем. *das Urteil* 'приговор'), да. *andsæk* 'несогласие' — *on`sakan* 'противиться'. Причину такого различия в ударении, по-видимому, нужно искать в одновременности возникновения данных образований. В период становления фиксированного ударения приставка и глагол еще не слились в едином слове, в то время как древнейшие приставочные имена воспринимались как одно целое. Это различие впоследствии было затемнено образованием отглагольных существительных от глаголов с неударными приставками и, наоборот, отыменных глаголов, созданных на базе основ с ударяемой приставкой. Например: гот. сущ. *us`fulleins* 'выполнение' — гл. *us`fulljan* 'исполнять', ср. нем. *die Er`füllung* 'выполнение' — *er`füllen* 'исполнять'; гот. сущ. *andawaurdi* 'ответ' — гл. *and`waurdjan* 'отвечать', ср. нем. *die`Antwort* 'ответ' — гл. *antworten* 'отвечать'.

Закрепление сильного динамического ударения на первом слоге оказало значительное влияние на развитие строя германских языков и усилило тенденции, действовавшие уже в период германской языковой общности. Фиксированное ударение выделило главный в смысловом отношении слог и, вероятно, способствовало редукции неударных слогов; в результате действия законов конца слова длинные гласные сокращались, а краткие ослаблялись и редуцировались или совсем отпадали. Первый этап редукции, по-видимому, прошел уже в общегерманском, в дальнейшем эта тенденция действовала с разной силой во всех германских языках.

Гласные. Для позднего общеиндоевропейского периода может быть восстановлена система гласных фонем, состоящая из пяти кратких (*ě, ǫ, ǣ, ĭ, ū*) и пяти долгих: *ē, ō, ā, ī, ū*.

Кроме приведенных гласных, был также краткий гласный [э], который встречался в безударных слогах. Этот гласный известен под названием «шва примум» и отражен в санскрите как *i*, а в остальных индоевропейских языках — как *a*.

В общегерманском сохраняется различие между краткими и долгими гласными, но в их системе произошли значительные изменения.

Общегерманские **краткие гласные** были представлены фонемами *ǣ, ĭ, ū*.

Краткое герм. *ǣ* соответствует индоевропейским гласным — *ā, ǫ* и *ə*: лат. *ad* 'к' || гот. *at* (на. *at*); лат. *rota* || двн. *rad* (ннем. *das Rad* 'колесо'); гр. *hortos*, лат. *hortus* 'сад' || гот. *gards* 'дом', двн. *gart* 'круг', дс. *gard* 'дом',

дисл. *gardr* 'ограда' (нем. *der Garten*, на. *garden* 'сад'), лат. *hostis*, ст.-сл. 'гость' || рун. *gastiR*, гот. *gasts*, двн. *gast* (нем. *der Gast*, на. *guest*); лат. *status* || двн. *stat* 'место' (нем. *die Stadt* 'город', *das Staat* 'государство', 'штат', на. *state* 'государство', 'штат').

Вследствие перехода и.-е. *ō* > герм. *ā* в общегерманском не было краткого *ō*. Развитие новой фонемы — краткого *ō* — в германских языках относится к более позднему времени, к периоду их отдельного существования.

Индоевропейские краткие *ě*, *ĩ*, *ũ* либо сохранялись без изменений, либо изменялись под влиянием последующих гласных:

и.-е. *ũ* || герм. *ū*: скр. *sūnús*-, лит. *sūnús* 'сын' || гот. *sunus*, да., двн., дс. *sunu*, рун. *sunuR*, дисл. *sunr* (на. *son*, нем. *der Sohn*);

и.-е. *ĩ* || герм. *ī*: лат. *piscis* 'рыба' || гот. *fisks*, да., дс., двн. *fisc*, дисл. *fiskr* (на. *fish*, нем. *der Fisch*);

и.-е. *ě* || герм. *ē*: лат. *ferō* 'несу', слав. *бегу* || двн. *beran* 'нести' (на. *to bear* 'нести (обязанности)').

Восстанавливаемая для общегерманского система **долгих гласных** состояла из четырех фонем: *ē*, *ō*, *ī*, *ū*.

Германское *ō* соответствовало двум индоевропейским гласным — *ā* и *ō*: лат. *māter* || да. *modor*, дс. *mōdor*, двн. *muoter* (на. *mother*, нем. *die Mutter*); скр. *bhrātā-*; лат. *frater* 'брат' || да. *brōdor* (на. *brother*, нем. *der Bruder*); лат. *flōs* 'цветок' || гот., да. *blōma* (нем. *die Blume*, на. *flower*).

И.-е. *ē* || герм. *æ*: лат. *sēmen* 'семя', 'посев' || да. *sæd*, двн. *sāt* (на. *seed*, *semen*, нем. *der Samen*);

и.-е. *ī* || герм. *ī*: лат. *suīnus* 'свинина' || гот. *swein*, да., двн., дс. *swīn* (нем. *das Schwein*);

и.-е. *ū* || герм. *ū*: гр. *mūs*, лат. *mūs* 'мышь' || да., двн. *mūs*, дисл. *mús* (нем. *die Maus*, на. *mouse*).

Аблаут (нем. *Ablaut*, англ. *gradation*) — спонтанное, т. е. не обусловленное окружением, чередование гласных, которое было унаследовано германскими языками от периода общеиндоевропейского единства, но получило в германском ареале дальнейшее развитие и систематически использовалось в словообразовании и главным образом в словоизменении. Это древнейшее явление заключалось в чередовании гласных в корне, суффиксе или окончании (при постоянном составе согласных) в зависимости от грамматической формы или от значения слова. Такое чередование не является исключительной особенностью индоевропейских языков, а наблюдается и в других языковых семьях. Существует два типа чередования по аблауту: качественное и количественное.

Качественный аблаут представляет собой чередование разных гласных и касается, в основном, гласных *ě*, *ē* и *ō*, *ō*. Наиболее распространен-

ным качественным чередованием в индоевропейских языках является чередование *ě* — *ǫ*, например: гр. *légō* 'говорю' — *logos* 'слово', лат. *tegō* 'покрываю' — *toga* 'одежда'; ст.-сл. *теку* — *токъ* (ср. рус. *бреду* — *брод*, *беру* — *собор* и др.).

При **количественном аблауте** чередуются различные по долготе гласные одного качества. В зависимости от долготы гласного выделяются три ступени аблаута: нормальная (полная) ступень, ступень удлинения и нулевая ступень (ступень редукции). Нормальная ступень представлена гласными *ě* и *ǫ*, от которых ступенью удлинения были *ē* и *ō*: лат. *sedeō* 'сиджу' — *sēdi* 'сел' (чередование *ě* — *ē*); гр. (дор.) *pōs* 'нога' — *podōs* род. п. (чередование *ǫ* — *ō*). Нулевая ступень, или ступень редукции, — это «нуль» гласного, т. е. его выпадение, или редуцированный гласный: ст.-сл. *бер* — *брь ти*.

Чередования по аблауту в германских языках представляют собою дальнейшее развитие индоевропейских чередований. Индоевропейскому качественному чередованию *ě* — *ǫ* соответствует германское чередование *ē* — *ā*: дисл. *bera* 'нести', 'рожать' — *barn* 'дитя' (на. *to be born*, ннем. *geboren werden* 'быть рожденным'); да. *bindan* (i < e) 'связывать' — *band* 'тесьма' (на. *to bind* 'связывать', ннем. (ver)binden; двн. *stelan* 'красть' — *stal* 'украл' (на. *to steal*, ннем. *stehlen*).

Из количественных чередований самым распространенным было чередование *ě*, *ǫ* — нуль (> u): да. *fela* 'много' — *ful* 'полный' (на. *full*, ннем. *voll* 'полный'); дисл. *kaldr* 'холодный' — *kuldi* 'холод' (на. *cold*, ннем. *kalt* 'холодный'); дс. *salt* 'соль' — *sultia* 'рассол' (на. *salt*, ннем. *das Salz*).

Самой широкой сферой применения аблаута в древнегерманских языках стала словоизменительная парадигма сильных глаголов, т. е. глаголов, в которых основные формы различаются качеством гласных и определенными ступенями аблаута в корневом слого.

В наиболее прозрачной форме, не затемненной более поздними фонетическими изменениями и вследствие этого, как предполагают, точнее всего отражающей общегерманскую систему, чередования по аблауту сохранились в готском языке, например гот. *bindan* 'связывать' — *band* (прош. вр. ед. ч.) — *bundum* (прош. вр. мн. ч.) — *bundans* (причастие II) (на. *to bind*, ннем. (ver)binden); гот. *rinnan* 'бежать' — *rann* — *runnum* — *runnans* (на. *to run*, ннем. *rennen*) и под. В измененном виде такие чередования в формах сильных глаголов сохранились и в современных германских языках, см. англ. *to sing* 'петь' — *sang* 'пел' — *sung* (прич. II), нем. *faren* 'ехать' — *fährt* 'едет' — *fuhr* 'ехал' и под.

В словообразовании наблюдаются те же ряды чередований по аблауту, что и в сильных глаголах. Например:

гот. *drigkan* 'пить' — *dragk* 'питье' (на. *to drink*, ннем. *trinken* 'пить' — *das Getränk* 'напиток'), да. *þencan* 'думать' — *þanc* 'мысль' (ннем. *denken*

'думать' — *der Gedanke* 'мысль', на. *to think* 'думать' — *thought* 'мысль') — чередование *ë* — *ā*; двн. *springan* 'прыгать' — *sprung* 'прыжок' (нем. *springen* — *der Sprung*, на. *spring* 'подвеска') — чередование *ë* — нуль.

Умлаут. В германских языках действовала тенденция фонетической ассимиляции гласного корня гласному окончанию. Эта тенденция осуществлялась во всех древнегерманских языках. Широкое распространение получил один из видов частичной регрессивной ассимиляции, которому Я. Гримм дал название «умлаут», что значит «перегласовка» (нем. *Umlaut*, англ. *mutation*). Это явление стало развиваться, по-видимому, начиная с V—VI веков: в языке готской библии (IV в.) его еще нет, но оно отражено в более поздних собственных именах вестготов (VII в.). Распространенность и хронология умлаута в разных германских языках неодинакова.

Различают несколько видов перегласовок, но сущность их тождественна: это частичное изменение гласного корня под влиянием гласного последующего слога.

Явление умлаута можно проиллюстрировать, сравнивая готские слова, в которых перегласовка отсутствует, с их соответствиями в других германских языках: гот. *harjis* 'войско' — да., свн. *here*, дисл. *herr* (нем. *das Heer*). Наибольшее распространение и развитие палатальная перегласовка получила в немецком ареале. В древневерхненемецком языке письменные памятники отражают умлаут от краткого *ā* (так называемый «примарный» умлаут): двн. *gast* (ед. ч.) — *gesti* (мн. ч.) 'гости'; двн. *man* 'человек' — *mennisco* 'человеческий'. Начиная со средневерхненемецкого периода умлаут широко представлен в немецком ареале как внутренняя флексия и в словоизменении, и в словообразовании.

3.1.2. Согласные. Первое передвижение согласных

Согласные. Сравнительно-историческое изучение индоевропейских и германских языков позволяет восстановить для общегерманского следующую систему согласных фонем в сравнении с индоевропейской:

и.-е.		герм.	
сонорные:	<i>j, w, r, l, m, n</i>	сонорные:	<i>j, w, r, l, m, n</i>
глухие смычные	<i>p, t, k, k^w</i>	глухие смычные	<i>p, t, k, k^w</i>
глухие щелевые	<i>s</i>	глухие щелевые	<i>f, þ, h, h^w, s</i>
звонкие смычные	<i>b, d, g, g^w</i>		
звонкие придыхательные	<i>bh, dh, gh, gh^w</i>		
		звонкие щелевые	<i>þ [v], ð, ȝ [ɣ], ȝ^w</i> (с позиционными вариантами <i>b, d, g, g^w</i>)

Отличия между индоевропейской и германской системой согласных развились в результате фонетических изменений, наиболее важным из которых является **первое передвижение согласных**. Сравнение шумных согласных в индоевропейских и древнегерманских языках позволяет сделать следующее обобщение: индоевропейским глухим смычным *p, t, k, k^w* соответствуют германские глухие щелевые *f, þ, h, h^w*; индоевропейским звонким смычным придыхательным *bh, dh, gh, gh^w* — германские звонкие щелевые *þ [v], ð, g, g^w*; индоевропейским звонким смычным *b, d, g, g^w* — глухие смычные *p, t, k, k^w*. Это явление, получившее название первого передвижения согласных (англ. The First Consonant Shift, нем. die erste Lautverschiebung), было открыто Расмусом Раском (1818) и представлено как система взаимосвязанных фактов Якобом Гриммом (1822).

Рассмотрим некоторые индоевропейские и германские соответствия:

и.-е. <i>p, t, k</i> 	герм. <i>f, þ, h</i>	
лат. <i>pater</i> 'отец'	гот. <i>ƒadar</i> , да. <i>ƒæder</i> , двн. <i>fater</i>	на. <i>father</i> , ннем. <i>der Vater</i>
лат. <i>piscis</i> 'рыба'	двн. <i>fisc</i>	на. <i>fish</i> , ннем. <i>der Fisch</i>
гр. <i>treis</i> , лат. <i>trēs</i> 'три'	да. <i>þri</i> , двн. <i>drī</i>	на. <i>three</i> , ннем. <i>drei</i>
лат. <i>cord-</i> 'сердце'	да. <i>heorte</i> , двн. <i>herza</i>	на. <i>heart</i> , ннем. <i>das Herz</i>

и.-е. <i>k^w</i> 	герм. <i>h^w</i>	
лат. <i>quod</i> 'что'	да. <i>hwæt</i> , двн. <i>hwaƷ</i>	на. <i>what</i> , ннем. <i>was</i>

и.-е. <i>bh, dh, gh</i> 	герм. <i>þ, ð, g, g^w</i>	
лат. <i>ferō</i> 'несу'	да., двн. <i>beran</i>	на. <i>to bear</i>
лат. <i>frāter</i> 'брат'	да. <i>brōðor</i>	на. <i>brother</i> , ннем. <i>der Bruder</i>
скр. <i>hamsá</i>	да. <i>gōs</i>	ннем. <i>die Gans</i>

и.-е. <i>b, d, g</i> 	герм. <i>p, t, k</i>	
лит. <i>slābnas</i> , ст.-сл. <i>слабъ</i>	да. <i>slæpan</i> 'спать'	на. <i>to sleep</i> , ннем. <i>schlafen</i>
гр. <i>dyo</i> , лат. <i>duo</i> 'два'	да. <i>twā</i>	на. <i>two</i> , ннем. <i>zwei</i>
гр. <i>déka</i> , лат. <i>decem</i> 'десять'	да. <i>tīen</i>	на. <i>ten</i> , ннем. <i>zehn</i>
лат. <i>ego</i>	да. <i>ic</i>	ннем. <i>ich</i>

Ряды основных явлений первого передвижения согласных могут быть представлены следующей схемой:

и.-е. *p, t, k* → герм. *f, þ, h*;

и.-е. *b, d, g* → герм. *p, t, k*;

и.-е. *bh, dh, gh* → герм. *þ, ð, g* → *b, d, g*.

3.2. Общегерманские черты морфологической системы

Многие черты германского морфологического строя были унаследованы от общеиндоевропейского единства. Общеиндоевропейский язык был языком флективного строя. Он обладал развитой системой склонения и спряжения. Имена существительные (и прилагательные) состояли из трех морфологических элементов: корень + основообразующий суффикс + окончание. Корень был носителем лексического значения и в чистом виде не функционировал. За корнем следовал суффикс, который оформлял основу и определял подкласс имени. Окончание присоединялось к основе и было показателем грамматических категорий рода, числа и падежа.

Одним из главных процессов в морфологической системе древнегерманских языков была перестройка структуры слова. Индоевропейская трехморфемная структура — корень + основообразующий суффикс + окончание — заменяется двухморфемной: основа + окончание. Основообразующий суффикс претерпевает следующие изменения: либо он сливается с падежной флексией в единое падежное окончание, либо сам становится окончанием, либо сливается с корнем. Таким образом происходит перестройка морфемного состава слова — выделяется основа (в германских языках часто совпадающая с корнем) как носитель лексического значения и окончание как показатель грамматической формы, например: и.-е. **sun(u)s* > герм. *sun-u*, например да. *sun-u* (им. п. ед. ч.) 'сын' (ср. ст.-сл. *сынъ*).

В зависимости от падежных окончаний в индоевропейском было три типа склонения: 1) склонение существительного и прилагательного, 2) склонение местоименного типа (система окончаний указательных, вопросительных местоимений, личных местоимений 3-го л., отчасти прилагательных (полных, или местоименных), 3) склонение личных местоимений 1-го и 2-го л., а также возвратного местоимения. Прилагательные первоначально не имели особого склонения, отличного от склонения существительных, что объясняется общностью происхождения существительных и прилагательных из единой категории — категории имени. Те же типы склонений сохранились и в древнегерманских языках.

Предполагают, что в общеиндоевропейском было восемь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, отложительный, местный, инструментальный и звательный. Древнегерманские языки унаследовали достаточно развитую падежную систему, представленную четырьмя падежами: именительным, родительным, дательным, винительным (с остатками инструментального и звательного в некоторых языках). Большинство падежных окончаний перешло в общегерманский из общеиндоевропейского.

3.2.1. Существительное

Имя существительное в древнегерманских языках обладало морфологическими категориями рода, числа и падежа. Имена существительные распределялись по трем родам: мужскому, женскому и среднему. Категория числа, состоявшая из единственного и множественного числа, не имела в древнегерманских языках своего показателя, отличного от категории падежа: падежная флексия была одновременно и показателем числа (см. примеры ниже). Восстановление парадигмы германских существительных производится методом реконструкции с использованием фактов отдельных древнегерманских языков, среди которых особое значение имеют именные парадигмы готского языка и падежные формы в языке древнейших скандинавских рунических надписей, а также на основании сопоставимых данных других индоевропейских языков.

3.2.2. Прилагательное

В германских языках существовало два типа склонения прилагательных: сильное и слабое. **Сильное склонение прилагательных** — старое, общиндоевропейское явление, а слабое склонение — германская инновация, одна из наиболее характерных особенностей германских языков. Первоначально имя существительное и имя прилагательное составляли единую категорию имени, парадигма склонения также первоначально была единой. По-видимому, одно имя, поставленное перед другим, обозначало признак так же, как и препозитивный элемент в сложных словах: гот. *baurgs-waddjus* 'город + стена' — 'городская стена' (ср. рус. *бой-баба*, *душа-девица* и под.).

Позднее, возможно еще в общегерманском, в **сильное склонение прилагательных** проникают окончания указательных местоимений. Изменившееся таким образом сильное склонение прилагательных называют также «местоименным».

Возникновение **слабого склонения прилагательных** объясняют первоначальной семантической дифференциацией: прилагательные с основами на *-n-* с самого начала обозначали более постоянный и устойчивый признак, чем сильные формы, и поэтому употреблялись как приложение. Формы слабого склонения, выражая устойчивый признак, сопровождались указательным местоимением. Указательное местоимение, из которого развивается определенный артикль, и прилагательное очень широко употреблялись в препозиции: да. *þa zēlāredestan men* 'те самые ученые мужи', двн. *der mahtigo khuninc* 'тот могущественный король'.

В результате в системе склонения древнегерманских прилагательных устанавливается противопоставление двух рядов форм, слабых и сильных,

дифференцированных признаками определенности и неопределенности. Указательные местоимения, а в дальнейшем определенный артикль, подкрепляли значение определенности: да. *þa ʒeonʒan ceorlas* 'те (определенные) молодые парни' — *ʒeonʒe ceorlas* 'молодые парни' (вообще); ср. нем.: *der junge Mann* 'молодой человек' (определенный) (сильная форма — нем. *stark*) и *ein junger Mann* 'некий молодой человек' (слабая форма — нем. *schwach*).

3.2.3. Глагол

Индоевропейские глагольные основы выражали действие в определенном видовом протекании. В индоевропейском противопоставление по линии вида — длительности (презенс) и недлительности (аорист) выражалось основами глагола, противопоставление во временном плане — окончаниями. Основы презенса и аориста не имели общего, постоянного признака, а были различными у разных глаголов и поэтому многообразными. От этих основ образовывались формы наклонений.

Система наклонений представлена в общеиндоевропейском изъявительным (индикатив), повелительным (императив), желательным (оптатив) и сослагательным (конъюнктив) наклонениями, залого — действительным и средним (медиальным). Категория числа имела архаичную трехчастную систему, состоящую из единственного, двойственного и множественного числа.

Индоевропейская система глагола подвергается в общегерманском существенным преобразованиям. Нерегулярные индивидуальные парадигмы постепенно уступают место регулярным образованиям, группирующимся вокруг основы презенса (настоящего времени). Многочисленные типы первичных, непроемных глаголов, образовывавшие свои формы с помощью изменения корневого гласного — чередования по аблауту, выстраиваются в стройную систему классов так называемых сильных глаголов.

Индоевропейские видовые основы были переосмыслены в общегерманском как временные. Функциональное различие между аористом и перфектом исчезло. В прошедшем времени (претерите) сильных глаголов обе формы образуют одну смешанную парадигму, в которой единственное число основывается, как правило, на перфекте, а множественное — на аористе.

Система личных окончаний также была унаследована от общеиндоевропейского единства, но подверглась в общегерманском и в отдельных германских языках значительному упрощению.

Из наклонений, выражающих нереальное действие, сохранилось одно, своими формами восходящее главным образом к индоевропейскому оптативу. В результате установилась система из трех наклонений — изъявительного, повелительного и сослагательного. В спряжении глагола повсеместно, за исключением готского, исчезло двойственное число.

Во всех древнегерманских языках глаголы делятся на две основные группы — на сильные и слабые глаголы в зависимости от способа образования прошедшего времени.

Сильные глаголы образуют прошедшее время (претерит) с помощью изменения корневого гласного по аблауту: англ. *to begin* 'начинать' — *began*, нем. *backen* 'печь' — *buk*.

Слабые глаголы являются преимущественно вторичными образованиями от имен и других глаголов. Способ образования прошедшего времени слабых глаголов посредством дентального суффикса, представленного вариантами *-d-/-t-*, был единственно продуктивным в германских языках и с самого начала был связан с категорией времени: англ. *to exist* 'существовать' — *existed*, нем. *lieben* 'любить' — *liebte*.

В древнегерманских языках существовала небольшая группа высокочастотных глаголов, получивших в исторической грамматике название «неправильных». Германские неправильные глаголы восходят к индоевропейским атематическим глаголам. Они характеризуются особыми индивидуальными парадигмами спряжения.

Во всех германских языках представлены неправильные глаголы со значениями 'быть' (супплетивный) и 'хотеть'. Глагол 'хотеть' во всех германских языках имеет парадигму, отличающуюся от спряжения других глаголов: да. *willan*, днв. *wellen*. В современном немецком языке это сохраняется, в современном английском языке семантику 'хотеть' передают другие глаголы, а *will* участвует в образовании будущего времени (ср. аналогичные славянские явления: будущее II в старославянском языке, которое образовывалось при помощи модальных глаголов, в том числе и *хотети*, а также болг. *ще* (от *хоце* 'хочет') — *ще пиша* 'будет писать').

В западногерманских языках представлены неправильные глаголы со значениями 'делать' и 'идти': да. *dōn*, днв. *tuon* 'делать'; да. *gan*, днв. *gān* 'идти', ср. на. *to do* — *done* — *done*, *to go* — *gone* — *gone*.

3.3. Общегерманская лексика

В словарном составе германских языков выделяется древнейший слой, восходящий к общеиндоевропейской эпохе. Сравнительно-исторический метод определяет генетическое тождество этой древнейшей лекси-

ки, различая словарные изогlossы, характерные как для всего индоевропейского ареала, так и для более ограниченных ареалов и свидетельствующие о связях германских языков с соседними языковыми группами. Например, названия родственников этимологически связаны между собой во всем индоевропейском ареале, в то время как германское слово, обозначающее 'народ', засвидетельствовано, кроме германского ареала, также в кельтском, балтийском, италийском, но не встречается в славянском, индоиранском, латинском, армянском и греческом: гот. *þiuda* 'народ', дирл. *tīoth*, дрпрус. *tauto* 'страна', длит. *tàuta* 'народ', 'население'.

3.3.1. Общиневропейская лексика

При рассмотрении **общиневропейской лексики** целесообразно расположить ее по лексико-грамматическим классам.

Имена существительные общиневропейского происхождения делятся на несколько тематических групп:

1) термины родства: 'отец': лат. *pater*, гот. *fadar*; 'мать': лат. *māter*, да. *mōdor*; 'брат': лат. *frāter*, ст.-сл. **братръ**, гот. *brōþar* и др.;

2) названия животных и растений: 'волк': лат. *lupus*, гот. *wolfs* (на. *wolf*, нем. *der Wolf*); 'дерево' (*растение и материал*): ст.-сл. **др во**, гот. *triu*, да. *trēo(w)* 'дерево' (на. *tree*) и др. Общиневропейскими являются также обозначения березы, ольхи, ивы, дуба, вяза, тиса, названия ряда злаковых растений;

3) названия частей тела: 'сердце': гр. *kardia*, лат. *cord-*, ст.-сл. **сръдьце**, гот. *hairto* (на. *heart*, нем. *das Herz*); 'зуб': скр. *dán*, лат. *dēns*, лит. *dantīs*, да. *tōþ*, двн. *zand* (на. *tooth*, нем. *der Zahn*); 'нога', 'ступня': скр. *pāt*, лат. *pēs*, гот. *fōtus*, да. *fōt* (на. *foot*, нем. *der Fuß*). Слова этой тематической группы включают названия таких понятий, как 'колени', 'ухо', 'печень', 'кровь', 'глаза', 'уши', 'голова', 'бровь', 'нос', 'кость', 'ноготь', 'локоть', 'бедро', 'ладонь' и др. и далеко не всегда охватывают все индоевропейские языки;

4) названия географических понятий и явлений природы: 'море': лат. *mare*, латыш. *mare* 'залив', ст.-сл. **мор**, да. *mere*, двн. *meri* (нем. *das Meer*); 'снег': ст.-сл. **сн гъ**, дрпрус. *snaygis*, лит. *sniegas*, гот. *snaiws*, да. *snāw*, двн. *snēo* (на. *snow*, нем. *der Schnee*);

5) названия других предметов: 'колесо': лат. *rota*, двн. *rad*.

Большинство корней **глаголов** свидетельствует о том, что в индоевропейском ареале были общие обозначения для таких понятий, как 'жить', 'умирать', 'пить', 'есть', 'спать', 'бодрствовать', 'лизать', 'кусать',

'брать', 'оставлять', 'видеть', 'слышать', 'думать', 'знать', 'идти', 'бежать' и др.; одинаково обозначались также некоторые виды работ и занятий, см., например, 'знать': лат. *cognōscō*, ст.-сл. **ЗНАТИ**, гот. *kunnan* (на. *know*, ннем. *kennen*); 'спать': ст.-сл. **СЪПАТИ**, да., двн. *swefan*; ср. гр. *húpnos* 'сон'; и др.

Древнейшие индоевропейские **прилагательные** обозначают такие понятия, как 'новый', 'старый', 'молодой', 'древний', некоторые цвета; см., например, 'новый': гр. *ne(w)os*, лат. *novus*, рус. *новый*, да. *nīwe*, двн. *niuwi* (на. *new*, ннем. *neue*).

Германские **числительные** составляют древнейший по своему происхождению класс слов и все имеют индоевропейские параллели, например: 'восемь': лат. *octō*, ст.-сл. **ОСМЬ**, гот. *ahtau* (на. *eight*, ннем. *acht*); 'десять': гр. *déka*, лат. *decem*, ст.-сл. **ДЕС Т**, гот. *taihun* (на. *ten*, ннем. *zehn*); 'сто': лат. *centum*, ст.-сл. **СЪТО**, гот. *hund* (на. *hundred*, ннем. *das Hundert*).

Большинство основ германских личных, указательных, вопросительно-относительных и возвратного **местоимений** имеют общеиндоевропейскую этимологию. Сравнительно-историческое изучение местоименных изоглосс позволяет установить относительную хронологию местоименных основ в индоевропейском. Показательно, что и формы, образованные супплетивно и, по-видимому, восходящие к самостоятельным местоимениям, также генетически связаны. Например, 'кто': лат. *quis*, лит. *kàs*, ст.-сл. **КЪТО**, да. > на. *who*; 'меня' (вин. п.): скр. *mām*, лат. *mē*, ст.-сл. , хет. *amuk*, гот. *mik* (на. *me*, ннем. *mich*).

Большую устойчивость в процессе исторического развития германских языков проявили служебные слова, предлоги и союзы, многие из которых относятся к общеиндоевропейскому фонду, например: 'для': скр. *pra-*, лат. *pro*, рус. *про*, лит. *pro*, гот. *faúr*, да. *for*, двн. *fora*, дисл. *fyr* (на., ннем. *for*).

Естественно, что далеко не все важнейшие понятия сохранили во всех германских языках свои древние названия. Так, понятие «есть (принимать пищу)» (ср. нем. *essen*, англ. *eat*, шв. *äta* и т. д.) в современном норвежском обозначается словом *spise*, восходящим к позднедр.-норв. *spiza* 'кормить, угощать', которое, в свою очередь, через сннем. *spisen* возводится к лат. *expendere* 'отвешивать, выделять' (слово *ete* в данном значении устарело; оно употребляется либо в значении 'жрать', либо о животных, либо метафорически — о ржавчине и т. п.). В идише слово *tate* 'отец' является славянским заимствованием. В языке африкаанс высокочастотное слово *baie* 'очень' заимствовано из креольского малайско-португальского.

3.3.2. Общегерманский словарный фонд

В словарном составе древнегерманских языков выделяется значительное количество лексических изоглосс, не выходящих за пределы германского ареала. Эти этимологические параллели составляют **общегерманский** словарный фонд, который, по-видимому, в основном восходит к общегерманскому периоду. Зафиксированные во всех или почти во всех германских языках лексические параллели позволяют установить наиболее устойчивый и — вслед за общеиндоевропейскими словами — древнейший слой лексики в германских языках.

Проиллюстрируем общегерманские этимологические параллели примерами.

Имя **существительное** включает несколько тематических групп:

а) названия частей тела, например: гот. *handus*, да. *hand*, днв. *hant* 'рука' (на. *hand*, ннем. *die Hand*);

б) названия животных и растений, например: гот. *fugls*, днв. *fogal* 'птица' (ннем. *der Vogel*); да. *hors*, днв. *(h)ros*, дисл. *hross* 'лошадь' (на. *horse*);

в) названия явлений природы и географических понятий, например: да. *sæ*, днв. *sēo* 'море' (на. *see*, ннем. *der See* 'озеро', *die See* 'море'); да. > на. *storm*, днв. *sturm*, дисл. *stormr* 'непогода';

г) названия некоторых предметов, например: да. *brycǝ*, днв. *brucka*, дисл. *bryggja* 'мост' (на. *bridge*, ннем. *die Brücke*);

д) абстрактные понятия, например: да. *hopa*, свн. *hoffe*, шв. *hopp* 'надежда' (на. *hope*, ннем. *hoffen* 'надеяться'); да. *lif*, днв. *līb*, дисл. *lif* 'жизнь' (на. *life*, ннем. *das Leben*).

Глаголы представлены многочисленными этимологическими параллелями, например: гот. *drigkan*, да. *drincan*, днв. *trinkan*, дисл. *drekka* 'пить' (на. *to drink*, ннем. *trinken*). Приведем также примеры **прилагательных**: (гот. *siuks*, да. *sēoc*, днв. *sioh*, дисл. *sjúkr* 'больной', на. *sick*) и наречий (гот. *ufta*, да. *oft*, днв. > ннем. *oft*, дисл. *oft*, на. *often* 'часто').

Разумеется, далеко не всегда то или иное понятие выражается в современных германских языках лексемой одинакового происхождения. Напротив, в этом отношении наблюдается достаточно пестрая картина, осложняемая тем, что некоторые слова в отдельных языках изменили свое значение. Например, понятие «маленький» в большей части западногерманских языков выражается лексемой, не представленной в других германских языках — нем., нид., афр., ид. *klein* (этимологически к этому ряду принадлежит и англ. *clean*, означающее в современном языке

'чистый'); ср. англ. *little*, фриз. *lyts*, шв., норв. *liten*, дат. *lille*, исл. *lítill*, фар. *lítill*; оба корня представлены в иных индоевропейских языках. Аналогично обстоит дело с обозначением понятия 'большой': нем. *groß*, нид., афр. *groot*, англ. *great* 'великий', фриз. *great*, ид. *grois* — норв., дат. *stor*. Ср. также норв. *tre*, дат., фар. *træ*, шв. *trä*d, исл. *tré*, англ. *tree* 'дерево', с одной стороны, и нем. *Baum*, нид., афр. *boom*, фриз. *beam*, ид. *boim* (а также англ. *beam* 'балка; луч') — с другой.

3.3.3. Общегерманские заимствования

Древнегерманские языки обнаруживают много общего в источниках и путях пополнения своего лексического состава, что может быть объяснено сходством исторических условий их развития. Словарный состав германских языков в разные периоды их развития пополнялся лексикой из кельтских и из латинского языков.

Германцы очень рано столкнулись с кельтскими племенами. Из их языка были заимствованы слова, которые свидетельствуют о том, что в эпоху заимствования племена кельтов находились на более высокой ступени развития. Так, предположительно в середине первого тысячелетия до нашей эры из кельтского было заимствовано слово со значением 'железо': кельт. **īsarno-* (> дирл. *iarann*) > да. *īsern*, *īren*, двн. *īsarn*, *īsan*, дисл. *īsarn*, *īarn* (на. *iron*, ннем. *das Eisen*).

К числу **ранних кельтских заимствований** относятся и слова, обозначающие социальное положение лиц и свидетельствующие о более высокой цивилизации: кельт. **rīg-* (> галл. *rīg*, дирл. *rī*) > гот. *reiks* 'правитель', да. *rīce* 'власть', 'королевство', двн. *rīhhi* 'королевство', 'властитель', дисл. *riki* 'власть', 'королевство' (ннем. *das Reich*). Этот слой кельтских заимствований проник в германскую лексику, по-видимому, еще в эпоху существования германского языка-основы и поэтому стал общегерманским достоянием.

Заимствования из латинского языка, даже самые ранние, относятся к периоду, когда германское единство уже распалось, но состав заимствованных слов в разных германских языках обнаруживает большое сходство. Характерной особенностью этого слоя латинских заимствований является то, что они проникали преимущественно устным путем и рано вошли в общее употребление. Слова этого слоя свидетельствуют о разностороннем влиянии римской цивилизации на материальную культуру и общественное устройство древних германцев. Приведем несколько примеров: лат. *coquīna* 'кухня' > да. *cuscene*, двн. *chuhhina* 'кухня' (на. *kitchen*, ннем.

die Küche); лат. *cuppa* 'бокал' > да. *cuppe*, двн. *chuph*, *chuppha* 'чаша' (на. *cup*); лат. *carcer* 'темница' > гот. *karkara*, да. *carcern*, двн. *karkāri* 'темница' (ннем. *der Kerker*, ср. рус. *карцер*).

Подводя итоги рассмотрения общих особенностей германского ареала, нужно отметить, что в процессе самостоятельного развития общегерманский язык приобрел свои отличительные признаки, которые определили его своеобразие в кругу индоевропейских языков. Наиболее существенными были инновации в акцентуации, в системе гласных («сдвиг гласных») и согласных (первое передвижение), в морфологии — в прилагательном (развитие слабого склонения) и глаголе (появление дентального суффикса прошедшего времени слабых глаголов, формирование системы спряжения сильных глаголов на основе чередований по аблауту в качестве ведущего средства), новообразования в лексическом составе германских языков, выразившиеся в создании германского лексического фонда.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПОДГРУПП ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

4.1. Общая характеристика восточногерманских языков. Готы. Готский язык.

В первых веках нашей эры готы жили в устье Вислы и по ту сторону этого устья.

Но эти места не были исконной родиной готов и их сородичей. В II—I вв. до н. э. они переселились на континент из Скандинавии. Готский историк Иордан (VI в. н. э.) дважды упоминает об этом событии в своем произведении «О происхождении и деяниях готов»: «Ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, то есть в Готискандзу» [Иордан, 1960, 85]. О пребывании готов в Скандинавии и на близлежащих островах свидетельствуют топонимические названия и данные археологии. Возможно, с готами связано название племени гаутов в южной Швеции, острова Готланд (Gotland) и двух южных областей Швеции: Вестергётланд и Эстергётланд. Археологические исследования также подтверждают это предположение. О скандинавском племени гаутов (да. *Geatas*) и его герое Беовульфе рассказывает древнеанглийская поэма «Беовульф» (VIII в.). Заселенный готами на континенте берег вблизи устья р. Вислы получил название *Gothiscandza* < **Gutiskandja* 'готский берег', с которым, возможно, связано этимологически название польского города Гданьска. Название *Скандинавия* (Scandinavia) < прасканд. **skadīn* 'вред, опасность' + **aijō* 'остров' (создавшие его не знали о том, что Скандинавия полуостров.). У ряда авторов (Плиний и др.) встречается и краткая форма этого названия — *Scandia* (< **Skadnia*); ср. *Scandza* у Иордана; отсюда, по преданию, произошли готы.

Из всех восточногерманских племен наиболее полные сведения сохранились о готах, поскольку единственный представитель восточногерманской группы языков, о котором сравнительно-историческое языковедение располагает достаточно полными сведениями по письменным памятникам, — это готский язык. С момента зарождения сравнительно-

исторического метода исследователи обратились к готским памятникам как к письменным источникам, отражающим в обширном материале связанных текстов наиболее раннее состояние одного из германских языков и, тем самым, германских языков в целом. Анализ грамматического строя готского языка чрезвычайно важен для определения тенденций развития германских языков. Факты готского языка часто принимаются за точку отсчета при проведении сравнительно-исторических и типологических исследований германских языков.

Появление готской письменности связано с распространением среди готов в IV в. христианства. Сохранилось предание, что принятие христианства было вызвано враждой между двумя готскими вождями — Атанарихом и Фритигерном. В борьбе с Атанарихом Фритигерн обратился за помощью к византийскому императору Валенту. Валент помог разбить Атанариха, и Фритигерн в знак благодарности принял христианство.

Первым готским христианским проповедником был Вульфила (Ульфила; Wulfila буквально значит 'волчонок'). Он жил в IV в. (311—382). Для распространения новой религии Вульфила создал готский алфавит и перевел Священное Писание на готский язык. В основу готского письма Вульфила положил греческий алфавит. Предполагают, что некоторые буквы были заимствованы из других алфавитов, по-видимому латинского и рунического. Так, негреческого происхождения буквы w, f, u, o, q, r, s, þ.

Готский алфавит и названия букв

1	a	aza	60	j	gaaz
2	b	bercna	70	u	uraz
3	g	genna	80	p	pertra
4	d	daaz	90		koppa (ϥ)
5	e	eyz	100	r	reda
6	q	quertra	200	s	sygil
7	z	ezez	300	t	tuz
8	h	haal	400	w	uuinna
9	þ	thyth	500	f	fe
10	i	iiiz	600	x	enguz
20	k	chozma	700	h	uuaer
30	l	laaz	800	o	utal
40	m	manna	900		sampi (↑)
50	n	noiez			

Готский алфавит состоял из 27 букв. Буквы также использовались вместо цифровых знаков, две буквы — koppa (ϥ) и sampi (↑) — имели

только числовые значения. За исключением этих двух букв, остальные буквы готского алфавита выше даются в латинской транслитерации.

Язык готской Библии отличается большим единообразием. Этот факт некоторые исследователи пытаются объяснить тем, что, возможно, перевод был сделан одним человеком, другие — книжным характером языка, находившегося под сильным влиянием греческого оригинала.

Все дошедшие до настоящих дней рукописи готской Библии являются позднейшими списками вестготского текста, сделанными остготами в V—VI вв., т. е. в период расцвета королевства Теодориха. В современных исследованиях типологии древнегерманских литературных языков высказывается предположение, что эти рукописи были не простым воспроизведением перевода, сделанного одним автором, а результатом длительной обработки и совершенствования. Сохранилось несколько рукописей готской Библии:

1. «Серебряный кодекс» («Codex Argenteus») относится к V—VI вв. Рукопись первоначально состояла из 330 листов, сохранилось 188 листов, содержащих отрывки из четырех евангелий. Эта рукопись представляет собою пурпурный пергамент с нанесенными на него серебряными и золотыми буквами. Рукопись хранится в университетской библиотеке в Упсале (Швеция).

2. «Амброзианские кодексы» («Codices Ambrosiani») относятся к VII—VIII вв. Хранятся в Амброзианской библиотеке в Милане и представляют собою отрывки из Посланий и Нового и Ветхого завета.

3. «Каролинский кодекс» («Codex Carolinus») — двуязычная рукопись V в. на четырех листах, дающая параллельно готский и латинский тексты.

4. Так называемый «Гиссенский отрывок» (назван по месту хранения) был найден в Египте. Он состоит из двух листов пергамента, включающих готский и латинский тексты.

Более мелкие готские памятники представлены восемью листами комментария к Евангелию от Иоанна, отрывками из готского календаря, Алкуиновой рукописью IX—X вв., содержащей готский алфавит; глоссами, готскими словами в двух латинских купчих.

Рунические памятники, авторами которых, как полагают, были готы, представляют собою две краткие надписи: а) надпись на кольце, обнаруженном среди других золотых предметов в кладе, найденном в Пьетроассе, и б) надпись на острие копья, состоящая всего из одного слова (найденно в районе Ковеля, предположительная датировка — III в.).

Дополнительные сведения о готском языке можно получить из книг М. М. Гухмана «Готский язык» (М., 1958), А. В. Блинова «Краткий курс готского языка» (М., 2002), а также учебных пособий по германским языкам.

4.2. Общая характеристика северогерманских (скандинавских) языков

4.2.1. Краткие сведения о древних скандинавах

Древнейшие сведения о Скандинавии относятся к первым векам до нашей эры. К этому времени, видимо, уже вся Дания и значительная часть Скандинавского полуострова были заселены германцами. Первое упоминание о скандинавах — рассказ грека Пифея (около 330 г. до н. э.), который приводится у позднейших римских авторов. Сведения о германцах, живших на территории нынешних Скандинавских стран, есть у Плиния Старшего (23—79), Страбона (63 г. до н. э.—20 г. н. э.), Птолемея (II в. н. э.), Тацита (около 100 г. н. э.), готского историка Иордана (середина VI в. н. э.) и др. Однако факты, сообщаемые этими историками и географами, довольно скудны и нередко противоречат друг другу, так что воссоздать картину расселения германских племен в начале нашей эры можно только приблизительно. К более поздним источникам относятся написанные по-латыни труды немецкого историка Адама Бременского (ок. 1040 — ок. 1085) и датского историка Саксона Грамматика (ок. 1150—ок. 1220), автора 16-томной истории Дании.

Ряд племен, живших первоначально на территории Скандинавии, покидает свою родину и устремляется за тысячи километров в Центральную и Южную Европу. Так, кимвры и тевтоны, после долгих походов разбитые в 102—101 гг. до н. э. римским полководцем Марием, жили сначала на севере Ютландского полуострова. К югу от кимвров и тевтонов жили юты и англв. Оба племени в V—VI вв. н. э. переселились на Британские острова; от них пошли названия *Ютландия* и *Англия*. Племенное название данов упоминается лишь в VI в. греческим историком Прокопием и готским историком Иорданом; его древнеанглийская форма *dene* встречается в «Беовульфе» (VIII в.). Современное название Дании *Danmark* означает 'пограничная земля данов'; таково было название древней пограничной области на юге Ютландского полуострова. Согласно Иордану, даны пришли из Швеции в III—IV вв. и поселились на датских островах, изгнав живших там герулов, и в Ютландии. Герулы ушли в Центральную Европу, но в VI в. вернулись на юг Швеции. На острове Зеландия, очевидно, жило племя силингов, от самоназвания которых произошло название *Зеландия* (дат. *Sjælland*, ддат. *Selund*). Далее в Ютландии жили харуды; это же название мы находим позднее в Западной Норвегии, в области, носящей и поныне название *Хордаланн* (*Hordaland*).

На острове Борнхольм первоначально жили бургунды (*Bornholm* < ддат. *Burghændæholm*, т. е. остров бургундов), которые ушли к устью

Вислы и впоследствии, в V в., основали в Западной Европе Бургундское королевство.

На территории Норвегии также жил ряд германских племен, а само название *Норвегия* (норв. Norge < *Norðvegr 'северный путь, северная местность'), видимо, возникло позже. В нынешней Центральной Швеции жило крупное племя свионов, или свеев, которых впервые упоминает Тацит. Этимология этого слова точно не установлена; возможно, в нем представлен тот же корень, что и в рус. *свой*. От их названия произошло слово *Швеция* (Sverige < дшв. Svearíke 'государство свеев').

Период истории Скандинавских стран с конца VIII в. приблизительно до середины XI в. носит название «эпохи викингов». Эта эпоха характеризуется двумя основными признаками: разложением родового строя, приведшим к образованию государств, и мощной и широкой экспансией скандинавов.

Походы викингов, наводивших в течение более чем двух с половиной веков ужас на население прибрежных районов Европы, привели к захвату скандинавами ряда территорий и образованию нескольких государств за пределами Скандинавии.

Походы викингов начались в самом конце VIII в. Началом их считается нападение морских разбойников из Скандинавии на английский монастырь на острове Линдисфарн в 793 г. Вскоре таким же набегам подвергаются многие районы Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса. Викинги, известные в Западной Европе под названием норманнов (< днорв. *norðmaðr* 'северный человек'), устремляются также на побережье Балтийского моря, на берега Франции и других континентальных стран. Местами их нападений становится вся Европа — от Белого моря до Сицилии. Викинги колонизируют Оркнейские, Гебридские и Шетландские, а затем Фарерские острова. В период между 874 и 930 гг. выходцы из Скандинавии заселяют все побережье Исландии, а позже основывают поселения и в Гренландии. Около 1000 г., почти за полтысячелетия до Колумба, они достигают побережья Северной Америки. В конце IX в. английскому королю Альфреду приходится отдать викингам северо-восточную часть страны; эта область получила название *Данелаг* 'область датского права' (в Англии викингов называли данами). В 911 г. норманны, предводительствуемые Хрольвом (Роллоном), захватили область на северном побережье Франции и вынудили французского короля Карла Простоватого уступить ее им. Так возникло герцогство Нормандия. Скандинавы быстро ассимилировались, и уже полтора века спустя (1066 г.) они пришли в Англию как носители французского языка и французской культуры. Викинги совершали набеги также на побережье Испании и Южной Италии. Нор-

мандцы (т. е. потомки поселившихся в Нормандии скандинавов) захватили в XI в. Сицилию и Южную Италию, основав там свое королевство.

Норманны были главным образом выходцами из Норвегии и Дании. Викинги, устремившиеся из Швеции в Восточную Европу, известны там под названием варягов. Слово *варяг* принято связывать с днорв. *várar* 'клятва, обет' и *ganga* 'идти'.

На Руси варяги появляются в IX в. Это были морские разбойники, торговцы («гости») и воины-наемники. Легенда об основании варягами Русского государства (так называемая «норманнская теория») находится в противоречии с историческими фактами. Дело в том, что в рассматриваемый период Русь находилась на более высокой ступени исторического развития: здесь уже существовали города, а в Скандинавии они возникли позднее (Русь называлась скандинавами также *GarDariki* 'страна городов'); на Руси раньше начали складываться феодальные отношения; христианизация Руси произошла раньше, чем христианизация Скандинавских стран.

По системе речных путей, связывавшей Балтийское море с Черным и известной под названием «путь из варяг в греки», викинги добирались до Константинополя (Царьграда, дисл. *Miklagarðr* 'Большой город'). Здесь они нередко поступали наемниками к византийским царям.

Набеги викингов на Финляндию привели к образованию здесь шведских поселений.

В середине XI в. походы викингов прекращаются.

Основную причину походов викингов современные историки видят в том, что в Скандинавских странах не хватало земли, пригодной для земледелия и скотоводства. Не случайно, что параллельно с внешней экспансией скандинавов происходит внутренняя колонизация, освоение земель в глубинных районах Скандинавии. Историк Адам Бременский писал, что норвежцев толкает на морской разбой бедность их родины.

Развитие торговли, приведшее скандинавов в соприкосновение с другими народами, особенно с народами, опередившими их в экономическом и культурном развитии, стимулировало походы в дальние страны. Необходимой предпосылкой этих дальних морских походов была длительная история мореплавания и судостроения в Скандинавии.

Помимо чисто экономических причин, походы викингов были обусловлены причинами социальными и политическими. Усиливается начавшееся еще до эпохи викингов разложение родового строя, которое сопровождается появлением родовой знати. Конунги, жаждущие обогащения и укрепления своей власти, собирают вокруг себя сильные, преданные им дружины. Страны, на которые они совершали нападения, были слабы политически, в них часто царили междоусобицы, и поэтому они

становились легкой добычей викингов. В это время в Скандинавских странах начинает складываться централизованная королевская власть. Так, в Норвегии в конце IX в. происходит объединение страны под властью Харальда Прекрасноволосого. Те, кто не желал подчиниться королю, предпочитали покинуть родину и отправиться на чужбину.

Походы викингов принимали различную форму. Как мы видели, очень часто это были пиратские нападения, когда вырезалась значительная часть населения, захватывалась добыча и уводились в рабство пленные. Нередко, с другой стороны, это были торговые путешествия, которые могли и не сопровождаться разбоем. Викинги часто селились в захваченных ими местах, причем колонизация могла быть мирной (как, например, в Исландии), но могла и сопровождаться завоеваниями. Нередко в одном походе могли сочетаться и разбой, и торговля, и колонизация.

Слово *викинг* (днорв. *vikingr*) не получило в науке бесспорного толкования. Его связывают и со словом *vik* 'бухта, залив' (т. е. 'скрывающийся в бухтах') и с собственным именем *Vik*, названием области, прилегающей к Осло-фьорду. Связывают слово *vikingr* также с глаголом *vikja* 'поворачивать', 'отклоняться' и толкуют значение как 'человек, покинувший дом, уплывший вдаль от родины'. Против каждого из этих объяснений можно выдвинуть серьезные возражения, так что этимология слова остается неясной.

Походы викингов в разных местах имели разные последствия. Там, где местное население стояло на более высокой ступени культуры и было многочисленным, викинги быстро ассимилировались (так было, например, в Нормандии). Напротив, колонизируя пустынные земли, скандинавы создавали поселения, где сохранялись их язык и культура. Самое яркое тому свидетельство — Фарерские острова и Исландия. Во многих колонизованных в эпоху викингов областях скандинавская речь сохранялась в течение длительного времени — в Северо-Восточной Англии до конца XI в., в Ирландии до середины XIII в., на Гебридских островах до XIV в., на Оркнейских островах до конца XVII в., а на Шетландских островах и на острове Мэн даже до середины XVIII в. До середины XV в. существовали скандинавские поселения в Гренландии.

В вопросе о характере и месте поселения скандинавов в Северной Америке много неясного. Неясно, где находился Винланд (так назвал новую страну ее первооткрыватель Лейф Счастливый, сын гренландского первопоселенца Эйрика Рыжего). Ряд ученых склоняются к тому, что скандинавы высадились на побережье Ньюфаундленда. Произведенные раскопки в общем подтверждают такое предположение, но археологические данные допускают и иную интерпретацию. Если, тем не менее, при-

знать правильность указанного предположения, остается неясным, сколько времени просуществовало поселение скандинавов в Ньюфаундленде.

Осенью 1965 г. в Йельском университете (США) была опубликована географическая карта примерно 1440 г., являющаяся копией более древней карты. На этой карте, созданной за полвека до плавания Колумба, обозначен остров Винланд (точнее, *Vimland*). Однако подлинность этой карты (или подлинность нанесения на нее Винланда) вызывает у многих ученых обоснованные сомнения.

В эпоху викингов складываются древние скандинавские государства. Объединение Норвегии, как уже упоминалось, связывается с именем Харальда Прекрасноволосого (ок. 860 — ок. 940). Созданию государства обычно сопутствовала христианизация; в Норвегии она завершилась в начале XI в. Первое объединение Дании, правда, непрочное, произошло при короле Годфреде (до 800 г.). Единое датское государство было создано позднее, при Горме Старом (ум. около 940 г.). Сын его, Харальд Синезубый, крестился в 960 г. Создание государства в Швеции произошло много позднее. Христианизация Швеции также завершилась позднее, чем в Дании и Норвегии; это произошло в XII в.

Христианская религия — орудие королевской власти преследовала в континентальных Скандинавских странах языческую культуру. В Исландии же христианство не было силой, при помощи которой феодализм старался укрепить свою власть: в силу особых исторических условий христианство в Исландии было принято мирно — решением альтинга в 1000 г.; при этом в быту разрешалось сохранять верность языческим богам. По этой причине основные памятники культуры эпохи викингов — древне-скандинавские мифы и героические сказания, равно как и поэзия скальдов, сохранились полнее всего в Исландии, правда, в поздних записях XIII в.

Еще в эпоху викингов различия между скандинавскими языками были очень невелики и жители всех Скандинавских стран считали свой язык единым. Они называли его *ḍonsk tunga*, т. е. 'датский язык'. Можно говорить об общескандинавском языке-основе в период, предшествующий эпохе викингов. Важнейшим источником, по которому можно судить о скандинавском языке-основе, являются рунические надписи. Рунические надписи Скандинавии делятся на две основные группы — на надписи так называемыми старшими рунами и надписи так называемыми младшими рунами. Старшие руны — алфавит, общий для всех древних германцев, а главный источник знаний о языке эпохи викингов — надписи «младшими» рунами.

4.2.2. Отличия современных скандинавских языков от западногерманских

Современных скандинавских языков пять: датский, шведский, норвежский (существующий в двух вариантах — «букмол» и «новонорвежском»), фарерский, исландский.

Датский и шведский исторически относятся к **восточноскандинавским** языкам, фарерский, исландский и «новонорвежский» — к **западноскандинавским**, а букмол занимает промежуточное положение. Важнейший критерий разграничения скандинавских языков — судьба древних дифтонгов, которые монофтонгизировались в восточноскандинавских, но сохранились в западноскандинавских языках, ср. дат., шв. *sten* — норв. *stein*, исл. *steinn* 'камень'. Есть еще несколько признаков, по которым западноскандинавские и восточноскандинавские языки противопоставлены друг другу. Однако с современной точки зрения более оправданно деление скандинавских языков на островные (исландский, фарерский) и континентальные (шведский, норвежский, датский). Основная черта первых — богатая морфология, а также сложная морфонология. Возможны и другие классификации современных скандинавских языков — по просодическим признакам и др.

Ниже перечисляется ряд признаков, которые отличают современные скандинавские языки от современных западногерманских языков. Список этот, конечно, неполный и включает в себя признаки, возникшие в разные эпохи.

1. Лабиализация исторически долгого *a* (в отличие от исторически краткого *a*, впоследствии удлинившегося): норв., шв., дат. *hår*, исл. *hár* [ha:ur], фар. *hár* [hʰar] 'волосы', ср. нем. *das Haar*, нид. *haar*.

2. Скандинавское преломление (за вертикальной чертой обозначен звук, вызвавший изменение и впоследствии во многих случаях отпавший или редуцировавшийся): *e|a > ja*, *e|u > jo > jö*; в шведском, норвежском и датском конечными результатами процесса стали *ja/je/jæ* и *jo*: исл., фар. *hjarta*, шв. *hjärta*, норв. *hjerte*, дат. *hjerte*, ср. нем. *das Herz* 'сердце'; исл. *jörd*, шв., норв., дат. *jord*, ср. нем. *die Erde* 'земля'.

3. Отпадение *v* перед огубленными гласными: исл., фар. *orð*, шв., норв., дат. *ord*, ср. нем. *das Wort*, нид. *woord*, фриз. *wurd* 'слово'.

4. Отпадение начального *j*: исл., фар. *ár*, шв., норв., дат. *år*, ср. нем. *das Jahr*, англ. *year*, нид. *jaar* 'год'.

5. Отпадение в большинстве позиций конечного *-n* после безударных гласных: исл., фар. *koma*, норв., дат. *komme*, шв. *komma*, ср. нем. *kommen*, нид. *komen* 'приходить'; исл. *augu*, фар. *eugu* (книжн.), ср. нем. *die Augen*, нид. *ogen* 'глаза'; исл., фар. *i*, шв., норв., дат. *i*, ср. англ., нем., нид. *in*, фриз. *yn* 'в'.

6. Гуттурализация исторических *-w-*, *-j-* между гласными, т. е. переход их в соответственно *-ggw-*, *-ggj-* (во многих случаях последующий слог отпал, а *-v-* < *-w-* выпало или отпало); этот переход носит также название закона Хольцмана: исл. *höggva*, фар. *høgga*, шв. *hugga*, норв. *hogge*, дат. *hugge*, ср. нем. *hauen*, нид. *houwen*, англ. *hew* 'рубить'.

7. Ряд ассимиляций, в частности *nk* > *kk* (не всегда), *ht* > *tt* и др.: исл., фар. *drekka*, шв. *dricka*, норв., дат. *drikke*, ср. нем. *trinken*, англ. *drink*, фриз. *drinke* 'пить'; исл. *nótt*, фар. *nátt*, шв., норв. *natt*, дат. *nat*, ср. нем. *die Nacht*, нид. *nacht*, англ. *night* 'ночь'.

8. Отсутствие во всех современных скандинавских языках звука [z] (даже как варианта фонемы /s/).

9. Наличие во всех скандинавских языках, кроме датского, долгих согласных (примеры см. выше).

10. Как правило, долгота ударного слога («слоговое равновесие») во всех скандинавских языках, кроме датского (примеры см. выше).

11. Специфические просодические особенности: тоническое ударение в шведском и норвежском (в фарерском оно, видимо, утрачено недавно), «толчок» в датском; некоторые исследователи относят сюда же исландскую преаспирацию.

12. Постпозитивный артикль: исл., фар. *húsið*, шв., норв., дат. *huset*, ср. нем. *das Haus*, нид. *het huis*, англ. *the house* 'дом'.

13. Рефлексивные формы: исл., фар. *opnast*, шв. *öppnas*, норв. *åpnes*, дат. *åbnes* 'открываться'.

4.3. Общая характеристика западногерманских языков

4.3.1. Происхождение западногерманских языков

Западногерманские языки восходят к племенным языкам западных германцев — ингвеонов (саксы, англ, фризы), иствеонов (франки) и эрминонов (швабо-алеманны, бавары). В дальнейшем из этих племен образовалось несколько народностей, а затем наций. Англ, саксы и юты, переселившиеся на Британские острова в V—VI вв. н. э., дали начало английской народности, а затем нации. Фризы не создали самостоятельного государства, но сохранили свой язык и в настоящее время составляют население голландской провинции Фрисланд, а также небольшой территории на побережье Северного моря и части Фризских островов в пределах Западной Германии. Саксы, не переселившиеся в Британию, вошли затем в состав немецкой народности, позже нации, а их племенной язык лег в основу нижненемецких диалектов Германии.

Основная масса франков-исгвеонов, а также эрминонские племена швабо-алеманнов и баваров составили в дальнейшем немецкую народность и основную часть немецкой нации. Северные франки, обособившись в ходе исторического развития, дали начало нидерландской нации; от них ведут свое происхождение и фламандцы, германская по языку часть населения Бельгии.

Западногерманская подгруппа германских языков представлена в период раннего средневековья письменными памятниками, языковые особенности которых легли в основу общепринятой классификации древних западногерманских языков (наречий). Согласно этой классификации различают языки: 1) древнеанглийский (англосаксонский), 2) древнефризский, 3) древнесаксонский, 4) древненижнефранкский, 5) древневерхне-немецкий.

Древнесаксонский — один из племенных диалектов западногерманской группы германских языков, диалект ингвеонского племени саксов, волею исторических судеб не образовавшего государства и не давшего начало самостоятельной нации.

Саксы рано утратили политическую самостоятельность в результате подчинения Франкскому государству Каролингов (в итоге войн Карла Великого против саксов в 772—804 гг.), повлекшего за собой их насильственную христианизацию. В 852 г. в рамках Восточнофранкского (Немецкого) королевства было создано Саксонское герцогство. Саксонский герцог Генрих I был в 919 г. избран немецким королем, а его сын Оттон I стал первым императором основанной им в 962 г. Священной Римской империи.

На племенном языке саксов — древнесаксонском — говорили саксы, селившиеся в эпоху раннего средневековья на территории между Рейном и Эльбой, Северным морем и Гарцем. До нас дошло лишь небольшое число письменных памятников на древнесаксонском, в основном религиозно-церковных, относящихся к IX—XII вв. Самые значительные из них восходят к IX в. Это созданная в 830 г. по заказу Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, евангельская гармония «Гелианд» (дс. *hēliand* 'спаситель'), обширная (6000 стихов) анонимная поэма, написанная древнегерманским аллитерационным стихом и содержащая жизнеописание Христа. Второй крупный памятник, также поэтический, «Генезис» («Genesis») — изложение библейских легенд о сотворении мира (ок. 300 строк). Оба памятника обнаруживают следы верхнегерманского, частично и древнеанглийского влияния. К более мелким памятникам относятся формулы благословения, церковные грамоты, податные списки.

Для фонетической системы древнесаксонского характерно — в отличие от древневерхнегерманского — отсутствие изменений в консонантизме по

второму передвижению согласных (см. ниже). Характерным ингвеонизмом является выпадение носового перед щелевым, вызывавшее удлинение гласного: ср. др. *ōthar* 'другой', *ūs* 'нам', *fiſ* 'пять' и дрвн. *andar, uns, finf*.

По своему грамматическому строю древнесаксонский во многом обнаруживает сходство с другими западногерманскими диалектами, особенно с древнеанглийским, также ингвеонским. Характерным ингвеонизмом является, например, наличие в древнесаксонском общего окончания глагола для всех трех лиц во мн. ч. в презенсе и претерите индикатива и конъюнктива.

Языковое влияние более развитой в культурном и экономическом отношении Южной Германии на Северную, начавшееся в конце VIII в., продолжалось и после распада Франкской империи в середине IX в. Саксы оказались вовлеченными в сферу верхненемецкого влияния. Многие уроженцы северной Германии пишут уже в то время не на родном древнесаксонском (дрвненижненемецком), а на верхненемецком.

XIII—XVI вв. — новый этап в истории языка населения Саксонии (Нижней Саксонии — в отличие от Верхней Саксонии в верхнем течении Эльбы), называемый «нижненемецким» (нн. *Middennedderdüütsch*). Письменные памятники этого периода в основном городская литература, по содержанию сатирическая, дидактическая и моралистическая, а также городские хроники, уставы гильдий и цехов, документы городских и княжеских канцелярий. Из юридических памятников наиболее интересен самый ранний — «Саксонское зеркало» («*Der Sachsenspiegel*») 1233 г.), немецкое государственное право, записанное и переведенное с латинского патрицием города Галле Эйке фон Репкове (*Eike von Repkowe*). Самый знаменитый памятник средненижненемецкого — животный эпос о Рейнке Лисе «*Reynke de Vos*», распространившийся в Нижней Саксонии в нидерландском варианте и напечатанный в Любеке в 1498 г. Это острая сатира на князей, духовенство, феодальное законодательство. Предполагается, что в конце XV в. была впервые напечатана на нижненемецком народная книга о Тиле Уленшпигеле (первое дошедшее до нас издание — верхненемецкое, увидевшее свет в 1515 г.).

Позиции нижненемецкого укрепились в XIV—XV вв. в связи с расцветом северонемецких городов, создавших еще в XIII в. под главенством Любека Ганзейский союз городов — *Der Hansabund, Die deutsche Hanse*, ср. дрвн. *hansa* '(военный) отряд', — объединявший к 1356 г. 100 городов.

В языковом отношении средненижненемецкий период характеризуется процессом формирования устной и письменной языковой нормы, возникшей на основе говора Любека, а ведущая роль этого города способствовала распространению любекской языковой нормы во всей Северной

Германии. Как письменный и деловой язык Ганзы средненижне немецкий вместе с Ганзейским союзом пережил подъем и упадок, оказав, в свою очередь, значительное влияние на скандинавские языки (шведский и особенно датский) в области лексики.

После упадка Ганзейского союза север Германии подпадает в экономическом и культурном отношении под все возрастающее влияние верхненемецких областей и **нижне немецкий** постепенно уступает свои позиции письменного, делового и литературного языка верхненемецкому, переходя на положение диалекта, функционирующего в устном общении преимущественно сельского населения и городских низов.

Нижне немецкий обладает рядом существенных особенностей в фонетике, грамматике и лексике, отличающих его и от верхненемецкой литературной нормы, и от верхненемецких диалектов.

В области фонетики основные отличия нижне немецкого составляют: 1) отсутствие второго (верхненемецкого) передвижения согласных (см. ниже); 2) сохранение старых узких долгих гласных: ср. нн. *Huus* 'дом' и нвн. *das Haus*; 3) сохранение старого различия между звонкими (слабыми) и глухими (сильными) согласными, утраченное в областях распространения центральнонемецкого ослабления согласных; 4) сохранение произношения *s* перед согласными, как [s], а не как [š]: ср. нн. *Steen* [ste:n] 'камень', *Swester* 'сестра', *Sne* 'снег' и нвн. *der Stein* [štaen], *die Schwester*, *der Schnee*; 5) выпадение носовых перед спирантами с удлинением гласного: ср. нн. *Gous* 'гусь' (ср. англ. *goose*); *fif* 'пять' (ср. англ. *five*) и нвн. *die Gans*, *fünf*.

К особенностям грамматического строя нижне немецкого относятся: 1) общая для всех трех лиц глагола форма мн. ч., например окончание *-et* в презенсе индикатива; 2) отпадение префикса *ge-* в причастии II; 3) совпадение местоимений 1-го и 2-го л. в вин. и дат. п.: ср. нн. *mi(k)* — нвн. *mīr* 'мне' и *mīch* 'меня', нн. *di(k)* — нвн. *dir* 'тебе' и *dich* 'тебя'.

Довольно значительны и различия в области лексики: ср., например, нн. *Aust* 'урожай' и нвн. *die Ernte*, нн. *Deern* 'девочка' и нвн. *das Mädchen*; нн. *lüttje* 'маленький' и нвн. *klein*. Влияние немецкого национального языка на нижне немецкий проявляется в виде верхненемецких лексических заимствований.

4.3.2. Современные западногерманские языки

Современных западногерманских языков шесть: английский, фризский, немецкий, идиш, нидерландский, африкаанс. Их общими чертами является отсутствие долгих согласных, наличие кратких и долгих гласных (в идише долгих нет), полная редукция гласных грамматических показателей (возможен только звук [ə]).

Ниже дается перечисление некоторых основных особенностей подгрупп, на которые распадаются западногерманские языки. Перечень этот, разумеется, не исчерпывающий, и особенности возникли в разные эпохи.

4.3.2.1. Особенности англо-фризской подгруппы

Особенности англо-фризской, или североморской, подгруппы (в начале каждого ряда соответствий приводится фонема, представленная в других западногерманских языках) таковы:

1. Сужение гласных: а) [a] — англ. [æ], [ɛ], фриз. [ɛ]: нем. *der Sack*, нид. *zak* — англ. *sack*, фриз. *sek* 'мешок'; б) [a:] — англ. [i:], [iə], [iɛ], фриз. [i·ə]: нем. *das Schaf*, нид. *schaap* — англ. *sheep*, фриз. *skiep* 'овца'; нем. *das Haar*, нид. *haar* — англ. *hair*, фриз. *hier* 'волосы'.

2. Деллабиализация с одновременной меной ряда: а) [u(:)] — англ. [i:], [i], фриз. [i·ə], [i:]; нем. *suchen*, нид. *zöken* — англ. *seek*, фриз. *sykje* 'искать'; б) [o:] — англ. [ɛ], [i:], фриз. [i·ə]: нем. *rot*, нид. *rood* — англ. *red*, фриз. *read* 'красный'.

3. Выпадение *-n-* перед некоторыми щелевыми: нем. *fünf* — англ. *five*, фриз. *fïf* 'пять'; нем., нид. *ander* — англ. *other*, фриз. *oar* 'другой'; нем. *Gans*, нид. *gans* — англ. *goose*, фриз. *goes* 'гусь'.

4. Спирантизация [g] > [j]: нем. *das Garn*, нид. *garen* — англ. *yarn*, фриз. *jern* 'пряжа'.

5. Вокализация [g] в сочетаниях *ag, eg*: нем. *der Tag*, нид. *dag* — англ. *day*, фриз. *dei* 'день'.

6. Аффрикатизация [k]: нем. *die Kirche*, нид. *kerk* — англ. *church*, фриз. *tsjerke* 'церковь'.

7. Выпадение *r* в некоторых позициях: нем. *die Erde*, нид. *aarde* — фриз. *ierde* [i·ə], англ. *earth* [əθ] 'земля'.

4.3.2.2. Некоторые общие черты немецкого и идиша, нидерландского и африкаанс

Общие черты названных языков таковы:

1. Возвратное местоимение (в африкаанс нет).

2. Дифтонги вместо некоторых древних монофтонгов: нем. *weis*, нид. *wijs*, ср. фриз. *wiis* 'мудрый'; нем. *das Haus*, нид. *huis*, ср. фриз. *hûs* 'дом'. То же в английском: *wise* [waiz], *house* [haus].

3. Монофтонги вместо некоторых древних дифтонгов: нем. *hoch*, нид. *hoog*, ср. гот. *háuhs* [hau-] 'высокий', нем. *lieb*, нид. *lief*, ср. двн. *liob, liab* 'милый' и др.

4. Отделяемые глагольные приставки: нем. *abschreiben*, нид. *afschrijven* 'списывать' — нем. *ich schreibe ab*, нид. *ik schrijf af* 'я списываю'.

4.3.2.3. Особенности немецкого языка и идиша

Основные особенности немецкого языка и развившегося из его диалектов идиша:

1. Широкое распространение умлаута и его морфологизация: нем. *das Buch* 'книга' — *die Bücher* (мн. ч.), *alt* 'старый' — *älter* 'старше', *stoßen* 'толкать' — *stößt* 'толкает', ид. *boim* 'дерево' — *beimer* 'деревья'.

2. Так называемое *преломление* — переход $e > i$ во 2-е и 3-е л. ед. ч. наст. вр., в императиве сильных глаголов и в некоторых словообразовательных типах: нем. *geben* 'давать' — *gibt* 'дает', *gib* 'дай'.

3. «Сильный приступ» перед начальным гласным корневой морфемы и префикса (в идише в части диалектов): нем. *der Arm* ['arm] 'рука'.

4. Второе передвижение согласных.

Второе передвижение согласных в значительной степени определило судьбу немецкого консонантизма. Оно касается шести германских смычных (глухих и звонких), являющихся, в свою очередь, результатом первого (германского) передвижения согласных. Второе передвижение согласных включает следующие ряды явлений:

4.1. Глухие смычные p, t, k после гласных переходят в глухие спиранты $f, \text{ʒ}^5, h$, причем после краткого гласного проявлялась тенденция к орфографическому удвоению согласного: *ff, ʒ ʒ, hh* (а также *ch*, которое, однако, могло обозначать и аффрикату *kh*). Ср.: 1) гот. *slēpan* 'спать', *skip* 'корабль', дс. *opan* 'открытый' — двн. *slāfan, scif, offan* (на. *sleep, ship, open* — нвн. *schlafen, das Schiff, offen*); 2) гот. *þata* 'это', *itan* 'есть', *wato* 'вода' — двн. *daʒʒ, eʒʒan, waʒʒar* (на. *that, eat, water* — нвн. *das, essen, das Wasser*); 3) гот. *juk* 'игло', *brikan* 'ломать', *sokjan* 'искать' — двн. *jok, brehhan, suochen* (на. *yoke, break, seek* — нвн. *das Joch, brechen, suchen*).

4.2. Глухие смычные p, t, k в начале слова, после согласных или при наличии удвоения (которое, в частности, вызывал j после p, t, k) переходят в аффрикаты $pf/ph, z/zz, ch/kh$. Это явление распространяется не на все древневерхненемецкие диалекты, образуя с юга на север ряд ступеней. Ср.: 1) дфриз. *path*, да. *pæp* 'тропа', дфриз. *appel* 'яблоко' — двн. *pfad, aphul* (на. *path, apple* — нвн. *der Pfad, der Apfel*); аффриката pf встречается в большом числе слов латинского происхождения, заимствованных в период, предшествовавший второму передвижению согласных: ср. лат. *piper* 'перец', *pondo* 'фунт' — двн. *pheffar, phunt* (на. *pepper, pound* — нвн. *der*

⁵ В древневерхненемецких памятниках буква S обозначала исконное германское (шепелявое) $[s]$, тогда как буква $ʒ$ обозначала «свистящее» $[s]$, возникшее в результате второго передвижения согласных [Введение в германскую филологию, 1980, 249].

Pfeffer, das Pfund); 2) гот. *twai* 'два', *hairto* 'сердце', гот. *satjan* и да. *settan* 'сажать', гот. *nati* и да. *nett* 'сети' — двн. *zwei, herza, sezzen, nezzi* (на. *two, heart, set, net* — нвн. *zwei, das Herz, setzen, das Netz*); удвоенный согласный в *sezzen* и *nezzi* — одно из явлений западногерманского удлинения согласных, по которому удлинению подвергались согласные (кроме *r*), за которыми следовал *j*; при этом *j* как бы ассимилировался предшествующим согласным, а сам, как правило, исчезал: ср. также гот. *bidjan* 'просить' — двн. *bitten*, гот. *wilja* 'воля' — двн. *willo*; 3) гот. *drigkan* 'пить', *kaurn* 'зерно' — двн. (юн.) *trinkhan, chorn* (на. *drink, corn* — нвн. *trinken, das Korn*).

4.3. Звонкие смычные *b, d, g* переходят в соответствующие глухие *p, t, k* (это явление также захватывает не всю территорию древневерхненемецкого, образуя ряд ступеней; новонемецкий только при удвоении имеет *gg > ck*). Ср.: 1) гот. *giban* 'давать', дс. *ribba* 'ребро' — двн. (юн.) *kepan*, двн. *rippa* (нвн. *geben, die Rippe*); 2) гот. *aldus* 'старый', *dags* 'день' — двн. *alt, tag* (на. *old, day* — нвн. *alt, der Tag*); 3) гот. *gasts* 'гость', *giban* 'давать', дс. *hruggi* 'спина' — двн. (юн.) *kast, kepan*, двн. *rucki* (на. *guest, give, ridge* — нвн. *der Gast, geben, der Rücken*).

Исключения из второго передвижения согласных составляют группы согласных *sk, sp, st, tr, ht, ft*, в которых глухие смычные *p, t, k* остаются без изменений: ср. дфриз. *skelda* 'бранить', гот. *spinnan* 'прясть', *gasts* 'гость', *triggws* 'верный', *nahts* 'ночь', да. *cræft*, дс. *kraft* 'сила', 'уменье' — двн. *sceltan, spinnan, gast/kast, triuwi, naht, craft* (на. *skold, spin, guest, true, night, craft* — нвн. *schelten, spinnen, der Gast, treu, die Nacht, die Kraft*).

Второе передвижение согласных возникло предположительно в VI в. на юге, в области распространения лангобардского (исчез к X в.) и алеманнского, и распространялось на протяжении ряда столетий в направлении с юга на север, постепенно ослабевая. Охватив со временем в большей или меньшей степени всю область южнонемецких и средненемецких диалектов, второе передвижение не затронуло область нижненемецких диалектов. Условная граница между нижненемецкой и верхненемецкой областями проходит в настоящее время по линии Дюссельдорф на Рейне — Магдебург на Эльбе — Франкфурт на Одере, по так называемой «линии Бенрата» (*Benrath Linie*). Полностью второе передвижение осуществилось только в южнонемецких диалектах — алеманнском и баварском. Все франкские говоры обнаруживают большее или меньшее число колебаний и «непередвинутых» звуков. Новонемецкий литературный язык в основном имеет ту степень передвижения, которая представлена в восточнофранкском, и охватывает 6 случаев из 9: (1) *t > s, p > f, k > h*; (2) *t > z, p > pf*; (3) *d > t*.

Ко второму передвижению согласных примыкает переход германского глухого спиранта β в звонкий смычный d , распространившийся с юга на север на протяжении VIII—XI вв. в верхненемецкой области (а с начала средненижненемецкого периода, в XII—XIV вв., и в нижненемецком): гот. *preis* 'три', *airþa* 'земля' – двн. *drī, erda* (на. *three, earth* – нвн. *drei, die Erde*).

В идише в рамках второго передвижения согласных в основном $p > r$, f): нем. *zwei* — англ. *two*, нид. *twee* 'два'; нем. *das Pferd*, ид. *ferd* — нид. *paard* 'лошадь'; нем. *machen* — англ. *make*, нид. *maken* 'делать'; нем. *das Wasser* — англ., нид. *water* 'вода'. Аффриката *pf* из всех германских языков есть только в немецком.

5. Звонкость начального $[s] > [z]$: нем. *sitzen* $[z-]$ — англ. *sit* 'сидеть'.

6. Начальные сочетания $[\št-]$, $[\šp-]$ $<$ $[st-]$, $[sp-]$: нем. *der Stein* — англ. *stone*, нид. *steen* 'камень', нем. *die Sprache* — нид., фриз. *spraak* 'язык'.

7. Начальное $[\š-]$ $<$ $[sk-j]$: нем. *der Schuh* — нид. *schön* $[sx-]$, фриз. *skoech* 'ботинок'; то же в английском: *shoe* $[\š-]$.

8. Сохранение во многих формах конечного $-n$: нем. *essen* — англ. *eat*, фриз. *ite*, нид. *eten* $[-(n)]$, ср. шв. *äta*, исл. *éta* 'есть'; нем. *die neuen Straßen* — нид. *de nieuwe straten*, англ. *the new streets* 'новые улицы'.

9. Оглушение конца морфемы (только в немецком): нем. *die Räder* 'колёса', но *das Rad* $[ra:t]$ 'колесо', нем. *das Abbild* 'копия'.

10. Богатство морфологии: склонение существительного по четырем падежам, спряжение глагола по лицам и числам, развитая система адъективной флексии (в идише морфология несколько беднее).

11. Широкое развитие рамочных конструкций (в идише нет): *Ich habe diese Übungen gemacht*.

4.3.2.4. Особенности нидерландского языка и африкаанс

Особенности нидерландского языка (и развившегося из него африкаанс):

1. Фонемы $/æ/$, $/y:/$, развившиеся соответственно из $/u/$, $/u:/$ (на письме этот переход не отразился): нид., афр. *nut*, ср. нем. *der Nutzen* 'польза'; нид., афр. *uur*, ср. нем. *die Uhr* 'час', 'часы'.

2. Долгие дифтонги: нид. *draaien*, афр. *draai* 'поворачивать', нид., афр. *nooit* 'никогда' (англ. *never*).

3. Дифтонг *ou* (нид. $[au]$) $<$ *al, ol* перед *d, t*: нид. *oud*, афр. *ou*, ср. нем. *alt*, англ. *old* 'старый', нид. *zout*, афр. *sout*, ср. нем. *das Salz*, англ. *salt* 'соль'.

4. Щелевой заднеязычный нид. $[\gamma]$, афр. $[x]$ $<$ $[g]$ (на письме эта спирализация не отразилась): нид., афр. *groot*, ср. нем. *groß* 'большой', англ. *great*; нид., афр. *weg*, ср. нем. *der Weg* 'дорога'.

5. Сочетание [-xt] (в африкаанс [-x] из-за отпадения конечного t) < [ft]: нид. *lucht*, афр. *lug*, ср. нем. *die Luft* 'воздух'; нид. *kracht*, афр. *krag*, ср. нем. *die Kraft* 'сила'.

6. Сочетание [sx-] в начале слова (обозначается триграфом *sch*) < [sk-] (характерно только для нидерландского): нид. *schaar*, ср. афр. *skêr*, фриз. *skjirre* 'ножницы'; нид. *schrijven*, ср. афр. *skryf*, фриз. *skriuwe* 'писать', ср. нем. *schreiben*, англ. *write*.

7. Глухие концы слова (на письме отражается не всегда): нид., афр. *kalf* 'теленоч', ср. мн. ч. нид. *kalveren*, афр. *kalwers*; нид., афр. *daad* 'поступок', ср. мн. ч. нид. *dadén*, афр. *dade*.

8. Глухие смычные не имеют постаспирации: нид. *koe* [ku:], афр. *koei* [kui], ср. нем. *die Kuh* [k^hi:], англ. *cow* [k^hau] 'корова'.

9. Возможность дистантного расположения частей местоименного наречия: нид. *daar weet ik niets van*, афр. *daar weet ek niks van nie* 'об этом я ничего не знаю'.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

5.1. Краткое обобщение истории развития германских племен и языков

Развитие германских языков от племенных диалектов до национальных литературных языков связано с многочисленными миграциями их носителей. Область первоначального расселения германских племен охватывала южную часть Скандинавского полуострова, полуостров Ютландия и территорию Шлезвиг-Гольштейн. Германские диалекты древнейшей поры делились на 2 основные группы: **скандинавскую** (северную) и **континентальную** (южную). Во II—I вв. до н. э. часть племен из Скандинавии переселилась на южное побережье Балтийского моря, в низовья Вислы и Одера, и образовала **восточногерманскую** группу, противостоящую западногерманской (ранее южной) группе племен, обитавших между Эльбой и Рейном. С середины II в. до н. э., в эпоху Великого переселения народов, готы, принадлежавшие к восточногерманским племенам, продвигаются к югу, в причерноморские степи, откуда проникают на территорию Римской империи и затем через Галлию на Пиренейский полуостров. После падения остготского королевства в Италии (V—VI вв.) и вестготского королевства в Испании (V—VIII вв.) носители готского языка смешались с местным населением.

Внутри **западногерманского** ареала в I в. н. э. выделялись 3 группы племенных диалектов; ингвеонская (североморская), иствеонская (рейнско-везерская) и эрминонская (приэльбская). Переселение в V—VI вв. части ингвеонских племен (англы, саксы, юты) на Британские острова предопределило обособленное развитие в дальнейшем **древнеанглийского** языка. На континенте иствеоны (франки) распространились на запад, в романизованную Северную Галлию, где в конце V в. было образовано двуязычное государство Меровингов. Под властью франков в рамках государства Меровингов и Каролингов (V—IX вв.) произошло объединение западногерманских племен (франков, алеманнов, баюваров, турингов, хаттов), а также саксов, переселившихся в IV—V вв. с побережья Северного моря в области Везера и Рейна, что создало предпосылки для позд-

нейшего формирования **древневерхненемецкого** языка как языка немецкой народности. Эрмионы (алеманны, баювары) с I в. н. э. передвигаются из бассейна Эльбы на юг Германии и становятся в дальнейшем носителями южнонемецких диалектов. В основу **нижненемецких** диалектов лег **древнесаксонский**, входивший изначально в ингвеонскую группу и испытавший впоследствии мощное влияние франкских диалектов. В результате взаимодействия франкских диалектов с фризскими и саксонскими в IX—XI вв. создаются условия для возникновения **нидерландского** языка.

Группа скандинавских диалектов после их обособления в V в. от континентальной группы вследствие постепенной миграции их носителей на север и юг делится с VII в. на восточную и западную подгруппы. На базе **восточноскандинавских** диалектов позднее образуются **шведский** и **датский** языки, на базе **западноскандинавских** — **норвежский**. Заселение в IX—X вв. Исландии и Фарерских островов выходцами из Норвегии привело к становлению **исландского** и **фарерского** языков.

Из новейших германских языков **идиш** сформировался в X—XIV вв. на основе верхненемецких диалектов с включением семитских и позднее славянских элементов, **африкаанс** возник в XVII в. в результате смешения нидерландских диалектов с немецким, английским, французским языками, а также с некоторыми африканскими языками и с креольским малайско-португальским языком.

Историю развития германских языков условно принято делить на 3 периода: 1) древний (от возникновения письменности до XI в.) — становление отдельных языков, 2) средний (XII—XV вв.) — развитие письменности на германских языках и расширение их социальных функций; 3) новый (с XVI в. до настоящего времени) — формирование и нормализация национальных языков.

Важнейшие этапы развития германских языков представлены на итоговой схеме членения германских языков (см. вспомогательные материалы).

Уже на древнейшем этапе развития германских языков наряду с признаками, объединявшими те или иные группы языков, выделяются признаки, характерные для каждой из них в отдельности. Отражением былого **готоскандинавского** языкового единства являются следующие черты: гуттурализация (*веляризация*) общегерм. *-iii-* и *-jj-*, образование форм 2-го л. ед. ч. претерита с помощью перфектного окончания *-t*, наличие 4-го класса слабых глаголов с суф. *-na-*, образование причастий I жен. рода с помощью суф. *-in-* и др.

Хотя генетическая общность западногерманской группы диалектов до сих пор подвергается сомнению, на их историческое единство указывают следующие явления: западногерманское удлинение согласных, переход общегерм. $\delta > d$ (двн. t), выпадение лабиального элемента в сочетаниях

заднеязычного с последующим *u* (*w*), образование особой формы склоняемого инфинитива, образование презенса глагола 'быть' путем контаминации индоевроп. корней **es-* и **bhu-*, развитие новых сочинительных и подчинительных союзов и др. Особое место в западногерманской группе принадлежит ингвеонским диалектам, для которых характерен ряд специфических признаков (т. наз. ингвеонизмы): переход герм. $\bar{e} > \text{æ}$, сохранение гласных *i*, *u* перед *m* независимо от характера последующего гласного, выпадение носовых перед спирантами, ассибиляция *k*, *g* (замена взрывных аффрикатами с шипящим компонентом) перед гласными переднего ряда и *j*, метатеза *g*, общее окончание в глагольных формах 1—3-го л. мн. ч., унификация форм им. и вин. падежей в сильном склонении прилагательных муж. рода, формы личных местоимений без конечного *-g* и др.

Доказательством наличия контактов между западногерманскими и северными диалектами после ухода восточногерманских племен из Скандинавии служат общие инновации (I—V вв. н. э.): расширение герм. $\bar{e} > \bar{a} > \text{æ}$, чередование *i* ~ *e*, *u* ~ *o*, переход *z* в *g* (т. наз. ротацизм), утрата редупликации в глаголах, дентальный суффикс претерита и др. После V—VI вв. в общескандинавском имели место изменения, которые отделили его от западногерманской: исчезновение начального *j* и отпадение *w* перед губными, многочисленные ассимиляции согласных, возникновение восходящих дифтонгов, появление суффицированного определенного артикля, возвратно-пассивная форма глагола на *-sk*, *-st*.

В процессе дальнейшего исторического развития складываются германские народности. Диалекты продолжают существовать, но уже как территориальные, а не как племенные. Тесное экономическое и культурное общение внутри княжеств ведет к стиранию старых различий в диалектах и появлению новых. Кроме того, в феодальном государстве при благоприятных условиях начинает возвышаться один из диалектов — диалект наиболее сильного в политическом и экономическом отношении княжества. Если в феодальном государстве рано определяется политический и экономический центр, то сложение языка народности также происходит рано, как, например, в Англии или Дании. Если же власть в стране переходит от одного княжества к другому, то развитие общего языка народности замедляется, что отражается в дальнейшем на судьбах национального языка.

В ходе формирования национального языка происходит закрепление и развитие наиболее общих тенденций в языке народности, однако возможны и новые влияния. Так, например, в период формирования английского языка, который складывался на основе лондонского диалекта, можно проследить, как элементы южных диалектов вытеснялись восточно-центральными под влиянием той роли, которую играл в политике и эко-

номике страны самый процветающий район, и именно восточно-центральные черты определили диалектную основу английского национального языка. Другими путями шло развитие немецкого национального языка. Вследствие длительной феодальной раздробленности Германии в ней вплоть до XVI в. не проявлялась ориентация на один диалект; формирование национальной нормы затянулось на несколько веков, вплоть до XVIII в., а местные диалекты, хотя и бесписьменные, до сих пор играют в жизни немецкого народа большую роль, чем местные диалекты во многих других странах.

В период перехода от феодализма к капитализму молодая национальная буржуазия предъявляет к языку определенные требования. Развитие наук и общенациональной культуры нуждается в установлении закрепленных норм языка, которых не было в языках народностей эпохи феодализма: в них наблюдались большие колебания в употреблении морфологических форм, значительные расхождения в произношении и распределении фонем, орфография письменных памятников отличалась неустойчивостью, в словоупотреблении отсутствовало единообразие.

Особенно актуальными вопросы нормализации языка становятся с введением книгопечатания. Если писцы канцелярий и даже писатели допускали значительные расхождения в орфографии, в морфологических формах и в словоупотреблении, то печатники с самого начала стремились к большему языковому единообразию, поскольку печатная продукция предназначалась для массового распространения. На нормализацию национальных языков направлялась сознательная деятельность писателей и ученых; создаются национальные грамматики, выходят словари и другие труды по вопросам языка.

Развитие национальных литератур является одним из главных факторов, способствующих окончательному сложению и закреплению языковых норм.

Многие из особенностей германских языков объясняются спецификой исторического развития того или иного языка, той ролью, которую играли в нем экстралингвистические факторы. Формирование национальных языков и сложение языковой нормы было одним из элементов общего исторического процесса сложения наций.

Формирование национальных литературных языков завершилось в Англии в XVI—XVI вв., в скандинавских странах в XVI в., в Германии в XVIII в. В Норвегии существуют 2 формы литературного языка: риксмол (с 1929 букмол) и лансмол (с 1929 нюнорск, или «новонорвежский»). Первый представляет собой разговорный норвежский язык, в основе которого лежит, отчасти, литературный датский язык; второй — синтезированный филологом И. Осеном на основе преимущественно западно-норвежских

диалектов язык, в котором нет или почти нет следов датского влияния. Для современной языковой ситуации характерна тенденция к слиянию их в единый язык, который называется «общенорвежским» (*sammorsk*).

Распространение английского языка за пределы Англии привело к созданию его литературных вариантов в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Немецкий язык в Австрии представлен его австрийским вариантом, в Швейцарии — двумя формами — швейцарскими диалектами (*Schwyzertütsch*) и литературным языком. В Люксембурге получил статус национального языка (1984) люксембургский язык, который сформировался на основе западномозельско-франкского диалекта немецкого языка.

Развитие науки, литературы, введение книгопечатания сыграли большую роль в закреплении и распространении языковой нормы. Большая часть современных германских языков обладает устойчивой, давно сложившейся нормой. Таковы, например, языки английский, шведский, датский, исландский, нидерландский (в Нидерландах). Позднее завершилось формирование литературной нормы немецкого языка, что объясняется политической и экономической раздробленностью Германии вплоть до второй половины XIX в. Не закончился процесс установления единой литературной нормы в Норвегии; долгое существование этой страны как колонии Дании создало своеобразную языковую ситуацию, которая не имеет параллели в мире. Особенности развития нидерландского языка в Бельгии в условиях двуязычия объясняют причины некоторых колебаний в норме, процесс окончательного формирования которой еще продолжается.

Некоторые из германских языков не получили статуса полноправного литературного языка. Так, фарерский язык используется на Фарерских островах наряду с датским. Фризский язык, несмотря на заметное возрастание его роли во Фрисландии, все же до сих пор остается по преимуществу языком устного общения. Однако устойчивость или, напротив, неустойчивость нормы не всегда следствие «молодости» языка в качестве литературного. Как было показано, именно нидерландскоязычные области современной северной Бельгии (Фландрия и Брабант) явились очагом возникновения письменной нормы в средненидерландский период, но длительный перерыв в литературной традиции в XVI—XIX вв. привел к утрате нормы. Напротив, язык африкаанс, еще сто лет тому назад практически бесписьменный и признанный государственным лишь в 1925 г., обладает устойчивой нормой. То же относится и к фарерскому языку, орфография которого была создана в середине XIX в. и который был признан основным языком Фарерских островов только в 1948 г. Несмотря на то, что фризский язык стал регулярно использоваться в качестве литературного совсем недавно, его норма отличается устойчивостью.

Очень сильно различаются германские языки по числу говорящих на них. Самый распространенный из них — английский, на котором говорят около 300 миллионов человек и который в настоящее время — важнейший язык международного общения, в то же время на исландском говорят около 225 тысяч, а на фарерском всего 35 тысяч человек. Общее же количество говорящих на германских языках превышает 400 миллионов.

5.2. Сходства и различия современных германских языков

Выше были рассмотрены краткая история германских языков, этапы их развития, общие черты и характерные особенности отдельных групп — восточногерманской, северогерманской (скандинавской), западногерманской. На современном этапе развития германские языки обнаруживают определенное сходство между собой, но в то же время между ними существуют весьма существенные различия.

Многие характерные черты германских языков не могут быть непосредственно связаны с внешней историей, а объясняются внутриязыковыми законами и тенденциями, действующими в отдельных языках. Это касается грамматического и, в еще большей мере, фонетического строя, а также лексического состава. Однако у языков, которые в конечном счете восходят к одному общему источнику, в данном случае — к германскому языку-основе, к прагерманскому, должно быть нечто общее, некий инвариант, черты, присутствующие в каждом из них. Такой инвариант у них есть, но довольно скромный. Определим наиболее важные общие черты и наиболее существенные различия современных германских языков.

5.2.1. Фонетика

Исходная система общегерманского вокализма (i, u, e, a, ī, ū, æ, ō, eu, ai, au) подверглась значительной модификации в результате многочисленных перегласовок, преломлений и других фонетических процессов (например, «великий сдвиг гласных» в английском языке, изменения в наборе и распределении долгих и кратких гласных в исландском, развитие дифтонгов в фарерском).

При всем значительном разнообразии звуковых систем современных германских языков у них есть некоторые общие черты. Общность эта состоит прежде всего в структуре слога. Передняя периферия слога лишь в крайне немногочисленных случаях превышает три фонемы, что вообще характерно для языков мира, а большинство трехфонемных передних периферий составляют сочетания *s/š* + глухой смычный + сонант: *str/štr*,

spr/špr, kr, skl. Задняя периферия слога тоже сравнительно редко в нефлектированных формах превышает три фонемы, что также типично для языков мира.

Ударные слоги в большей части германских языков могут быть краткими (краткий гласный + краткий согласный) или долгими (обычно долгий гласный + краткий согласный или краткий гласный + группа согласных). В норвежском, шведском, исландском и фарерском, с другой стороны, возможны только долгие ударные слоги (краткий гласный + долгий согласный или группа согласных, долгий гласный + краткий согласный), т. е. эти языки характеризуются так называемым слоговым равновесием.

Для германского **вокализма** характерно наличие — разумеется, с известными вариантами — фонем *a, e, i, o, u*. Для всех германских языков, если оставить в стороне идиш, вообще в ряде отношений отклоняющийся от них, характерно наличие фонематически противопоставленных кратких и долгих гласных. В целом германским языкам несвойственны равновесные и восходящие дифтонги. Безусловно преобладает динамическое ударение, тонемы (два типа) характерны лишь для шведского и норвежского; в датском шведскому и норвежскому музыкальному ударению генетически соответствует т. наз. толчок — резкое смыкание голосовых связок ([ср. дат. *anden* (со смычкой) 'утка' — *anden* (без смычки) 'другой').

Для германских языков характерно также наличие дифтонгов (единственное исключение — шведский язык); далеко не все эти дифтонги восходят к древним, в большинстве случаев они представляют собою продукт более или менее недавней дифтонгизации монофтонгов. Количество и характер дифтонгов различаются по языкам (ср. 3 дифтонга в немецком с 26 дифтонгами и 6 трифтонгами в фризском).

Поразительно живучим оказался аблаут. Помимо древних случаев словообразования, он лучше всего сохранился у сильных глаголов, которые остались — при всех упрощениях грамматического строя — во всех германских языках, кроме африкаанс. Правда, в большинстве современных германских языков сохранилось лишь три ступени аблаута (не различается единственное и множественное число претерита); четыре ступени сохраняются лишь в исландском языке и отчасти в шведском.

Умлаут всего отчетливее представлен в немецком (умлаут на *i*) и исландском (умлаут на *i* и *u*), а также в фарерском (где, однако, много случаев выравнивания). В большинстве же германских языков умлаут представлен во многих изолированных словоформах (ср. англ. *man* — *men*, *teach* — *taught*) и в словообразовании (ср. англ. *long* — *length*).

Некоторые из германских языков обладают весьма специфическими фонетическими особенностями (ср. назализованные гласные в африкаанс и фризском, глухие сонанты в исландском и фарерском, альвеолярные

согласные в английском, тоническое ударение в норвежском и шведском, сильный приступ в немецком и отчасти в нидерландском и т. д.).

Очень неравномерно представлена редукция окончаний в германских языках, но в целом можно сказать, что для большинства из них не характерно наличие в грамматических показателях каких-либо иных звуков, кроме [ə] (ср. английский, немецкий, нидерландский, датский, фризский, африкаанс). Всего далее редукция зашла в английском и африкаанс, где в ряде случаев апокопе (отпадению) подверглось и конечное [ə] (например, в инфинитиве). Практически не затронуты редукцией исландский, фарерский и шведский.

В области **консонантизма** современных германских языков можно отметить следующие особенности. В общем, для большинства германских языков не характерны долгие согласные; они имеются только в норвежском, шведском, исландском и фарерском. В последней группе языков структура многих ударных слогов резко отличается от структуры ударных слогов в западногерманских и датском языках.

Во всех германских языках есть глухие смычные (*p, t, k*), щелевые (*f, s, j, v, h*) и сонанты (*l, m, n, ŋ, r* или *R*). В большинстве языков есть также звонкие смычные (*b, d, g*); в части языков — в исландском, фарерском и датском — все смычные глухие, но различаются сильные аспирированные, т. е. придыхательные (*p, t, k*), и слабые неаспирированные, т. е. произносимые без придыхания: они обозначаются буквами *b, d, g*, но произносятся, следовательно, совсем не так, как, например, в немецком или английском. В общем для германских языков характерна аспирация звуков *p, t, k* в большей части позиций; исключением является нидерландский и африкаанс, где глухие смычные всегда неаспирированы. Явление оглушения концов характерно лишь для части германских языков; здесь в первую очередь надо назвать немецкий, где происходит оглушение даже конца слога (ср. *abdecken* [ˈapˌdɛkən] 'открывать', *endlich* [ˈɛntliç] 'наконец'). Напротив, звонкие концы характерны для английского, фризского, шведского и норвежского. Аффрикаты представлены только в части западногерманских языков: в немецком [ts], [pf], английском [tʃ], [dʒ], фризском [tʃ], [dz], а также в шведском [tʃ] и фарерском [tʃ], [dʒ].

К особенностям фонетики отдельных германских языков относятся: альвеолярные согласные в английском, какуминальные, или постальвеолярные, согласные в шведском, норвежском, назализованные гласные и дифтонги в африкаансе и фризском, отсутствие смычного [g] в нидерландском и африкаансе, твердый приступ в немецком и нидерландском и др.

5.2.2. Грамматика

В области грамматики современные германские языки характеризуются значительным разнообразием. Особенно велики различия в отношении **морфологии**. Тем не менее и здесь можно выделить некоторые черты, свойственные всем германским языкам, а также черты, характерные для большей части.

Общим для всех современных германских языков является набор частей речи. Во всех них имя четко делится на существительное и прилагательное. Отличия же проявляются в инвентаре грамматических категорий и граммем (членов грамматической категории), очень богатом у одних языков (например, у исландского) и очень бедном у других (например, у африкаанс), и в звуковом составе показателей этих категорий и граммем. Некоторые из грамматических систем германских языков подверглись в процессе исторического развития значительному упрощению, утратив большую часть флексий. Всего дальше пошли по пути английский и особенно африкаанс — последний полностью утратил род и падеж существительного, изменение глагола по лицам и числам. Напротив, немецкий, фарерский и особенно исландский отличаются большим богатством морфологии. В этих языках сохраняются три грамматических рода, четыре падежа (правда, в фарерском родительный падеж употребляется лишь в книжном стиле). Для основной же массы германских языков характерно упрощение родовой системы и системы склонения.

Тенденция к аналитизму наиболее четко проявляется в именном склонении. Категория падежа в большинстве языков представлена оппозицией общего и родительного (притяжательного) падежей (в английском, датском, шведском, норвежском, нидерландском, фризском), четырехпадежная система сохранилась только в немецком, исландском, фарерском языках, а в африкаансе формальные показатели падежа отсутствуют. Падежные отношения выражаются в большинстве языков преимущественно порядком слов и предложными конструкциями.

Категория числа двучленная (единственное — множественное), но формально выражено только множественное число, причем наибольший набор показателей отмечен в немецком и норвежском языках (5), наименьший — в английском (1). В скандинавских языках форма множественного числа существительных определяет также тип склонения. Трехродовая классификация существительных (мужской, женский, средний род) сохранилась в 5 из 11 германских языков (в немецком, норвежском, исландском, фарерском, идише), в шведском, датском, нидерландском, фризском представлены 2 рода — общий и средний, в английском и африкаансе категории рода нет.

Свойственное германским языкам наличие двух типов склонения прилагательных — сильного, включающего местоименные окончания, и слабого, являющегося германской инновацией, сохранилось в немецком и скандинавских языках, тогда как в нидерландском и африкаансе оно представлено в виде сильной и слабой форм прилагательного, а в английском отсутствует.

Для всех германских языков характерна довольно дифференцированная система местоимений. В парадигму склонения личных местоимений, где именительный падеж (общий/субъектный) противопоставлен косвенным (объектным) падежам, входит от 2 до 4 падежных форм, ср. субъектно-объектный в африкаансе, им., род., дат., вин. п. в исландском языке.

У числительного порядковые во всех германских языках формально противопоставлены количественным.

Во всех германских языках есть артикли — определенный (в скандинавских языках он суффиксированный, т. е. присоединяется к концу существительного) и неопределенный (отсутствует в исландском и фарерском).

Глагол обнаруживает значительное сходство у всех германских языков. Для системы спряжения характерна классификация по способу образования претерита: сильные глаголы образуют формы претерита с помощью аблаута, слабые используют дентальный суффикс. Все они, в общем, характеризуются одной системой времен, включающей презенс, претерит (имперфект, простое прошедшее), перфект, плюсквамперфект (давнопрошедшее), будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Характерно, что наиболее велики различия в области употребления перфекта/претерита: употребление этих времен в английском и скандинавских языках, с одной стороны, значительно отличается от их использования в немецком и нидерландском. Выпадает из схемы лишь африкаанс, где нет претерита и плюсквамперфекта. В исландском нет специальной формы будущего времени. Система длительных времен характерна лишь для английского языка. Наибольшее число временных форм представлено в английском (16), наименьшее — в датском и африкаансе (6), причем в последнем 5 из 6 форм являются аналитическими. Аналитические глагольные формы, состоящие из вспомогательных глаголов и неличных форм (инфинитив, причастие, супин), широко представлены в германских языках. Футурум образуется сочетанием вспомогательного глагола (у большинства модального или альтернативного из двух модальных) и инфинитива I; формы перфекта — соединением вспомогательных глаголов с исконным значением «иметь» и «быть» и причастия II.

Категория лица в системе глагола морфологически не выражена в шведском, норвежском, датском, африкаансе и идише и передается приглагольным личным местоимением. В других языках личные глагольные

окончания сохранились (наиболее полно в немецком и исландском, слабее в нидерландском, фарерском, английском и фризском языках). В германских языках нет грамматической категории вида, видовые значения выражаются оппозицией временных форм (претерит/перфект, длительные/недлительные формы), описательными конструкциями.

Двучленная категория залога (актив-пассив) выражается оппозицией личных форм и конструкций с глаголами «быть» и «становиться» + причастие II (в английском языке только с глаголом «быть»). В континентальных скандинавских языках имеется два страдательных залога — флективный на -s, -st и аналитический.

Категория наклонения представлена трехчленной оппозицией индикатив/императив/конъюнктив (кондиционалис), наибольшие различия по языкам отмечены в плане содержания и формального выражения конъюнктива, который в ряде языков имеет флективные и аналитические формы.

В отношении **синтаксиса** также можно отметить несколько общих черт. Все германские языки, как, впрочем, все современные индоевропейские языки, — языки номинативного строя. Все они характеризуются сравнительно регламентированным порядком слов, особенно в отношении глагола-сказуемого (ср. твердый порядок слов в английском, африкаансе, рамочная конструкция в немецком). Инверсия наблюдается при эмфазе, в вопросительных, побудительных и придаточных предложениях. Имеются определенные закономерности расположения слов в придаточных предложениях (особенно в бессоюзных условных).

Характернейшей чертой главных повествовательных предложений всех современных германских языков является позиция финитного глагола на месте второго члена предложения. Это правило соблюдается и в тех случаях, когда являющиеся темой обстоятельство, дополнение или предикатив занимают первое место: нем. *In Berlin habe ich sofort eine Unterkunft gefunden* 'В Берлине я сразу нашла пристанище'. При рематическом подлежащем, занимающем третье место в предложении, на первое место ставится мнимое подлежащее: нид. *Er heeft iemand de ruit gebroken* 'Кто-то разбил стекло'. Лишь в английском языке при вынесении на первое место в предложении названных членов подлежащее остается перед сказуемым: *Yesterday Jones wrote a letter* 'Вчера Джоунз написал письмо'.

Важнейшие случаи иного порядка слов в СГЯ таковы. Финитная форма глагола занимает первое место в общепросительных предложениях, ср.: англ. *Has she really made it?* 'Она действительно это сделала?'; афр. *Sal jy dit dadelik doen?* 'Вы это действительно сделаете?'. В бессоюзных условных и уступительных придаточных предложениях, а также в желательных (главных) финитная форма глагола стоит на первом месте: нем. *Hatte ich es früher gewißt, würde ich nicht gekommen sein* 'Если бы я знал это

раньше, я бы не пришел'. Постановка финитной формы глагола на первое место в предложении, кроме названных случаев, для СГЯ не характерна.

Особенностью многих современных германских языков является смещение предлога, управляющего вопросительным словом, на место после главных членов предложения: англ. *What are you looking for?* 'Что ты ищешь/вы ищете?'. В нидерландском и фризском возможно также дистантное расположение элементов местоименных наречий: нид. *Ik ben er niet tevreden over* 'Я им недоволен'. Сходно с описанными явлениями и помещение во многих германских языках предлога, управляющего относительным местоимением, в «правую» часть придаточного предложения; само относительное местоимение при этом может опускаться: англ. *The room (which) lives in is large* 'Комната, в которой он живет, большая'.

Генитивное определение (в той мере, в какой оно вообще характерно для того или иного языка) в основной массе германских языков находится в препозиции: англ. *Shakespeare's sonnets* 'сонеты Шекспира'. Постпозиция генитивного определения характерна для немецкого (преимущественно) и исландского языков, т. е. для языков с наиболее развитой системой флексий: нем. *die Stimme meiner Mutter* 'голос моей матери'.

Общепринятый взгляд, согласно которому степень свободы порядка слов в языке находится в прямой зависимости от богатства его морфологии, в целом материалом германских языков подтверждается, однако его не следует абсолютизировать. Конечно, к примеру, исландский язык характеризуется значительно большей вариативностью в линейном развертывании предложения, чем африкаанс. Однако факты немецкого языка недостаточно хорошо согласуются с этим тезисом: хотя в этом языке состав граммем близок к исландскому, порядок слов в нем, в общем, сравнительно жесткий. Даже в развившемся из немецкого и близком к нему идише порядок слов более гибкий. Причина, видимо, кроется в том, что немецкий литературный язык в очень сильной степени кодифицирован, поэтому характерные для него структуры расположения элементов предложения, в том числе рамочные конструкции, допускают очень немного вариантов (в основном эти варианты связаны с различным актуальным членением предложения). Напротив, исландская синтаксическая норма отражает реальную речевую практику с характерным для разговорного стиля более или менее свободным порядком слов.

Почти все литературные германские языки мононегативны, т. е. для отрицательного предложения характерно одно отрицание, ср. англ. *I have never heart about him* 'Я никогда о нем не слышал'. Полинегативизм, т. е. использование в одном отрицательном предложении более одного отрицания, характерен только для африкаанс и идиша, см. ид. *ix hob dos keinem nit gezogt* 'я это никому не говорил'. В африкаанс отрицательная частица

nie, как правило, должна заканчивать отрицательное предложение и поэтому может повторяться: *ek het dit nie gesien nie* 'я этого не видел'.

5.2.3. Лексика

Всего отчетливее общность современных германских языков проявляется в лексике. При многочисленных отличиях у отдельных языков от общегерманского словарного фонда множество понятий в каждом из них обозначается лексемами, восходящими к изначально одной единице, хотя, разумеется, немало отклонений в значениях, и звуковые оболочки этимологически тождественных лексем могут существенно различаться из-за особенностей их звукового развития, ср., например, лексемы «хлеб» и «идти»: англ. *bread, go*, нем. *das Brot, gehen*, нид., афр. *brood, gaan*, шв. *brod, ga* и т. д. Однако важно то, что основная масса слов служебных (большинство вспомогательных глаголов, предлогов, союзов и т. д.) и заместительных (личные, притяжательные, указательные и другие местоимения) германских языков этимологически тождественны.

Описание лексики одного конкретного языка или группы языков сопряжено со значительными трудностями. Эти трудности обусловлены несколькими причинами. Во-первых, лексический состав какого-либо языка насчитывает многие тысячи единиц. Уже по этой причине его описание в принципе не может быть исчерпывающим — таким, как описание фонемного состава или грамматического строя. Во-вторых, лексика при всей устойчивости ее основного ядра — наиболее изменчивый уровень языка, в котором непосредственно и «оперативно» отражаются перемены в жизни языкового коллектива. В-третьих, в словарном составе языка отчетливо проявляется то, что условно можно назвать «капризами» языка, т. е. необъяснимые, по крайней мере с современной точки зрения, различия в «уровне специализации», лексические лакуны и т. д. Так, русскому слову *рука* в германских языках соответствуют лексемы со значением «часть тела от плеча до запястья (включая кисть)», ср.: нем. *der Arm*, исл., фар. *armur*, англ. *arm*, и «кисть» — нем. *die Hand*, англ., шв., нид. *hand* и т. д.; ср. аналогичное положение с русской лексемой *нога* и ее соответствиями в германских языках. В данном участке лексики русский язык более «абстрактен», чем германские. Сходное соотношение наблюдается между русской семьей *стена*, англ. *wall*, с одной стороны, и нем. *die Wand* и *die Mauer*, норв. *vegg* и *tur* и т. д. — с другой, где второе слово обозначает каменную стену. Обратное положение, однако, наблюдается при сравнении англ. лексемы *come*, нем. *kommen* и т. д. с ее русскими соответствиями *прийти, приехать, прилететь* и т. д.

С генетической точки зрения в лексике каждого из современных германских языков и всех их вместе взятых можно выделить, по крайней ме-

ре, три различных пласта: общеиндоевропейские лексемы, германские лексемы и заимствования. Общеиндоевропейская и общегерманская лексика рассматривалась раньше, здесь же обратимся к заимствованиям.

Заемствованные лексемы в СГЯ можно разделить на заимствования из других германских языков и заимствования из негерманских языков.

5.2.3.1. Заимствования из других германских языков

Среди заимствований из других германских языков наиболее значительны массивы слов нижненемецкого происхождения в континентальных скандинавских языках и слов английского происхождения в большинстве других языков.

Нижненемецкие заимствования в шведском, датском и норвежском восходят к временам расцвета Ганзейского союза (XIV—XVI вв.). В этот период в названные языки вошло множество слов, обозначавших новые тогда понятия из области ремесленного производства, строительства, архитектуры, военного дела, торговли, социальных отношений, названия многих товаров и др., ср. (приводятся норвежские примеры, после чего в скобках даются нижненемецкие исходные слова): *redskap* 'орудие, инструмент' (*rêdeschap*), *verksted* 'мастерская' (*werkstede*), *mester* 'мастер' (*meister*), *bøkker* 'бочар, бондарь' (*bodiker*), *buntmaker* 'меховщик' (*buntmaker*), *spiker* 'гвоздь' (*spîcher*), *slott* 'замок' (*slot*), *peis* 'очаг, камин' (*pisel*, *pesel* 'отапливаемая комната'), *krig* 'война' (*krich*), *feide* 'раздор' (*veide*), *kamp* 'борьба' (*kamp*), *krutt* 'порох' (*krût*), *handel* 'торговля' (*handel*), *frakt* 'фрахт' (*vracht*), *regne* 'считать' (*rekenen*), *papir* 'бумага' (*pappîr*, *papîr*), *borger* 'горожанин' (*borgere*), *ridder* 'рыцарь' (*ridder*), *bomull* 'хлопок' (*bômwulle*) и т. д. Множество слов, обозначающих различные новые для скандинавского быта предметы, также вошло в эти языки в рассматриваемый период, например: *gaffel* 'вилка' (*gaffel*, *gaffe*), *krus* 'кружка' (*krûs*, *krôs*), *skap* 'шкаф' (*schap*), *kurv* 'корзина' (*korf*), *strømpe* 'чулок' (*strump*), *støvel* 'сапог' (*stevel*) и т. д. Помимо конкретных существительных из снн. был заимствован ряд абстрактных имен, ср.: *angst* 'страх' (*angest*, *anxt*), *fare* 'опасность' (*vâre*), *ære* 'честь' (*êre*), *makt* 'власть' (*macht*), *lykke* 'счастье' (*gelucke*, *lucke*), *rykte* 'слух' (*gerûchte*, *rûchte*), а также ряд прилагательных: *tapper* 'смелый' (*tapper*), *fri* 'свободный' (*frî*), *stolt* 'гордый' (*stolt*), *klok* 'умный' (*klôk*), *skjønn* 'прекрасный' (*schone*), *svak* 'слабый' (*swak*), *ekte* 'настоящий' (*echte*, *echt*) и т. д. Более того, из снн. был заимствован ряд префиксов и суффиксов: *an-*, *be-*, *bi-*, *for-*, *ge-*; *-bar*, *-else*, *-eri*, *-het*, *-inne*, *-ske*. Слова нижненемецкого происхождения, таким образом, широко представлены в самых разных пластах лексики континентальных скандинавских языков.

Характерно, что влияние немецкого литературного языка (верхненемецкого) на скандинавские было несравненно скромнее, хотя оно

также заметно, ср.: норв. *stilleben* 'натюрморт', *sats* 'набор; ставка', *schäfer* 'овчарка', *schwung* 'подъем', *forlibe seg* (шутл.) 'влюбитья', *nachspiel* 'импровизированное продолжение празднества', *feinschmecker* 'тонкий ценитель', *weltschmerz* 'мировая скорбь' и т. п.

Гораздо больше, нежели прямых заимствований, калек литературного немецкого языка, ср.: норв., дат. *varehus*, шв. *varuhus*, нид. *warenhuis* 'универмаг' (*Warenhaus*); норв., дат. *tidsskrift*, шв. *tidskrift*, исл. *timarit*, нид. *tijdschrift* 'журнал' (*Zeitschrift*); норв., дат. *forord*, шв. *förord*, нид. *voorwoord* 'предисловие' (*Vorwort*); норв., дат. *skadefryd*, шв. *skadeglädje*, нид. *leedvermaak* 'злорадство' (*Schadenfreude*); норв., дат. *verdensberømt*, шв. *värld-sberömd*, нид. *wereldberoemd* 'всемирно известный' (*weltberühmt*) и т. д.

Очень велик объем заимствований из английского языка почти во всех современных германских языках. Явление это сравнительно новое. До Второй мировой войны английское лексическое влияние в общем было довольно незначительным; оно ограничивалось техническими и спортивными терминами, а также лексемами, обозначающими реалии стран английского языка, прежде всего Англии и США. Это можно проиллюстрировать на примере нидерландского языка. К названным заимствованиям относятся слова: *wagon* 'вагон', *rail* 'рельс', *voetball* 'футбол', *goal* 'гол', *boksen* 'бокс', *tennis* 'теннис', *lord* 'лорд', *grog* 'гrog', *tory* 'тори' и т. д. После Второй мировой войны количество английских заимствований многократно возросло, слова и словосочетания, заимствованные прежде всего из английского языка США, относятся к различным сферам современной жизни, ср.: *radar* 'радар', *laser* 'лазер', *computer* 'компьютер, ЭВМ', *combine* 'комбайн', *service* 'сервис', *team* 'бригада, команда', *test* 'тест, испытание', *bestseller* 'бестселлер', *survey* 'обследование, инспекция', *outsider* 'аутсайдер', *babysit(ter)* 'приходящая няня', *make-up* 'макияж', *snack-bar* 'закусочная', *walkie-talkie* 'портативный телефон', *come-back* 'возвращение (на сцену, в спорт и т. п.)', *scooter* 'мотороллер' и т. п.

Практически во всех странах, где говорят на германских языках, делаются попытки в какой-то мере ограничить проникновение такого множества английских заимствований, этой, как ее называют, «английской болезни».

Английское влияние проявляется, конечно, не только в форме прямых заимствований, но и в форме калькирования, ср. примеры из норвежского (в скобках приводится исходная английская форма): *kald krig* 'холодная война' (*cold war*), *skyggeregjering* 'теневое правительство' (*shadow cabinet*), *froskemann* 'аквалангист' (*frogman*), *feltarbeid* 'полевые работы (сбор информации)' (*field work*), *ferdskriver* 'черный ящик (устройство, регистрирующее параметры полета)' (*flight recorder*), *het linje* 'горячая линия (прямая телефонная линия между главами государств для использования в

критических ситуациях) (*hot line*), *kroppsbbygging* 'культуризм' (*body-building*), *opptrapping* 'эскалация' (*escalation*) и т. д.; калькируются и разговорные единицы, например, *skytte* 'снимать (на пленку)' (основное значение англ. *shoot* и норв. *skytte* — 'стрелять'), *sitte på gjerdet* 'сидеть между двух стульев, занимать выжидательную позицию' (*sit on the fence*), *det er opp til deg/ham* и т. д. 'это твое/его и т. д. дело' (*it's up to you/him* и т. д.), *være på vannvogna* 'не пить спиртного' (*be on the water-wagon*) и т. д. Нередки «полукальки», или «гибридные» слова, — сложные слова, в которых одна часть является прямым заимствованием, другая — калькой: норв. *supermarked* 'универсам' (*supermarket*), *sitdownstreik* 'сидячая забастовка' (*sit-downstrike*) наряду с полной калькой *sitnedstreik*; *boardingkort* 'посадочный талон' (*boardingcard*) — теперь чаще *ombordstigningskort*; *gaffeltruck* 'автопогрузчик' (*fork-lift truck*) и т. д.

Что касается других, негерманских, источников заимствования, то предварительно отметим следующее.

Во-первых, количество таких языков-источников очень велико. Роль их, конечно, различна. Так, из одних — греческого, латыни, французского и в несколько меньшей мере итальянского — в германские языки вошло множество слов, тогда как заимствования из некоторых других языков весьма малочисленны и порой составляют всего несколько лексем, как, например, заимствования из эскимосского: англ., нид., шв., дат. *anorak*, нем. *Anorak*, норв. *anorakk* 'анорак'; англ. *kajak*, нем. *Kajak*, нид., шв., дат., исл. *kajak*, норв. *kajakk* 'каяк'; слово *katamaran* 'катамаран', употребляющееся практически во всех германских языках, восходит к слову *kattumarān* 'связанные бревна' тамильского языка, из которого, видимо, нет других заимствований.

Во-вторых, целесообразно различать, так сказать, «заимствования для себя» и экзотизмы. Под первыми мы понимаем обозначения понятий из жизни заимствующего языкового коллектива, под вторыми — обозначения понятий (реалий) из жизни описываемого языкового коллектива. С этой точки зрения между употребляемыми в норвежском языке словами *anorakk* и *katamaran*, с одной стороны, и словами *maharaja* 'магараджа' и *kral* 'крааль' есть принципиальная разница. Первые обозначают классы предметов также норвежского быта, вторые используются только при описании жизни, соответственно, Индии и Южной Африки. Очевидно, что состав экзотизмов каждого отдельного языка весьма неоднороден с точки зрения степени употребительности: есть достаточно частотные экзотизмы (ср. норв. *kopek* 'копейка', *pagode* 'пагода', *pampa(s)* 'пампасы') и весьма редкие, в сущности окказиональные. Разумеется, в составе экзотизмов каждого из германских языков есть своя специфика, поскольку между отдельными языковыми коллективами существуют свои связи, оп-

ределяемые историческими, географическими и политическими факторами. Например, в нидерландском языке больше экзотизмов индонезийского происхождения (ср. *kampong* 'двор, обнесенный забором; квартал, населенный местными жителями', *baboe* 'няня-туземка', *sarong* 'саронг (вид юбки)' и т. п.), нежели в других германских языках, поскольку Индонезия до 1949 г. была нидерландской колонией. В норвежском языке есть ряд слов, обозначающих реалии жизни саами, живущих в северных областях страны: *kommager* 'сапоги из оленьей шкуры', *pesk* 'длиннополый кафтан из оленьей шкуры мехом наружу', *pulk* 'большие сани в форме лодки', *komse* 'колыбель (деревянный каркас, обтянутый оленьей шкурой)' и т. д.; эти лексемы если и употребляются в других германских языках (кроме шведского), то окказионально. Очевидно, что грань между экзотизмами и «заимствованиями себя» в известной мере условна, что можно показать на примере названий блюд, напитков, игр, танцев и т. п. Итальянское блюдо *pizza* 'пицца' распространилось во многих странах, и поэтому изначальный экзотизм превратился в обозначение «своего» явления. То же относится к названию первоначально американского напитка *coca-cola* 'кока-кола', названию латиноамериканского танца *cha-cha-cha* 'ча-ча-ча', обозначению уругвайской по происхождению карточной игры *canasta* 'канаста' и т. д.

В-третьих, сказанное выше о влиянии географических, исторических и политических факторов на состав экзотизмов в том или ином германском языке полностью относится к заимствованиям вообще. Классический пример — английский язык, который в результате норманнского завоевания Англии вобрал в себя колоссальное количество слов из французского. Нидерландский язык также, хотя и в меньшей мере, чем английский, усвоил много заимствований из французского, поскольку область его распространения непосредственно примыкает к области распространения французского; ср. отсутствующие в других германских языках лексемы *employé* 'служащий, работник', *cadeau* 'подарок', *canard* 'утка, ложный слух'. (Характерно, что в литературе средненидерландского периода, в том числе и в народном эпосе — «О Рейнарде Лисе», число слов французского происхождения очень велико; многие из слов того периода были впоследствии утрачены.) Помимо прямых заимствований из французского, в нидерландском много семантических заимствований, т. е. калек, ср.: *kleinzoon* 'внук' (фр. *petit-fils*), *schoondochter* 'невестка, сноха' (*belle fille*), *gevaar lopen* 'подвергаться риску', ср. нем. *Gefahr laufen* (*encourir danger*) и др. В идише, значительная часть носителей которого уже много веков живет в окружении славяноязычного населения, много славянизмов.

В-четвертых, говоря о языке, являющемся источником того или иного слова или словосочетания, обычно подразумевают язык, которому они

принадлежат, что, однако, не предполагает заимствования непосредственно из данного языка. Так, названное выше слово *katamaran* вошло в нидерландский, датский и другие германские языки не непосредственно из тамильского, а через посредство английского. Норвежское слово *kybernetikk* 'кибернетика', конечно, восходит к гр. *kybernetes* 'кормчий, рулевой', но создан этот термин не в Норвегии, а является норвегизированной формой английского слова *cybernetics*, созданного в 1948 г. американским математиком Норбертом Винером. Даже древнейшие заимствования из латыни в германские диалекты едва ли осуществлялись у каждого племени в результате непосредственного общения с римлянами, а, несомненно, во многих случаях передавались от племен, непосредственно контактировавших с римлянами, к более отдаленным соседям. Во многих случаях мы просто не знаем, вошла ли данная лексема в данный язык непосредственно из языка-источника или через посредство какого-либо другого языка (или нескольких промежуточных языков).

Итак, в следующем ниже разделе будут рассмотрены только основные языки — источники заимствований в германские языки. Вне рассмотрения будут оставлены экзотизмы. Не будут учитываться промежуточные звенья заимствований (тем более, что во многих случаях они неизвестны).

5.2.3.2. Негерманские языки — источники заимствований в германских языках

Важнейшие негерманские языки — источники заимствований в германских языках: латынь и греческий, французский, итальянский и древнееврейский. Рассмотрим их подробнее.

Классические языки (латынь и греческий). Можно выделить, по крайней мере, четыре пласта заимствований из этих языков, причем первый пласт составляют только латинские заимствования.

Древнейший пласт латинских заимствований восходит к эпохе первых контактов германских племен с Римской империей. Знакомясь с неизвестными для них ранее элементами культуры Рима — преимущественно материальной, древние германцы перенимали и обозначения. Это прежде всего различные сельскохозяйственные термины (в том числе названия неизвестных германцам культурных растений), термины строительного дела, торговые термины, названия предметов утвари и быта, термины, связанные с более развитой римской военной техникой, и т. д., ср. (приводятся немецкие слова, в скобках указана исходная латинская форма): *Sichel* 'серп' (*secula*), *Wein* 'вино' (*vinum*), *Käse* 'сыр' (*caseus*), *Kohl* 'капуста' (*caulis*), *Birne* 'груша' (*pirum*), *Mauer* 'стена (каменная)' (*murus*), *Keller* 'погреб' (*cellarium*), *Turm* 'башня' (*turris*), *Ziegel* 'кирпич' (*tegula*), *Fenster*

'окно' (*fenestra*), *kaufen* 'покупать' (*cauponare* < *caupo* 'торговец вином'), *Münze* 'монета' (*moneta*), *Zoll* 'пошлина' (*toloneum*), *Sack* 'мешок' (*saccus*), *Kessel* 'котел' (*catillus*, уменьш. от *catinus*), *Straße* 'улица' (*strata* (*via*) 'вымощенная дорога'), *Wall* 'вал' (*vallum*) и многие другие.

В этот период появляются также кальки. Хрестоматийным примером такого семантического заимствования являются древнегерманские обозначения дней недели: днв. *sunnuntag* (совр. *Sonntag*) 'воскресенье' (*dies solis*, букв. 'день солнца'), *manintag* (совр. *Montag*) 'понедельник' (*dies lunae* букв. 'день луны'), *mittwoche* (совр. *Mittwoch*) 'среда' (*media hebdomas* букв. 'середина недели'); имена древнеримских богов заменены в рассматриваемых названиях именами древнегерманских божеств: днв. *donerestag*, букв. 'день Донара (совр. *Donnerstag*) 'четверг' (*dies Jovis*, букв. 'день Юпитера').

Второй пласт заимствований из классических языков связан с христианизацией стран германских языков. К этому слою относятся, например, такие заимствования из греческого, как нид. *bijbel* 'Библия' (*biblia* — мн. ч. от *biblion* 'небольшая книга'), *priester* 'священник' (*presbyteros*), *kerk* 'церковь' (*kyriakon*), *bisschop* 'епископ' (*episkopos* или лат. *episcopus*), *engel* 'ангел' (*aggelos* или лат. *angelus*); из латыни: нид. *duivel* 'дьявол' (*diabolus*), *prediken* 'проповедовать' (*praedicare*), *non* 'монахиня' (*nonna*), *klooster* 'монастырь' (*claustrum*) и т. д. К этому же пласту относятся и кальки типа *dopen* 'крестить', ср. гот. *daupjan* (первоначальное значение 'погружать в воду', ср. *diups* 'глубокий') — эквивалент гр. *baptizein* с тем же изначальным значением.

Следует иметь в виду, что христианизация германских народов длилась много веков, поэтому заимствования этого рода существенно различаются хронологически от языка к языку.

Следующий пласт заимствований из латыни и греческого относится к средневековой науке. Здесь следует отметить три момента. Во-первых, немалая часть этого лексического пласта, в сущности, представляет собою часть предыдущего: средневековое образование было церковным, и церковь имела свои школы, обычно при монастырях, где изучалась латынь, в монастырях же осуществлялись переводы, писались богословские сочинения и т. д. Во-вторых, часть рассматриваемых лексем этого периода является не прямыми заимствованиями из классических языков, а словами, созданными в ту эпоху из латинских и греческих корней, т. е. лексическими единицами, в данной форме в классических языках не представленными, либо новыми значениями слов классических языков. Наконец, в-третьих, поскольку языком церкви и науки в средние века была латынь, многие новые слова сначала создавались в латинской форме и лишь потом подвергались изменениям, характерным при заимствовании.

Примерами единиц данного пласта могут служить датские слова: *skole* 'школа' (лат. *schola* < гр. *scholè* первоначально 'свободное время', т. е. 'время, которое можно использовать для ученых занятий', *professor* 'профессор' (лат. *professor* 'публично провозглашающий'), *student* 'студент' (лат. прич. наст. вр. от *studere* 'изучать', первоначально 'стараться'), *grammatik* 'грамматика' (от гр. *gramma* 'буква'). Примерами новых значений слов классических языков могут служить лексемы *universitet* 'университет' (лат. *universitas* 'общность' от *universus* 'целый, общий'), *fakultet* 'факультет' (лат. *facultas* первоначально 'способность, возможность' от *facere* 'делать').

В этот период создается также множество калек, ср.: нем. *das Gewissen*, нид. *geweten*, фриз. *gewisse*, норв. *samvittighet*, дат. *samvittighed*, шв. *samvete*, исл. *samviska* 'совесть' (лат. *conscientia*), нем. *beschreiben*, нид. *beschrijven*, норв., дат. *beskrive* (из нижненем.) 'описывать' (лат. *describere*), нем. *der Umstand*, нид. *omstandigheid*, фриз. *omstannichheit*, норв. *omstendighet* 'обстоятельство' (лат. *circumstantia*, в свою очередь из гр. *peristasis*), нем. *der Eindruck*, нид. *indruk*, фриз. *yndruk*, дат. *indtryk* 'впечатление' (лат. *impressio*) и т. д.). Последний пласт заимствований из классических языков — научные, технические и другие термины нового и новейшего времени — представляют собою, как и упомянутая выше часть слов предшествующего периода, в основном единицы, созданные из корней латинского и греческого языков (приводятся норвежские примеры) *teknikk* 'техника' (от гр. *techne* 'ремесло, искусство'), *elektrolyse* 'электролиз' (от гр. *elektron* 'янтарь' и *lysis* 'растворение'), *fotografi* 'фотография' (от гр. *phos*, род. п. *photos* 'свет' и *grapho* 'пишу'), *valens* 'валентность' (от лат. *valentia* 'сила'), *leukemi* (*levkemi*) 'лейкемия' (от гр. *leukos* 'белый' и *haima* 'кровь'), *liberalisme* 'либерализм' (от лат. *liber* 'свободный'), *substrat* 'субстрат' (от лат. *substratum* 'основа, подкладка' < *sub-* 'под', *stratum* 'слой'), *økologi* 'экология' (от гр. *oikos* 'дом, родина' и *logos* 'речь, разум, учение'). Нередки сочетания в одном слове греческих и латинских элементов, ср. норв. *telekommunikasjon* 'телекоммуникация' (от гр. *tele* 'дальний' и лат. *communicatio* 'связь'), *klaustrofobi* 'клаустрофобия' (от лат. *claustrum* 'монастырь' и гр. *phobos* 'страх').

Французский язык оказал значительное влияние на лексику германских языков, в особенности в обозначении понятий из области духовной жизни, политики, дипломатии, военного дела, коммерции, кулинарии и т. д., ср. шв. (в скобках французские слова-источники): *litteratur* 'литература' (*littérature*), *balett* 'балет' (*ballet*), *regissør* 'режиссер' (*régisseur*), *uvertyr* 'увертюра' (*ouverture*), *vernissage* 'вернисаж' (*vernissage*), *parti* 'партия' (*parti*), *regim* 'режим' (*régime*), *chargé d'affaires* 'поверенный в делах' (*chargé d'affaires*), *doyen* 'дуайен' (*doyen*), *aggression*

'агрессия' (*agression*), *sergeant* 'сержант' (*sergent*), *bataljon* 'батальон' (*bataillon*), *kasern* 'казарма' (*caserne*), *finanser* 'финансы' (*finances*), *à jour* 'по сегодняшний день' (*à jour*), *sås* 'соус' (*sauce*), *gelé* 'желе' (*gelée*), *passagerare* 'пассажир' (*passager*), *elegant* 'элегантный' (*élégant*), *charmant* 'очаровательный' (*charmant*), *celebritet* 'знаменитость' (*célébrité*), *chef* 'шеф' (*chef*), *nivå* 'уровень' (*niveau*), *miljö* 'среда' (*milieu*) и т. д.

Существенно, что в большом числе случаев заимствования из латыни в германские языки осуществлялись именно через французский язык. Так, дат., шв. и т. д. *kultur* 'культура' вошло в эти языки из немецкого, в который оно заимствовано из французского (из него же оно заимствовано в нидерландский), а фр. *culture* восходит к лат. *cultura*.

Немало в германских языках и семантических заимствований из французского, например: нем. *die öffentliche Meinung*, норв., дат. *den offentlige mening* и т. д. 'общественное мнение' (*l'opinion publique*); нем. *Tagesordnung*, нид. *dagorde*, норв., дат. *dagsorden*, шв. *dagordning* 'повестка дня' (*ordre de jour*); нем. *auf der Höhe sein*, норв. *være på høyden*, дат. *være på højden* 'быть на высоте' (*être à la hauteur*); нем. *einem Mädchen den Hof machen*, нид. *een meisje het hof maken* 'ухаживать за девушкой' (*faire la cour à qn*, ср. рус. уст. *стroitь куры*, норв. *gjøre kur til noen*) и т. д.

Особенно велико было влияние старофранцузского на английский язык, явившееся результатом норманнского завоевания. И в современном английском языке многие важнейшие понятия выражены словами романского происхождения: *very* 'очень', *large* 'большой', *poor* 'бедный', *lake* 'озеро', *flower* 'цветок', *place* 'место', *doubt* 'сомнение', *fault* 'вина' и т. д.

Довольно многочисленные заимствования из **итальянского языка** относятся прежде всего к сферам искусства, финансов и военного дела. Примерами могут служить следующие лексемы (приводятся немецкие слова): *Oper* 'опера' (*opera*, сокр. от *opera per musica* 'музыкальное сочинение'), *Konzert* 'концерт' (*concerto*, первоначально 'созвучие'), *Baß* 'бас' (*basso*, первонач. 'низкий'). *Allegro* 'аллегро' (*allegro*), *Aquarell* 'акварель' (*aquarello*), *Galerie* 'галерея' (*galleria*), *Bank* 'банк' (*banco, banca*, первоначально 'скамья', т. е. 'стол менялы'), *Konto* 'счет' (*conto*), *Saldo* 'сальдо' (*saldo*, первоначально 'целый, прочный'), *netto* 'нетто' (*netto*, первоначально 'чистый'), *Kasse* 'касса' (*cassa*, первоначально 'ящик'), *Soldat* 'солдат' (*soldato*, буквально 'оплачиваемый'), *Kavallerie* 'кавалерия' (*cavalleria*), *Panzer* 'броня; танк' (*panciera*) и др.

Часть этих заимствований пришла в германские языки через посредство французского.

Заимствования из **древнееврейского** имеются во всех германских языках: это ряд слов из Библии, в первую очередь Ветхого Завета. Таковы,

например, в шведском языке слова *satan* 'сатана', *seraf* 'серафим', *halleluja* 'аллилуйя', *amen* 'аминь', *påsk* 'пасха', *farisé* 'фарисей' и т. п.

Естественно, что всего более слов древнееврейского происхождения в идише, поскольку древнееврейский язык был и остается культовым языком всех верующих евреев независимо от языка, на котором они говорят. Семитизмы характерны для самых разных сфер лексики идиша.

Любопытно, что всего более заимствований из древнееврейского, кроме, разумеется, идиша, в нидерландском языке, в который они вошли через посредство идиша. Правда, эти заимствования характерны преимущественно для разговорной речи и часто имеют пейоративную окраску, например: *bolleboos* 'знаток, дока', *goochem* 'продувной, пронырливый', *kapoeres* 'испорченный; конченный; мертвый' (*kapoeres gaan* 'приказать долго жить'), *sjofel* 'обшарпанный; нищенский', *pleite gaan* 'смываться; разоряться', *gozer* 'парень, малый' и др.

Даже оставляя в стороне экзотизмы типа нем. *Sultan*, *Kakadu*, *Zebra*, в том числе и те, которые приобрели дополнительные метафорические значения типа *Bumerang*, *Oase*, *Harakiri*, *Kaste*, *Bonze* и т. п., нет возможности перечислить все те языки, заимствования из которых представлены в германских языках. Ограничимся поэтому небольшим количеством примеров (приводятся немецкие слова; в скобках указывается язык-источник; промежуточные языки, через которые проходило заимствование, не указываются): *Lakai* 'лакей' (исп.), *Kiosk* (перс.), *Jasmin* 'жасмин' (араб. или перс.), *Algebra* (араб.), *Ottomane* 'диван' (тур.), *Kakao* (из одного из индейских языков Мексики), *Tabu* (язык тонга из полинезийской семьи), *Gong* (малайск.). *Tee* 'чай' (китайск.), *Gummi* 'резина' (древнеегипетск.), *Reis* 'рис' (санскр.) и т. д.

5.2.3.3. Характеристика современных германских языков с точки зрения удельного веса заимствований. Пуризм

Удельный вес слов иноязычного происхождения существенно варьируется в германских языках. Крайними полюсами являются исландский, лексика которого является «наиболее германской», т. е. в нем меньше, чем в других германских языках, слов иноязычного происхождения, и английский, в котором иноязычные элементы составляют весьма значительную часть лексики.

Разумеется, имеются немалые различия между удельным весом заимствованных элементов в языке и в речи. Множество слов иноязычного происхождения, в особенности специальная лексика, обладают очень низкой частотностью, т. е. достаточно редко встречаются в неспециальных текстах, однако эти слова составляют существенную по объему часть словаря современного языка. При этом следует иметь в виду, что в специаль-

ных текстах нередко используются термины — синонимы слов обычного языка, причем, как правило, слов заимствованных, ср.: норв. *pnevmoni* 'пневмония' — *lungebetennelse* 'воспаление легких', *luksasjon* 'вывих' — *forvridding*, *tremor* 'тремор' — *dirring*, *skjelving* 'дрожание', *lumbago* 'люмбаго' — *hekseskudd* 'прострел', *auskultere* 'аускультировать' — *lytte på (hjerte og lunger)* 'выслушивать' и т. д.

Существен, далее, и тот общеизвестный факт, что в книжном стиле часто используются иностранные слова, имеющие исконные соответствия: норв. *pittoresk* — *malerisk* 'живописный', *massacre* — *blodbad* 'кровопролитие', *rural* — *landlig* 'сельский', *kongenial* — *åndsbeslektet* 'конгениальный' и т. п. Лишь в исландском языке наблюдается обратная картина: иностранные слова возможны в разговорной (точнее: литературно-разговорной) речи, но избегаются в письменной, поскольку считаются несовместимыми с хорошим стилем; так, в устной речи возможны слова *próblem*, *akseptera*, *traktór*, но на письме обычно употребляются лексемы *vandamál* 'проблема', *fallast á e-ð* 'принимать что-л.', *drattarvél* 'трактор'. Характерно, что исландский «Словарь сленга» (Amason e. a., 1982) включает в себя, например, следующие слова (в скобках указаны общепринятые лексемы): *filma* 'фильм' (*kvikmynd*), *instrúment* 'инструмент (музыкальный)' (*hljóðfæri*), *róbott* (*róbót*) 'робот (также перен.)' (*vélmenni*), *sjarmera* 'очаровывать' (*töfra*, *heilla*) и т. д. Сходное положение в фарерском.

Как сказано выше, исландский и английский языки являются среди германских языков крайними полюсами с точки зрения удельного веса иноязычных слов. Ближе всего к исландскому стоит в этом отношении фарерский, который несколько менее пуристичен (если отвлечься от множества калек с датского и исландского). Далее следует немецкий язык с его довольно многочисленными пуристическими заменами. Для того чтобы расположить остальные германские языки между названными крайними точками, нет надежных объективных данных. В общем, видимо, можно утверждать, что континентальные скандинавские языки и нидерландский приблизительно в одинаковой степени содержат в себе иноязычные элементы, во всяком случае различия не очень велики. Здесь, впрочем, необходимо сделать два уточнения.

Первое уточнение относится к нидерландскому языку. С одной стороны, в нем немало прямых заимствований из французского языка, отсутствующих в других германских языках, что находит свое естественное объяснение в том, что области распространения нидерландского и французского языков соприкасаются. С другой стороны, в результате усилий пуристов в нидерландском языке есть значительное количество широко используемых соответствий интернационализмам, ср.: *spraakkunst*

'грамматика' (наряду с *grammatica*), *wiskunde* 'математика' (также *mathe-matica*), *wijsbegeerte* 'философия' (также *filosofie*), *aardrijkskunde* 'география' (наряду с *geografie*), *scheikunde* 'химия' (чаще *chemie*), *boekeryj* 'библиотека' иоке *bibliothek*), *redenaar* 'оратор' (также *orator*) и т. д.

Второе уточнение касается норвежского языка. В отношении к словам иноязычного происхождения между двумя вариантами норвежского языка существуют значительные различия. Букмол в общем не пуристичен, тогда как «новонорвежскому» свойственно стремление избегать ненорвежских слов. Характерно при этом, что прежде всего избегаются не интернационализмы (напротив, их употребление теперь как бы свидетельствует о том, что «новонорвежский» — полноценный литературный язык, в том числе язык науки), а данизмы, т. е. слова «датско-норвежского» языка, особенно нижненемецкого происхождения, которые имеют иные соответствия в норвежских диалектах, ср.: ннор. *rørsle* 'движение' — *bevegelse*, *byrja* 'начинать(ся)' — *begynne*, *halda fram med* 'продолжать' — *fortsette*, *vornad* 'уважение' — *aktelse*, *kjensle* 'чувство' — *følelse* и т. д.

Что касается других германских языков, то приходится ограничиться краткими замечаниями. Во фризском языке иноязычные слова не только не избегаются в книжном стиле, но, напротив, широко используются, возможно, с той же целью, что и в «новонорвежском» — для придания ему большего престижа, для демонстрации того, что он, в частности, может быть полноценным языком науки. В результате сознательной изоляции языка африкаанс от английского, активного антианглийского пуризма, в нем значительно меньше — примерно в 20 раз — английских заимствований, нежели в нидерландском, из которого он развился.

Идиш занимает в отношении лексического состава особое место среди германских языков: в нем велика доля слов древнееврейского и славянского происхождения. Немало случаев дублетных обозначений одного понятия: ср. *krig* (из нем.) и *milxome* (из др.-евр.) 'война' и т. д. В общем, пуризм этому языку не свойствен.

Как видно из приведенного материала, наиболее пуристическими из современных германских языков являются исландский, фарерский и африкаанс, а также — в определенном отношении — «новонорвежский». Возникает вопрос: почему пуризм характерен именно для этих языков? Соблазнительно увидеть ответ на этот вопрос в количестве говорящих на данных языках. Действительно, исландский и фарерский занимают соответственно предпоследнее и последнее место среди германских языков по числу их носителей, «новонорвежским» пользуются, по нашим подсчетам, максимум 0,7 млн человек (реально, видимо, значительно меньше). С другой стороны, наименее пуристичен английский язык, являющийся родным примерно для 400 млн человек. Однако ряд фактов препятствует призна-

нию числа говорящих на том или ином языке определяющим фактором степени «пуристичности» языка. Так, немецкий язык (около 100 млн носителей) — при всем значительном количестве заимствований в нем более пуристичен, чем, к примеру, шведский (8,5 млн), а фризский (ок. 400 тыс.) менее пуристичен, нежели африкаанс (ок. 5 млн) и т. д.

Главную роль играют здесь различные социоисторические и социопсихологические моменты. Пуризм возникает не сам по себе, а как проявление определенного умонастроения (влиятельных слоев) общества, как реакция на некоторые исторические условия. Разумеется, шкала таких социопсихологических установок достаточно широка. Крайними ее точками являются, с одной стороны, шовинизм, и с другой — комплекс национальной неполноценности (вопрос о частой связи этих крайностей здесь рассматриваться не будет) с множеством промежуточных ступеней. Так, период нацизма в Германии с его беспримерным шовинизмом ознаменовался активной пуристической деятельностью. Противоположный крайний пример — Фландрия, в которой нидерландский язык, на протяжении длительного времени не имевший официального статуса и престижа, характеризуется рядом пуристических замен прежде всего французских слов, не свойственных нидерландскому языку в Нидерландах. Исландский пуризм был вызван прежде всего стремлением сохранить самобытность и демократичность языка крестьянского общества, имеющего длительную культурную традицию.

Пуризм может проявляться по-разному. Возможны две пересекающихся классификации этого явления. С точки зрения охвата слов, подвергающихся замене, пуризм бывает глобальный и избирательный. Глобальный пуризм направлен против любых иностранных слов независимо от их происхождения. Глобальными пуристами были, например, такие представители немецкого «гиперпуризма» («ультрапуризма»), как Филипп фон Цезен (1619—1689), Й. Г. Кампе (1746—1818) и некоторые другие, «онемечивавшие» заимствования латинского, французского, итальянского, английского и др. происхождения. Глобальную направленность имеет и исландский пуризм. Избирательный пуризм направлен прежде всего против заимствований из какого-либо одного конкретного языка. Так, для «новонорвежского» характерна особая нетерпимость по отношению к словам, общим для букмола и датского (особенно нижне-немецкого происхождения), но не свойственным норвежским диалектам; фламандский (бельгийский) вариант нидерландского пуристичен лишь в отношении французского; африкаанс — в отношении английского.

Объектом пуристической деятельности могут быть иностранные слова, уже проникшие в язык, и слова — обозначения понятий, еще не получивших наименования в данном языке. Иначе говоря, один вид пуризма

характеризуется тем, что из языка изгоняются слова, уже укоренившиеся в нем в большей или меньшей степени, другой вид — созданием из средств родного языка новых слов — эквивалентов иностранных, в недопущении прямых иноязычных заимствований. Первый вид пуризма можно назвать изменительным, второй — охранительным. Примером первого вида может служить деятельность немецких и фламандских пуристов, примером второго — усилия пуристов Исландии.

Для успешного осуществления пуристической деятельности необходимо, по крайней мере, два условия.

Первое условие состоит в положительной установке общества к широкомасштабной замене иноязычных слов словами родного языка (при изменительном пуризме) или к недопущению иностранных слов в язык (при охранительном пуризме). Очевидно, что такая психологическая установка возможна тогда, когда в обществе достаточно сильны патриотические настроения, что особенно характерно для периодов освободительной борьбы, национального подъема и аналогичных. Важную роль может играть, как в Исландии, сложившаяся традиция недопущения прямых заимствований в язык.

Естественно, что отношение к иноязычным заимствованиям в каком-либо обществе может со временем изменяться. Так, в современном немецком языке употребляется значительное количество иностранных слов типа *Intercity-Zug* 'экспресс (останавливающийся только в крупных городах)', *Walkman* 'портативный кассетный проигрыватель с наушниками' и т. п.

Второе условие — это хорошее качество слов-заменителей. Хотя об этом написано много, строго говоря, четких критериев здесь в общем нет. Конечно, громоздкие заменители с неубедительной внутренней формой имеют мало шансов привиться. Примерами подобных неудачных заменителей могут служить сконструированные Ф. фон Цезеном слова и даже словосочетания вроде *Tageleuchter* букв. 'дневной осветитель' вместо *Fenster* 'окно', или *Zeugemutter aller Dinge* букв. 'праматерь всех вещей' вместо *Natur* 'природа'. Вместе с тем сравнение тех предложенных Й. Г. Кампе заменителей, которые получили права гражданства, например *Haft* вместо *Arrest* 'арест', *Umschlag* вместо *Kuvert* 'конверт', *Stufe* вместо *Grad* 'степень, ступень', с теми, которые не привились, например *Erzvater* вместо *Patriarch* 'патриарх', *Anderswo* букв. 'в другом месте' вместо *Alibi* 'алиби' (первоначально лат. 'в другом месте'), *Gevierte* вместо *Quadrat* 'квадрат', не всегда приводит к выводу о неудачности последних, хотя их и называют «корявыми», «безобразными», «грубыми». Представляется, что подобные оценки часто возникают уже впоследствии, когда слово-заменитель по не вполне ясным причинам не вошло в язык, и выдвигаются в качестве объяснения этого факта. Слово *Stelldichein* 'свидание' (букв.

'явись'), укоренившееся в немецком языке и вытеснившее бытовавшее ранее французское заимствование *Rendez-vous*, ничуть не лучше отвергнутого языком *Anderswo*; с точки зрения громоздкости и/или странности внутренней формы, на наш взгляд, не слишком удачны и такие вошедшие в употребление пуристические замены, как *Bürgersteig* 'тротуар' (*Bürger* 'горожанин', *Steig* 'дорожка'), *Fahrstuhl* 'лифт' (*fahren* 'ехать', *Stuhl* 'стул'), *Kraftwagen* 'автомобиль' (*Kraft* 'сила', *Wagen* 'повозка'), *Mundart* 'диалект' (*Mund* 'рот', *Art* 'вид'), *Springbrunnen* 'фонтан' (*springen* 'прыгать', *Brunnen* 'колодец') и мн. др.

В оценке пуризма как явления немало субъективности и нечеткости. С одной стороны, всеми признается, что не следует без нужды засорять язык иностранными словами (на кальки внимания обращается мало), с другой — утверждается, что в замене иноязычных слов не следует заходить слишком далеко. Однако никаких количественных критериев при этом, естественно, не выдвигается, и они едва ли возможны. Не является критерием и важность («частотность») понятия: казалось бы, наиболее важные понятия не должны означаться иноязычными словами, но это не так, что может быть проиллюстрировано обозначением понятия «газета»: ср., с одной стороны, заимствования — нид. *krant*, фриз. *krante*, афр. *krant* (сокращенная форма слова *courant*, восходящего к возникшему в XVI в. сочетанию *courante nouvelles* 'текущие новости' из франц. *nouvelles courantes*), норв., дат. *avis* (от франц. *avis* 'сообщение'), с другой стороны, — нем. *die Zeitung*, шв. *tidning*, ид. *caitung*, исл., фар. *dagblað*, англ. *newspaper*. О сомнительном качестве некоторых укоренившихся слов-заменителей говорилось выше. Таким образом, приходится признать, что, по крайней мере, иногда судьба того или иного заимствования — останется ли оно в языке или будет вытеснено словом-заменителем — определяется не поддающимися учету случайными факторами.

Таким образом, в лексике германских языков слой ранних заимствований восходит к кельтским, латинскому, греческому языкам, позднейших — к латинскому, французскому. Исконно германскую основу лексики в наибольшей степени сохранил исландский язык, в котором почти нет заимствованных слов. Английский язык выделяется этимологической неоднородностью словарного состава, из трех основных источников заимствования (скандинавские, латинские, французские) самым сильным оказалось воздействие французского языка. На скандинавские языки (кроме исландского) большое влияние оказал нижнегерманский (XIV—XV вв.).

Среди способов словообразования особое место принадлежит именовому словосложению. Из аффиксальных способов для именного словопроизводства типична суффиксация, для глагольного — префиксация. Конверсия отмечена в ряде языков, но наиболее продуктивна в английском.

Если сравнить древнегерманские языки, известные нам по письменным памятникам, с их современным состоянием, можно видеть, насколько ближе между собой они были в прошлом. В древних текстах легко прослеживаются их родственные черты, особенно в области лексики и грамматического строя. Дальнейший ход истории определил судьбу каждого германского народа. Когда-то близкородственные германские языки все более и более обособлялись, в развитии каждого из них появились новые тенденции; многие общие черты скрылись под слоями многовековых изменений.

5.3. Социолингвистическая типология германских языков

Классификация языков — распределение языков мира при их сравнительном изучении по определенным таксономическим рубрикам в соответствии с принципами, вытекающими из общей цели исследования и на основе определенных признаков. Существует 4 основных вида классификации языков: генеалогическая, ареальная, типологическая, социолингвистическая.

Генеалогическая классификация языков основана на понятии языкового родства; ею занимается сравнительно-историческое языкознание. В **ареальной** классификации учитываются признаки, связанные с языковыми контактами, взаимоотношениями между языками (ареальная лингвистика) или диалектами (лингвистическая география). **Типологическая** классификация языков основана на сходстве (формальном или семантическом), которое не может быть объяснено генеалогическими или ареальными причинами, а обусловлено единством человеческой природы и языка человека. Типологической классификацией языков занимается лингвистическая типология и лингвистика универсалий.

Социолингвистическая (функциональная) классификация языков основана на определении объема и структуры коммуникации на том или ином языке. Она основана на: 1) количестве людей, говорящих на этом языке; 2) количестве этносов, говорящих на этом языке; 3) количестве стран, где он используется; 4) составе общественных функций и социальных сфер, в которых используется язык (в каждой из стран). Учитывается также юридический статус языка в государстве, степень его нормированности, наличие литературного языка и его письменная традиция. На основании названных параметров выделяются, в частности, так называемые коммуникативные ранги языков: 1) **мировые** языки — используются для межэтнической и межгосударственной коммуникации, имеют статус официальных и рабочих языков ООН (английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский); 2) **международные** языки — используются для межэтнической и

межгосударственной коммуникации, но не имеют статуса ООН (например, индонезийский язык для стран малайского архипелага); 3) **национальные** языки — имеют юридический статус государственного или официального языка или фактически выполняют функции основного языка межэтнического общения в многоязычном социуме (например, хинди или урду в Индии); 4) **региональные** языки — языки межэтнического общения, как правило, письменные, но не имеющие статуса официального языка (например, чжунаньский язык в Китае); 5) **местные** языки — бесписьменные языки, которые используются в устном неофициальном общении внутри этнических групп в полиэтнических социумах.

Охарактеризуем германские языки более подробно на основании названных выше параметров.

По числу говорящих германские языки сильно разнятся. В этом отношении показательны Исландия и Фарерские острова. В Исландии с ее 267-тысячным населением есть все ступени образования вплоть до университета (правда, количество специальностей ограничено), издается богатая периодика, выходит несколько сотен названий книг в год, работает телевидение и т. д. Иное положение на Фарерских островах, население которых составляет всего 45 тыс. человек. Хотя здесь издается несколько газет, которые публикуют материалы только на фарерском языке, и в год выпускается около сотни названий книг, фаререц — по крайней мере, образованный — больше читает по-датски (датский язык изучается с 3-го класса, и практически все фарерцы двуязычны). В старших классах школы используются датские учебники, развлекательная литература приходит на датском, в «Научном центре» (в университете) обучается 60—70 студентов и т. д. Одним из следствий такого положения является недостаточная разработанность фарерской научно-технической терминологии.

Однако, разумеется, само по себе количество говорящих еще не определяет разнообразия сфер функционирования языка. Важнейший фактор — это то, является ли данный язык единственным языком определенного социума или нет и каков сам статус этого социума. Так, число фризов (в Нидерландах) значительно превышает число исландцев, но тем не менее роль фризского языка за пределами сферы устного общения достаточно скромна: например, 79 % фризов никогда не имеют на работе дела с фризскими текстами, 66 % фризов никогда не покупают фризских книг, языком преподавания в школах (за исключением части 1—2-х классов в некоторых школах) является нидерландский и т. д. Существенно, что фризы составляют менее 3 % всего населения Нидерландов, а для социального продвижения индивида, естественно, необходимо уверенное владение основным языком страны, в данном случае нидерландским. Фризы же — народ, игравший и играющий заметную роль в политической, научной и

культурной жизни Нидерландов. До некоторой степени сходно положение шведского — одного из двух государственных языков — в Финляндии, на котором сейчас говорит около 6 % населения страны (ср. 14,3 % в 1880). Характерно, что по «оптимистическому» прогнозу количество лиц с родным шведским языком должно уменьшиться на 7 %, по «пессимистическому» — на 27 %, т. е. будет продолжать сокращаться.

Следующий важный демографический фактор, определяющий статус языка в социуме, где главным является другой язык, — это плотность, точнее компактность, проживания носителей данного языка, что, в частности, определяет возможность создания автономных единиц, организации преподавания на языке и т. д. Неслучайно, например, что количество лиц среднего и младшего возраста, для которых идиш родной язык, сейчас мало; впрочем, в этом случае решающим фактором во многих странах является не распыленность, а сознательная языковая ассимиляция.

Еще одним существенным фактором, определяющим развитие языка, на котором говорит небольшое число людей, является степень билингвизма, точнее, немонолингвизма говорящих, что, конечно, является следствием статуса данного языка. Так, практически все нидерландские фризы и почти все фарерцы — билингвы; это относится и к подавляющей массе носителей идиша в разных странах. Можно утверждать, что в неизбежной для данной нации коллизии между естественным желанием способствовать знанию родного языка, в частности дать своим детям языковую подготовку в школе, и столь же естественным желанием вооружить знанием языка, открывающим путь к социальному продвижению вверх, победу одерживает последнее. Явление это, конечно, глобальное, характерное для малых народов в самых разных странах. Овладение более престижным, а главное, более перспективным языком ограничивает сферы применения родного. Исключением являются редкие случаи сознательного культивирования «своего» языка, как, например, обстоит дело с «новонорвежским» (кстати, ни для кого не являющегося родным: пользующиеся им говорят обычно в семье на диалекте). Степень билингвизма, диглоссии, бывает разной (и, отметим попутно, не столь уж часто стопроцентной по всем параметрам): например, в немецкоязычной Швейцарии, где, как правило, говорят на диалектах, а пишут на литературном немецком языке, средний индивид говорит на литературном языке скованно, часто с ошибками и старается избежать этого. Еще более показателен пример Люксембурга. Родной язык населения — люксембургский, или летцебургский (немецкий диалект мозельско-франкской группы), а официальные языки страны — немецкий (литературный) и французский, так что все люксембуржцы, по крайней мере теоретически, трилингвы.

На основании сделанных выше замечаний и более детального изучения германских языков среди них можно выделить восемь основных типов [Берков, 2001, 277—280]. При этом следует иметь в виду, что а) в чистом виде эти функции встречаются редко, поскольку обычно к основной функции присоединяются некоторые дополнительные, б) каждый последующий тип включает в себя функции предыдущего.

Tun 1 — функция бытового (неофициального) общения. Собственно языков среди германской группы, принадлежащих к этому типу, видимо, нет. Такая функция характерна лишь для территориальных диалектов или креольских языков. Сказанное, разумеется, не исключает спорадического использования диалекта в публичных выступлениях, на радио или по телевидению, публикации текстов (вплоть до книг) на диалекте и т. д. Например, в Сев. Норвегии, в Холугаланне, работает театр, где спектакли идут на диалекте (даже ибсеновский «Пер Гюнт» был поставлен в переводе на диалект). Сходно было положение нижненемецкого в ФРГ.

Tun 2 — функция официального устного общения. Широко выполняется люксембургским и швейцарско-немецкими диалектами. Характерно, что для них нет социальных ограничений и престиж их даже выше литературного немецкого. Эта функция сочетается с функцией ограниченного неофициального письменного общения, куда можно отнести литературу на диалекте, краткие публикации в прессе и т. п.

Tun 3 — функция ограниченного официального — устного и письменного — общения. Характерна для национальной общности, не составляющей какой-либо административной единицы, т. е. для более или менее крупных групп национальных меньшинств, живущих рассеянно в стране (например, скандинавы в США и Канаде; выходят газеты на скандинавских языках и под.).

Tun 4 — функция официального средства общения негосударственного, но административно выделенного социума — автономной области, провинции и т. п. Как правило, носители этого типа языков — билингвы, а сам их язык испытывает влияние государственного. К этому типу относятся языки фризский и фарерский.

Tun 5 — функция одного из государственных (официальных) языков страны. Таковы функции нидерландского в Бельгии, африкаанс в ЮАР, немецкого в Швейцарии и Люксембурге и др. Особый случай — букмол и «новонорвежский», результат исключительного развития языковой ситуации в Норвегии.

Tun 6 — функция официального языка одной и только одной страны. Таких германских языков всего два — датский и исландский.

Tun 7 — функция официального языка более чем одной страны. Возможны два варианта такой функции. Во-первых, язык может быть единст-

венным государственным (официальным) языком двух и более стран (как, например, испанский в Испании и ряде стран Латинской Америки). Таких языков среди германских нет. Во-вторых, он может быть единственным государственным (официальным) языком одной или нескольких стран и одновременно одним из двух или более государственных (официальных) языков в другой стране или других странах. Так, английский — единственный государственный язык в Англии, США, Австралии, Новой Зеландии и т. д. и в то же время один из государственных языков в Канаде, ЮАР, ряде бывших английских колоний и др. Немецкий — единственный государственный язык в ФРГ и Австрии, но также один из государственных языков Швейцарии и Люксембурга. Сходно положение шведского и нидерландского языков. Как явствует из сказанного, этот тип языков включает в себя и те современные германские языки, которые были отнесены к типу 5.

Тип 8 — функция языка международного общения. Характерна для английского и в меньшей степени немецкого.

Еще одна социолингвистическая классификация языков — с точки зрения степени их нормированности. Большинство германских языков характеризуются четкой кодифицированностью, закреплённой нормой. Таковы английский (с несколькими вариантами нормы), немецкий (то же), шведский (в двух вариантах), датский, исландский, фарерский, африкаанс, нидерландский в Нидерландах, фризский. С остающимися языками и вариантами дело обстоит сложнее. Нормализаторы нидерландского языка в Бельгии выступают за сохранение некоторой фламандской специфики, но четкой программы, за исключением стремления сохранить особенности произношения и трехродовую систему существительного, у них нет. Нет единой четкой нормы у идиша в его разных региональных вариантах: так, идиш в России в ряде отношений, прежде всего в лексике, отличен от идиша, например, в США. Совершенно особое положение у норвежского языка: основной его вариант — букмол — после так называемых «изменений в орфографии и норме для учебников» 1981 г. стал столь многовариантен, приобрел такой спектр альтернативных норм, что удалился даже от подобия нормы больше, чем когда-либо раньше.

Наконец, возможна еще одна классификация современных германских языков — с точки зрения их будущего. Большинство их развивается так, что количество говорящих на них растет. Обратное развитие отмечается у нижеследующих языков (их можно назвать «минус-языками») и вариантов.

Сопоставление результатов двух социолингвистических обследований во Фрисландии показывает, что количество лиц с родным фризским языком несколько сократилось, ср. данные 1980 г. (в скобках данные 1967 г.):

в быту фризским пользуются 59 % населения провинции (71 %), из них в городах — 41 % (49 %), в сельской местности — 71 % (81 %). Характерно, что к 11 годам 98 % жителей Фрисландии умеет говорить по-нидерландски. Впрочем, на статистических данных отразился также рост нефризского населения в провинции. Тем не менее тенденция к отступлению фризского языка явная (существует даже фризское обозначение этого процесса — *untfrysking* 'букв. дефризация, обесфризивание'). Думается, однако, что не следует и переоценивать роль этой тенденции, поскольку есть факторы, прежде всего социально-психологического характера, сдерживающие ее проявление. В двух других районах бытования фризского языка процесс этот идет интенсивнее: на восточно-фризском сейчас говорит около 1 тыс. человек, на северо-фризском — около 8 тыс. (для начала 40-х гг. эти цифры были соответственно 3 тыс. и 18 тыс.).

Сокращается число говорящих на идише.

Явственно прослеживается тенденция к сокращению количества говорящих по-шведски в Финляндии: за 100 лет их число сократилось более чем в 2,5 раза. Однако до полного его исчезновения далеко и перспективы развития неясны. Думается, в силу ряда факторов произойдет определенная стабилизация.

Несколько парадоксально стабилизировалось положение «новонорвежского». Количество учащихся с первым языком преподавания «новонорвежским» (единственный показатель, приводимый в статистических ежегодниках) после длительного снижения с 1976 г. удерживается на уровне 16—16,5 %. Такое положение определяется как некоторыми административно-политическими, так и социально-психологическими моментами.

Быстро убывает количество переселенцев, говорящих на родном языке. Если в 1910 г. в США суммарный тираж периодики на трех скандинавских языках составлял 922 тыс. экземпляров, то к 1960 г. он снизился до 120 тыс., т. е. более чем в 7,5 раз. Обычно к третьему поколению родной язык переселенцев утрачивается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Лекция 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ	
1.1. Германская филология, ее предмет и задачи	5
1.2. Принципы классификации языков. Генеалогический принцип классификации языков	5
1.3. Сравнительно-историческое языкознание. Сравнительно-исторический метод	14
1.4. Краткие сведения из истории ния германских языков	18
Лекция 2. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН	
2.1. Древнейшие сведения о германцах	23
2.2. Свидетельства о германских языках в дописьменный период	34
2.3. Древнегерманские племена и их языки	37
2.4. Великое переселение народов	38
2.5. Формирование варварских королевств	43
2.6. Виды письменности германцев	45
Лекция 3. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ	
3.1. Общегерманские черты в ударении и системе фонем	53
3.1.1. Ударение. Гласные. Аблаут. Умлаут	53
3.1.2. Согласные. Первое передвижение согласных	57
3.2. Общегерманские черты морфологической системы	59
3.2.1. Существительное	60
3.2.2. Прилагательное	60
3.2.3. Глагол	61
3.3. Общегерманская лексика	62
3.3.1. Общеиндоевропейская лексика	63
3.3.2. Общегерманский словарный фонд	65
3.3.3. Общегерманские заимствования	66
Лекция 4. ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПОДГРУПП ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ	
4.1. Общая характеристика восточногерманских языков. Готы. Готский язык	68
4.2. Общая характеристика северогерманских (скандинавских) языков ..	71
4.2.1. Краткие сведения о древних скандинавах	71

4.2.2. Отличия современных скандинавских языков от западногерманских	76
4.3. Общая характеристика западногерманских языков	76
4.3.1. Происхождение западногерманских языков	76
4.3.2. Современные западногерманские языки	80
4.3.2.1. Особенности англо-фризской подгруппы	81
4.3.2.2. Некоторые общие черты немецкого и идиша, нидерландского и африкаанс	81
4.3.2.3. Особенности немецкого языка и идиша	82
4.3.2.4. Особенности нидерландского языка и африкаанс	84

Лекция 5. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

5.1. Краткое обобщение истории развития германских племен и языков	86
5.2. Сходства и различия современных германских языков	91
5.2.1. Фонетика	91
5.2.2. Грамматика	94
5.2.3. Лексика	98
5.2.3.1. Заимствования из других германских языков	99
5.2.3.2. Негерманские языки — источники заимствований в германских языках	103
5.2.3.3. Характеристика современных германских языков с точки зрения удельного веса заимствований. Пуризм	107
5.3. Социолингвистическая типология германских языков	113
ЛИТЕРАТУРА	119
ПРИЛОЖЕНИЯ	121